

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

НАЧАЛО

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Начало России
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018605
Начало России: Алгоритм; Москва; 2012
ISBN 978-5-6995-5637-3

Аннотация

Время создания Великой России было переломным моментом не только в отечественной, но и во всей мировой истории. В пожарищах междоусобиц скончалась некогда блестящая Киевская Русь. В агонии кровавой резни развалилась и корчилась великая степная империя, Золотая Орда. Мучительно умирала от собственных болезней самая культурная, самая славная империя Средневековья, Византия. И вдруг из общего хаоса, из месива беспомощных мелких княжеств стало подниматься нечто новое, совершенно иное. Россия. Могучая и мудрая, вобравшая в себя лучшее от всех трех предшественниц: Руси, Византии, Орды. Держава, ставшая их наследницей... Сшибались рати на Куликовом поле, обращались вспять полчища литовцев, поляков, крестоносцев. Разрастались города, расцветали дивными теремами, куполами храмов и маковками монастырей. Границы начали раздвигаться и на запад, и на восток, а герб московских государей, св. Георгий, пронзающий змия, дополнился византийским двуглавым орлом. Как произошли эти разительные перемены? Какие причины их вызвали? И почему на развалинах трех империй возвысился не Киев, не Сарай, не Константинополь, а маленькая, скромная Москва? Об этом рассказывает новая книга известного историка Валерия Шамбарова «Начало России».

Содержание

От автора	4
1. Как угасала Византия	5
2. Как погибала Древняя Русь	11
3. Каким был мир в XIV столетии?	16
4. Черная смерть	22
5. Великий князь Иван II Красный	27
6. Как в Орде началась замятия	33
7. Св. Благоверный Великий князь Дмитрий Донской	37
8. Литовщина	43
9. Как князь Дмитрий остановил Литву	50
10. Как в Москве завелись изменники	57
11. Как началась эпоха Возрождения	63
12. Пьяна и Вожа	69
13. Как расцветала русская церковь	73
14. Куликовское покаяние	78
15. Как русских зауважали	86
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Начало России

Посвящаю моим родителям

От автора

История – жестокая наука. В ее скупых строчках засушиваются и спрессовываются реальные трагедии миллиардов людей. Иногда описания претендуют на беспристрастность, иногда бывают откровенно субъективными, но сами их масштабы в той или иной мере навязывают равнодушие. Рассказывается о падении государств, гибели городов, нашествиях, битвах. Наконец, просто о жизни предшествующих поколений. А ведь все эти события сплетены из бесчисленного множества человеческих судеб. Судеб тех, кто был такими же, как мы с вами, а зачастую гораздо лучше нас.

Они по-своему жили, страдали, любили, радовались. Они захлебывались кровью и исходили мучениями от ран, заходились последними криками в пожарищах, умирали и прощались с близкими в родных домах. Но разве повернется у кого-нибудь язык сказать, что наши далекие предки промелькнули на белом свете бесследно? Они молились, создавали, растили потомство. Они прошли земной путь так, как положил им Господь. Они сотворили такое, что нам с вами сотворить пока не под силу – великую и могучую Россию! Каким чудом она возникла? Какими подвигами и усилиями? И можно ли вообще оценить эти усилия и подвиги?

1. Как угасала Византия

Железные шеренги легионеров остервенело рубились друг с другом. Осыпали ругательствами, гремели ударами по щитам и шлемам. Кидались к упавшим, резали глотки раненым, обдирали донага мертвецов... Величайшая из мировых империй, Римская, издыхала. Она загнила заживо, утонула в алчности и лжи. Знать погрязла в извращениях и интригах, чернь бездельничала, требуя дармовых раздач еды, вина, денег, развлекалась популярными зрелищами: травлями зверей, гонками колесниц, боями гладиаторов. Солдаты вошли во вкус бунтовать, провозглашая своих императоров, чтобы получить соответствующие почести и награды.

Гражданские войны покатались непрерывно, мерзости становились нормой поведения. Через границы все чаще вторгались соседние племена. В общем хаосе выделялись лишь христиане. Они не предавали, не развратничали, не воровали. Любой честный и чистый душой человек мог найти подобных себе только в христианской общине. Язычники ненавидели христиан, слишком уж непохожих на них самих. Они выдержали 10 кампаний суровейших гонений, и тем не менее их число не сокращалось, а множилось. К вере потянулись и воины. Она оставалась единственным светлым ориентиром в отвратительной действительности...

Ее силу сумел оценить Константин Великий. В 312 г. в очередной усобице его соперником выступил Максенций, непримиримый враг христиан. Предание гласит, что Константин увидел небесное знамение – Крест и надпись «Сим победиши». Велел изобразить Крест на знамени и на щитах солдат, что определило исход битвы. Ведь и у него, и у Максенция многие легионеры уже были тайными христианами. После победы был издан Миланский эдикт, разрешавший христианам исповедовать свою веру, строить храмы. В 324 г. Константин провозгласил христианство единственной истинной религией, а язычество признал заблуждением.

Император отмежевался и от такой обузы, как разложившийся Рим. На месте городка Византий на проливе Босфор он заложил новую столицу, Константинополь. Из вельмож и сенаторов Константин взял сюда только тех, кого выбрал сам. Языческое богослужение в новом городе запретил. А самого императора посвятили в чин диакона, он получил право участвовать в церковных делах. Светская власть соединялась с духовной, получала могучую опору. Так родился Второй Рим. Константин как раз и замышлял сделать свою столицу Вторым Римом – сохранить лучшее от первого и отсесть худшее.

Но даже столь радикальные преобразования не смогли исцелить империю. Знать по-прежнему склочничала, чиновники хищничали. Завоеваний больше не было, и для содержания армии, аппарата управления, строительства городов увеличивались налоги. Державу сотрясали восстания. Связи между различными ее частями слабели. В 395 г. умер император Феодосий, и перессорившиеся временщики разорвали империю на две, Западную и Восточную. Западная продержалась недолго. Ее провинции захватили «варвары»: франки, англосаксы, бургунды, алеманы, вандалы, готы устроили собственные королевства. В Риме заправляли командиры германских наемников, по своему усмотрению меняли императоров. Наконец, в 476 г. вождь рогов и герулов Одоакр низложил последнего императора Ромула Августула, а сам стал королем Италии.

Восточная Римская империя тоже подверглась катастрофическим ударам, но уцелела. Это было уже другое государство. Основную часть его граждан составили греки, народы Малой Азии, Ближнего Востока. Официальным языком стал не латинский, а греческий. В литературе внедрилось и иное название, Византия. Хотя сами византийцы никогда так не называли свою родину. Империю гордо именовали Римской, а себя «ромеями» – римлянами

[95]. Но Второй Рим оказался куда более жизнеспособным, чем первый. На востоке прочнее, чем на западе, утвердилось христианство, население в меньшей степени подверглось разложению.

Византия довольно быстро оправилась от бедствий, и в VI в. вступила в полосу нового расцвета. Константинополь превратился в самый большой и красивый город мира. Император Юстиниан даже замыслил восстановить былые римские границы. Его войска отобрали у «варваров» часть Испании, Северную Африку, Италию. Когда Европа погрузилась во мрак раннего Средневековья, одна лишь Византия осталась оазисом, сохранившим и донесшим до будущих поколений наследие античной цивилизации.

Она создала и собственную неповторимую культуру, христианскую. Здесь вырабатывались догматы веры, каноны богослужения, иконописи, архитектуры, рождались фундаментальные богословские труды. Константинополь был признанным центром мирового христианства, императоры и патриархи поддерживали Церковь в нищих западных странах, посылали священников, книги, утварь, деньги. Империя реорганизовала армию, ее флот господствовал на морях. В многовековой борьбе византийцы сокрушили могущественную соперницу, Персию. Отражали нашествия аваров, славян, стали камнем преткновения на пути арабских завоевателей.

Но мир вокруг менялся. Западные королевства постепенно набирали силу, а в Византии начали сказываться ее болезни. Некоторые она унаследовала от Рима – высокомерие и гордыню. «Ромеи» ставили себя неизмеримо выше всех прочих народов. Презирали «грубых варваров», легкомысленно предавали собственных союзников – стоит ли считаться с «дикарями»? Византийские аристократы, как и римские, рвались к власти и наживе, у победоносных военачальников кружились головы, хотелось большего. Заполыхали драки за престол.

Сказался и неоднородный состав империи. Итальянская знать завидовала своевольным феодалам в западных странах, владычество императора ее раздражало. А тон сепаратистам задавали римские первосвященники. Они числились подданными Византии, по духовному рангу были равны с патриархами – Александрийским, Антиохийским, Константинопольским, Иерусалимским. Из уважения к древней столице им предоставляли первенство в церковной иерархии, выделяли особым титулом «папа». Но их паствой были не только итальянцы, они окормляли христиан в государствах франков, бургундов, лангобардов, баварцев, ставили там епископов, имели церковные владения. Папы начали чувствовать себя независимо, конфликтовали с императорами.

Восточные провинции Византии поразила другая зараза. Из Персии сюда проникали ереси, соблазняли приграничных жителей, военных. В очередной гражданской войне победил Лев III Исавр – и оказалось, что сам император еретик. В 726 г. он развернул кампанию иконоборчества. Лев III и его сын Константин V Копроним взялись уничтожить святые иконы, мощи. Громили монастыри, на поборников Православия обрушились репрессии, затмившие гонения в языческом Риме. Их истязали, казнили, монахов и монахинь заставляли отречься от обетов и вступить в брак под страхом ослепления или смерти. Иконоборцев поддерживали солдаты, столичная чернь. Для них открылась возможность пограбить, поиздеваться над жертвами.

Но ересь дала прекрасный повод отделиться Риму и итальянским владениям. Православных взяли под защиту и арабы, к ним потекли ученые, мастера, крестьяне. Греческие императоры бросали войска на погромы, на бунтующих подданных, а мусульмане одерживали успех за успехом, заняли Северную Африку, средиземноморские острова. Иконоборческие бесчинства сотрясали империю более ста лет. Сторонники истинной веры не сдались, самоотверженно сопротивлялись. Императрица св. Ирина сумела вернуть Церковь к христианским канонам, созвала VII Вселенский Собор, осудивший ересь. Ее свергли, уморили в

темнице. Но другая императрица, св. Феодора, в 843 г. окончательно победила лжеучение, возродила Православие.

После этого греки пытались восстановить единство Церкви, а не тут-то было... В Риме успели накопиться свои особенности. Папы вошли в роль лидеров «христианского мира», ставили собственную власть выше светской: поучали и регулировали королей, князей, герцогов. Особенно удачным получился альянс с королями франков. Они обязались оказывать Риму военную помощь, а папы за это подарили им титул императоров Священной Римской империи. Впрочем, империя быстро развалилась, но титул сохранился, перешел к властителям Германии.

Церковь очень выгодно играла и на том, что оставалась в Европе единственным источником культуры. Короли, князья, вельможи – все были неграмотными. Епископы и аббаты занимали должности их советников, министров, превращались во влиятельных светских князей. Стараясь закрепить за собой монополию на грамотность, западные иерархи ввели правило: богослужения и богослужебная литература допускаются только на трех языках: латыни, греческом и еврейском. Попробуй-ка выучи! Чтобы выделить свое особое положение, духовенство даже изменило практику Причастия – Кровью и Плотью Христовыми, хлебом и вином, стали причащаться лишь священнослужители, а для мирян ограничивались хлебом, пресными облатками.

Хотя европейские богословы были куда менее компетентными, чем греческие. Например, при переводе на латынь Символа Веры в него по ошибке попало слово «filioque» – и получилось, что Святой Дух исходит не только от Бога-Отца, но и от Сына. В догматику вошла фольклорная байка, что не только Христос, но и Дева Мария родилась от непорочного зачатия. Изменилось и понимание церковной организации. Православная традиция подразумевает, что Церковь – сообщество всех христиан. Глава ее – Сам Христос, а какие-либо спорные вопросы решаются на Соборах. В латинском варианте главой Церкви стали представлять папу, объявили его «наместником Христа».

Воссоединиться с Восточной Церковью Рим не спешил. Требовал, чтобы императоры подчинялись папе наряду с западными монархами, а Константинопольская патриархия приняла латинские новшества. Переговоры ни к чему не привели, любые уступки оказывались недостаточными. Патриарх Фотий, выдающийся богослов, но и мудрый политик, сумел осознать, что вопрос этот отнюдь не духовный, а вполне земной. Что Запад – заведомый враг Византии, и попытки сближения обречены на провал.

Ну а коли так, Фотий начал бить оппонентов их собственным оружием. Доказал, что сами по себе претензии пап на верховную власть в мире, ограничение вероисповедания тремя языками и прочие нововведения являются ересью. А в противовес европейскому сообществу Фотий принялся создавать международную византийскую систему – через распространение Православия. Укреплял связи с церквями Грузии, Сирии, Армении. Св. братья Кирилл и Мефодий разработали славянскую азбуку, перевели Священное Писание. Православное крещение приняла Болгария, а потом и Русь.

Воскресли авторитет и слава Византии, ее поддерживали единоверцы, она успешно теснила мусульман. Перед ней снова заискивали чужеземцы. Даже римские папы склонили перед ней голову, просили ее покровительства. Но и греческая политика была отнюдь не бескорыстной. Императоры использовали церковные структуры и дружеские связи для коварного разрушения и подчинения соседних стран – так были завоеваны Болгария, Грузия, Абхазия, Армения. Византийская дипломатия и Константинопольская патриархия всячески старались подчинить своему влиянию и Русь, это приводило к неоднократным конфликтам [17].

Хотя величие империи во многом было уже призрачным. Группировки придворных олигархов грызлись за право посадить на престол своих марионеток и дорваться до кор-

мушки. Цари проводили время в кутежах, распутстве, пустых забавах, не мешая приближенным разорять народ и разворовывать казну. Изыскивали новые источники доходов – вводили дополнительные поборы, прекратили финансировать и развалили армию. Видя такое дело, очередной поворот совершил Рим. Греки больше не могли оказать ему реальной помощи, имело ли смысл за них цепляться? Папа Лев IX нашел себе другую опору, разбойников-норманнов, а византийцев обвинил в «схизме», то бишь раскольничестве, неповиновении ему, папе. В 1054 г. латинская и греческая церкви окончательно разделились. А с востока появилась следующая волна завоевателей, турки-сельджуки. В 1071 г. под Манцикертом они наголову разгромили императорское войско, заняли большую часть Малой Азии.

Позор всколыхнул военных, они забунтовали. В смутах одержал верх Алексей Комнин. Но вместо того, чтобы возродить национальные силы, он взял курс на союз с Западом. Против пиратских нападений норманнов пригласил флот Венецианской республики, за это даровал ей право беспошлинной торговли по всей империи. Сельджуки больше не представляли серьезной опасности, их держава распалась на мелкие эмираты. Но Алексей паниковал, обратился к папе и европейским королям: «Империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками... я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения...» Призывал совместными силами выступить против мусульман, манил богатствами, церковными сокровищами.

Что ж, на такое приглашение европейцы охотно откликнулись. В 1096 г. папа Урбан II провозгласил крестовый поход. На восток хлынули потоки рыцарей. Нищие, оголтелые, безземельные – в Святой Земле надеялись набить карманы, отхватить имения. По дороге грабили греческие земли, легко разбили сельджуков, овладели Сирией и Палестиной. Но императору «освобожденные» провинции не вернули, выгнали его представителей и устроились на Ближнем Востоке полными хозяевами.

Как выяснилось, вопиющие ошибки Алексея Комнина не образумили его потомков. Его внук Мануил превзошел деда в увлечениях западничеством. Окружал себя иностранцами, в Константинополе распространились европейские моды, нравы, развлечения. Внедрялись и западные модели управления. Раньше наместники-архонты были всего лишь назначаемыми чиновниками, теперь они получали куда более широкие права, наподобие наследственных герцогов. Сбор налогов, как на западе, стали отдавать на откуп частным лицам. Они платили в казну наличными, а подати вытрясали сами, бессовестно обдирая людей. Кроме венецианцев, императоры запустили на свои рынки генуэзцев и пизанцев.

Внешне казалось, что Константинополь именно сейчас достиг вершины благосостояния. Гавань переполняли чужеземные суда. Состоятельные люди покупали импортные костюмы, диковинки, предметы роскоши. Вельможи-взяточники, иностранцы, нувориши спешили отгрохать дворцы, виллы, персональные церкви. Но провинция разорялась. Деревни пустели и забрасывались. Города приходили в упадок и заселялись инородцами. Дома и землю за бесценок скупали арабы, армяне, сирийцы, евреи. Греческое население правдами и неправдами перебиралось в столицу. Тут уровень жизни был совсем иным, и только тут можно было безбедно прокормиться на стройках, в порту, в услужении богачей, в преступной среде. Константинополь превратился в мегаполис-паразит, высасывающий соки из собственной страны.

Возмущение прорвалось бунтами. От Византии отпали Болгария, Сербия, Киликия, отделилась независимая Трапезундская империя. Архонты провинций больше не обращали внимания на царя, вели себя самостоятельными князьками. А в Константинополе утвердилась новая династия Ангелов, при них власть досталась откровенным проходимцам, должности и титулы «продавались, как овощи». Между тем, Запад так и не стал другом Византии. Крестовые походы в Палестину выдыхались – мусульмане опомнились, давали крепкий отпор. Но вожаемые богатства и земли имелись не только на Ближнем Востоке... Папа

Иннокентий III и венецианский дож Дандоло организовали четвертый крестовый поход – на Константинополь.

Рыцарей было очень мало, всего 20 тыс. Но оказалось, что у греков больше нет ни армии, ни флота, адмиралы распродали налево корабли, строевой лес, парусину. В 1204 г. горстка крестоносцев без труда ворвалась в Константинополь. Город ограбили подчистую, людей обращали в рабов или выгоняли на все четыре стороны. Потом рыцари двинулись по провинциям. Распадающаяся беспомощная страна почти не оказывала сопротивления, и на месте Византийской возникла Латинская империя. Земли поделили между феодалами, жителей объявляли крепостными, от священников требовали перейти в католицизм, убивали или изгоняли.

Но в день падения Константинополя группа молодых аристократов избрала императором Феодора Ласкаря. Он бежал в Малую Азию. На пограничные окраины греческое правительство давно махнуло рукой, не предоставляло им никакой защиты от сельджукских набегов. Однако местное население научилось спланиваться и обороняться само. Ласкаря сперва приняли неласково. Города не впускали его, наместники не желали подчиняться. Но следом наступали крестоносцы, и Феодор стал знаменем, вокруг которого собирались патриоты. Латинянам не позволяли закрепиться, отбросили назад...

В Малой Азии образовалась Никейская империя. Это было народное царство, Феодор опирался на простой народ – и побеждал всех врагов! Все худшее, продажное, прогнившее, оставалось в Латинской империи, искало, как бы выгоднее пристроиться к оккупантам. А в Никею стекались лучшие, честные, самоотверженные. Случилось невероятное. Обновленная держава достигла таких успехов, какие давно уже не снились Византии. Преемник Феодора Иоанн Ватаци провел реформы. На землях, конфискованных у изменников, создал крупные государственные хозяйства. Поддерживал крестьян, снизил налоги, лично контролировал чиновников. Предписал покупать отечественные, а не иностранные товары, и результат был потрясающим. Недавняя захудалая окраина Византии стала самой богатой страной Средиземноморья! Когда царю требовались расходы, мешками с золотом грузили караваны мулов.

Был построен мощный флот, границы прикрыли неприступными крепостями. Никейские войска очистили от крестоносцев Малую Азию, переправились в Европу, освободили Фракию и Македонию. Но... это был последний яркий взлет Второго Рима. «Народными царями» были крайне недовольна магнаты – при Ласкарях выдвигались не родовитые и богатые, а способные. В 1258 г. императора Феодора II отравили. Регентом при его 8-летнем сыне Иоанне стал глава заговорщиков Михаил Палеолог.

А в 1261 г. никейский отряд внезапным налетом отбил у крестоносцев Константинополь. Торжествами по случаю освобождения столицы Михаил попытался «подсластить» переворот. Слепил и заточил мальчика Иоанна, провозгласил императором себя. Поднялась волна негодования, патриарх Арсений отлучил его от церкви, жители Малой Азии восстали. Но царь уже сформировал наемное войско и подавил мятеж жесточайшей резней. У руля государства опять очутились олигархи и жулики. Огромную казну, накопленную Ласкарями, транжирили на возрождение былой придворной мишуры. Вернулись худшие византийские пороки, амбиции, злоупотребления.

Михаил Палеолог снова взялся наводить дружбу с Западом. Разве что венецианцев теперь опасался, но широко открыл двери генуэзцам. Рядом с Константинополем они отгрохали собственный город, Галату, получили массу привилегий, не подчинялись греческим властям. Ради пущего взаимопонимания с Европой император решил пожертвовать и Православию. В 1274 г. была заключена Лионская уния с католиками. Итоги были плачевными. Папы и не думали помогать Византии, а западные короли не теряли надежды захватить ее.

Зато Михаил поссорился с Болгарией и Сербией, да и его подданные отказывались изменять вере. Их сажали, казнили, на Афоне терзали и истребляли монахов.

Сын Михаила Андроник II пробовал исправить то, что натворил отец, расторг унию. Но выяснилось, что денег в казне больше нет. Разоренная страна не давала доходов. Пришлось расформировать флот, сокращать армию. Византия так и не смогла вернуть прежние владения. На Балканах пошла полная неразбериха. Греки, сербы, болгары, латинские бароны, итальянцы увязли в войнах друг с другом. Попытка унии и безобразия в Константинополе подорвали даже его церковный авторитет. Болгария провозгласила отдельную, Тырновскую патриархию. Сербия – еще одну, в Скопле. Причем афонские монастыри поддерживали сербскую, а не Константинопольскую.

А в Малой Азии из осколков различных племен возникла новая общность – османы. В отличие от сельджуков, они строго поддерживали единство, дисциплину. Никакого «турецкого завоевания» империи фактически не было. Османы просто заселяли земли, которые опустошили сами же византийцы в ходе подавления восстаний. Уцелевшие жители присоединялись к ним. От правительства они не видели ничего хорошего – ни безопасности, ни справедливости, с них только драли три шкуры. Турки же помогали своим, оберегали. Люди переходили в ислам и превращались в полноправных османов, община быстро росла. В Константинополе поначалу не оценили опасности. Наоборот, начали приглашать турок для участия в войнах. Они брали дешево, довольствовались добычей. Османские отряды под началом греческих полководцев все чаще появлялись на Балканах. Кто мог подумать, что их копыта печатают по дорогам приговор Второму Риму?

2. Как погибала Древняя Русь

Грекам приходилось не сладко, но в нашей стране дела обстояли еще хуже. Только в летописях и былинах жила еще память об эпохе Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого, когда Русь привольно раскинулась от Балтийского до Черного моря, и даже с Византией могла поспорить уровнем своей культуры, красотой городов, воинским могуществом. А уж европейские короли, нищие и невежественные, считали величайшей честью жениться на дочке или внучке киевских государей. Ни один враг не в силах был пошатнуть Русь, но и ее поразили внутренние болезни.

Диагноз был обычным для средневековых государств – феодальный распад. Графы и герцоги, войдя в силу, переставали повиноваться королям, задирались с соседями. Точно так же вели себя русские удельные князья. Бояре уподоблялись западным баронам. Вместо того, чтобы служить монарху, пытались диктовать ему свою волю. А Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк, проявляли такие же стремления, как торговые города Италии или Германии – ни от кого не зависеть и грести барыши пожирнее.

Застило глаза честолюбие, благие помыслы глушила корысть. Распалившись враждой, князья забывали, кто свои, а кто чужие. Заключали против сородичей союзы с половцами, венграми, поляками, литовцами. Полыхали города и деревни, массы людей угонялись в неволю, и главный выигрыш во всех сварах доставался на долю работоторговцев. Этот промысел держали в руках евреи. Их колонии угнездились в Крыму, Киеве, Константинополе, Средней Азии, Польше, скупали по дешевке пленных, бойко перепродавали по всему миру.

Русские начали разбегаться от этих кошмаров. Уходили на север, на Оку, в верховья Волги. Здешние края считались глухой окраиной, их даже не причисляли к Русской земле. Но тут можно было спокойно жить и трудиться, в лесах стучали топоры, вырастали города – им давали названия старых, принесенные с прежней родины: Переславль, Звенигород, Галич, Стародуб... Устроителем Северной Руси стал св. благоверный князь Андрей Боголюбский. Он сумел осознать: воевать за Киевское великое княжение бессмысленно, оно прогнило и погибает.

Андрей решил строить новую державу. Покровительницу он выбрал достойную, Саму Пресвятую Богородицу, вывез из южного Вышгорода чудотворную Владимирскую икону. На Клязьме росла новая столица, Владимир, ничуть не уступающая Киеву. Владимирская Русь быстро расцветала, умножалась людьми. Но Андрей Боголюбский шел против течения. Он созидал, укреплял власть государя, а нарастали силы противоположного свойства, разрушительные. Первый великий князь Владимирский был зверски убит боярами-заговорщиками.

Здоровое начало еще сумело взять верх. Младший брат св. Андрея, Всеволод Большое Гнездо, одолел всех противников. При нем Северная Русь достигла наивысшего подъема. Всеволод даже начал собирать под своей эгидой прочие русские княжества. Но его успехи оказались слишком непрочными. Едва он отошел в мир иной, Владимирская Русь вслед за Киевской раскололась драками. В битве на Липице полегло 9 тыс. воинов. За что? Да ни за что. Только лишь из-за того, что новгородцы не желали подчиняться владимирским государям, а другие князья завидовали им.

Между тем, на границах скапливались тучи. Усиливались литовцы. В Прибалтике высадились германские крестоносцы, Ливонский орден покорил латышей, эстонцев. На новгородские земли косились и шведы, и датчане. А на востоке, в неведомых глубинах степей, клубилась пыль под копытами монгольских туменов. Князья собрали огромное войско, 80 тыс. бойцов. Но это было феодальное ополчение, слепленное из недружных отрядов. На Калке 20 тыс. монголов вдребезги разнесли и истребили эту армию. Враги всего лишь разведывали дальние страны, они исчезли так же внезапно, как появились. Исчезли на 14 лет...

Господь недвусмысленно предупредил, к чему ведет разделение. Увы, даже страшный урок не пошел впрок. Временем, отпущенным для покаяния и исправления грехов, Русь не воспользовалась. В Поднепровье и Прикарпатье сразу же запыхали войны за наследство князей, погибших на Калке. Новгород и Псков выгнали князя Ярослава Всеволодовича, вознамерились сражаться с ним – потому что он готовил поход на немцев, а новгородские и псковские бояре уже решили отделиться от Руси, вели тайные переговоры о вступлении в международный торговый и политический союз, Ганзу.

Великий князь Юрий II кое-как сумел образумить крамольников, вмешался в южные усобицы. В 1236 г. его брат Ярослав Всеволодович повел полки на Днепр. Но и последняя попытка объединить Русь провалилась. Объединяться она не желала, и было уже поздно. К русским границам двигались полчища Батые... Захлебнулась в крови Рязань. Владимирские войска ушли на юг, и города, оставшиеся без защитников, чадили смрадными пожарами. Но распад Руси дошел до такой степени, что в других княжествах даже не задумывались о помощи братьям. Какая там помощь! Соседей воспринимали как чужие государства, а татар представляли наподобие знакомых кочевников – печенегов, половцев. Придут, пограбят и уйдут. Вот и пускай пошерстят соперников.

Князья считали куда более важными разборки между собой! На севере поля устилались трупами, героически жертвовали собой жители Торжка и Козельска, а на юге по-прежнему рубились за Киев, за Галич, призывали венгров и поляков – не против татар, а друг против друга. Так и грызлись, пока не настала их очередь. Засуетились и западные хищники, обескровленная Русь выглядела легкой добычей! Папа Григорий IX провозгласил крестовый поход на русских. Поднимали паруса шведские эскадры, содрогалась земля под колоннами ливонских и датских рыцарей, а изменники с нетерпением ждали их, подбивали граждан отдаться чужеземцам.

От окончательной гибели страну спасли великий князь Ярослав Всеволодович, занявший престол убитого брата, св. Юрия, и сын государя св. Александр Невский. Вышвырнули литовцев, сокрушили крестоносные рати. На пепелищах воскресали города, восстанавливалось управление. Но Русь ждали новые испытания. Татары были отнюдь не похожи на ее давних степных соседей. Они были спаяны железной дисциплиной, законами Ясы Чингисхана, а в аппетитах не особо стеснялись. Поставили перед собой задачу ни больше ни меньше как покорить мир. Прокатившись по Европе губительными потоками, они вернулись в донские и волжские степи. Возникла гигантская империя со столицей в далеком Каракоруме. Западная ее часть получила название Золотой Орды, хан Батый повелел строить на Волге собственную столицу, Сарай. Русские князья получили повеление – отныне повиноваться хану и платить дань. В общем-то, выбор предстоял однозначный. Вступить в безнадежную схватку, положить последние боеспособные дружины, а западные державы приберут к рукам то, что уцелеет.

К подобному варианту подталкивали римские папы, присылали делегации, сулили щедрую помощь. Их посулами соблазнился князь Даниил Галицкий, принял от Рима корону короля Руси, договаривался о соединении церквей, поднялся на ордынцев. Но никакой поддержки от католиков не получил, потерпел поражение, его земли стали растаскивать поляки, венгры и литовцы. Ярослав Всеволодович и св. Александр Невский сделали противоположный выбор. Подчинились Орде. В это время на Руси стала популярной ветхозаветная история о Вавилонском пленении. Когда мера грехов Иудеи переполнилась, Господь отдал ее для вразумления чужеземцам. «Ибо так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: железное ярмо возложу на выю всех этих народов, чтобы они работали Навуходоносору, царю Вавилонскому» (Иер. 28, 14) Библейские пророки убеждали своих властителей не противиться. Плен – кара от Бога, ее надо принимать со смирением. Лишь после того, как люди очистятся от грехов, Господь сменит гнев на милость [11].

Хотя именно с грехами дело не клеилось. Даже катастрофы и неволя не заставили Русь осознать свои ошибки. Св. Александр Невский стал последним великим князем, кому удалось удерживать от развала хотя бы северную, Владимирскую землю. Когда он отошел в мир иной, страна окончательно рассыпалась на уделы. Князья спорили за клочки территорий, за власть, хватались за мечи. Нашли и более верный способ сводить счеты. Набирали побольше денег, дорогих мехов, и ехали склочничать в Сарай. Раздавали подарки и взятки, выпрашивали против соперников татарские рати.

Этими поездками князья сами же разоряли собственную казну, а ордынские отряды громили все, что лежало на пути. Им-то не было разницы, противники или союзники. В результате разорялись и проигравшие, и выигравшие. Еще одним бедствием стала татарская дань. Попробуй-ка собери ее с оскудевших подданных! А у князей до этого и руки не доходили. Они были заняты более важными вопросами – хлопотали в Орде за детей, судились с недругами. Подати собирали их бояре и слуги, половину разворовывали. Хан сердился, посылал взыскать недоимки «лютых послов» с воинами. Они грабили почему зря, набирали людей для продажи в рабство, и княжества приходили в упадок. Поля зарастали лебедой, торговля глохла, крестьяне уходили куда глаза глядят, потомки былинных богатырей разбойничали на дорогах.

И все-таки Господь не оставил Русь. Самый младший из сыновей св. Александра Невского, св. Даниил, получил при разделе отцовских владений захудалую Москву. В борьбе за первенство возвышались то Переславль, то Городец, то Тверь. А Даниил не стал ввязываться в усобицы. Засучив рукава, он взялся трудиться, налаживать хозяйство. Возникло крошечное, еще незаметное зернышко нового государства. И оно начало прорастать. В столкновении с рязанцами Москва присоединила Коломну и Лопасню, в разборке со смолянами – Можайск. Племянник св. Даниила, князь Иван Дмитриевич, умирая бездетным, завещал дяде Переславль...

Дети московского властителя Юрий и Иван Калита уже почувствовали себя настолько сильными, что могли поспорить с Тверью о великом княжении. Схватка была крайне упорной и безжалостной. Тверичи несколько раз осаждали Москву, опустошали окрестности, призывали татар, сговаривались с литовцами. Москвичи отвечали не менее яростными вторжениями. В результате взаимного озлобления погибали князья: св. Михаил Тверской, два его сына, внук, погиб и Юрий Московский. Но его брат Иван Калита продолжил отцовскую политику – кропотливо и основательно устраивал собственный удел. Князь был очень благочестивым, исправно посещал храмы, а его прозвище пошло от сумки-калиты, из которой он раздавал милостыню. В летописях отмечено его второе прозвище, Иван Добрый.

Тверские князья были очень недовольны митрополитом всея Руси св. Петром. Им хотелось видеть во главе Церкви собственного ставленника, который решал бы споры в их пользу. Но Калита неизменно поддерживал святителя на Поместных соборах, помог защититься от клеветы, одолеть ересь, проникшую в Новгород и Тверь. Между князем и св. Петром завязалась искренняя дружба. Митрополит все еще назывался Киевским, но Киев не оправился от разгрома, запустел. Хирел и Владимир – он переходил из рук в руки вместе с ярлыком на великое княжение, его нельзя было передать по наследству. Никто не считал нужным украшать и ремонтировать временную собственность. Св. Петр на старости лет обосновался в Москве.

Он не стал политическим сторонником Калиты. Наоборот, сделал князя своим учеником. Наставлял, что вражда ведет в тупик, зло порождает зло. Путь к возвышению совершенно иной. Москва должна стать духовным центром Руси. «И сам прославишься, и сыновья и внуки твои в роды, и град сей славен будет во всех градах русских, и святители поживут в нем, и взыдут руки его на плеча враг его, и прославится Бог с ним». Надо угождать не людям, а Господу, и Он Сам вознаградит князя. Татарское иго не вечно. Исполнится чаша

зла, и Бог отнимет силу у Орды. Отнимет так же, как когда-то отнял у Вавилонского царства. Но Его милость надо заслужить. Чем? Нет, не только покаянными молитвами. Властитель угождает Богу правдой. «Искупи грехи свои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Даниил, 4, 20).

Святитель Петр одухотворил зернышко, созданное св. Даниилом Московским. А Калита был способным учеником обоих. В Кремле он начал строить целый комплекс красивых каменных храмов – Успенский и Архангельский соборы, церкви св. Иоанна Лествичника, Преображения Господня. Москва и впрямь превращалась в духовный центр, где могли бы жить и служить предстоятели Русской Церкви. Калита не пренебрегал и уроками св. Петра о княжеском долге. Приписка к Сийскому Евангелию рассказывает: «О сем бо князи великом Иване пророк Езекия глаголет: «В последнее время в опустевшии земли на запад встанет царь, правду любя и суд не по мзде судяй... При сем будет тишина велья по Русской земли и воссияет во дни его правда... Сирым в бедах помощник, вдовицы от насильник изымая, яко от уст львов...» Царь последних времен. Царь Правды. Именно такой идеал ставил перед собой московский государь [11].

И предсказания св. Петра чудесным образом сбывались. Правда и справедливость оказывались великой силой – к честному и рачительному правителю со всех сторон стекались люди. Боярам и воинам князь предоставлял службу, крестьянам и ремесленникам – землю, льготы, ссуды. А людьми богатели и укреплялись его владения. Ну а Тверь в поединке с Москвой надорвалась. Ее правитель великий князь Александр без толку расточил в Сарая казну, по уши влез в долги, вынужден был пустить в свое княжество мусульманских и еврейских ростовщиков. Они с лихвой возвращали затраты, обирали народ, обращали в неволю жен и детей. Мало того, выслуживаясь перед ханом, Александр согласился разместить у себя татарский корпус. Но население не вынесло бесчинств, восстало, и Тверскую землю выжгли ордынские каратели.

Великое княжение Владимирское хан Узбек сперва поделил между Калитой и Александром Суздальским, а позже целиком отдал Ивану Даниловичу. Вместе с титулом под его власть перешли и области, принадлежащие великому княжению – Владимир, Кострома, Новгород. Но расторопный московский государь сумел еще и «прикупить» несколько княжеств: Угличское, Белозерское, заволжское Галичское, половину Ростовского. Хотя термин «купля», употребляемый в летописях, был не совсем точным. Эти уделы обнищали, были не способны платить дань. Калита предложил Узбеку внести их долги, а взамен получил ярлыки на княжества. Их князья теряли самостоятельность, превращались в «подручных» Москвы.

Но жители присоединенных земель только выиграли. Иван Данилович принялся наводить там порядок – такой же, как в своих родовых владениях. Назначал добросовестных чиновников, строго контролировал их. Добился того, что было не под силу мелким властителям, очистил «Русскую землю от татей и разбойник». Московские дружины стали играть роль общих защитников населения. Калита пресек интриги, запретил подвластным князьям ездить в Орду, требовал вести дела с татарами только через Москву. Отладил и четкую систему сбора дани. В Сарай теперь регулярно отправлялись обозы и лады, нагруженные русской продукцией, серебром. Хан Узбек был доволен, он наконец-то нашел верного и толкового слугу.

Но даже это оказывалось в интересах... Руси. При справедливой раскладке и без воровства дань получалась немалой, но не разорительной. Зато прекратились наезды «лютых послов», карателей, угоны пленных. Летописцы отмечали: «Бысть отголе тишина велика на 40 лет, и пересташа погании воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша и починуша христиане от великия истомы, многия тягости и насилия татарского, и бысть отголе тишина велика по всей земле». Сорок лет «тишины»! Русь оживала, наполнялась

людьми. А одновременно утверждалось особое положение Москвы. Утверждалось в сознании народа. Можно ли было не уважать государя, давшего стране мир и правду? Утверждалось и в Орде. Когда жизнь Калиты подошла к концу, Узбек передал ярлык на великое княжение его сыну Семену Гордому.

Но и Господь показывал, что Москва идет по верному пути. После св. Петра здесь появились другие Божьи угодники. Дети обнищавшего ростовского боярина Стефан и Варфоломей решили стать монахами, поселились в глухом лесу недалеко от Радонежа. Срубили келью, церквушку во имя Св. Троицы. Стефан не выдержал такой жизни, ушел в большой монастырь. Варфоломей остался один. Принял постриг с именем Сергия, питался от трудов своих, молился. О праведнике распространялась молва, к нему потянулись монахи. Св. Сергий был очень скромным, отказывался быть игуменом. Первым настоятелем новой обители стал старец Митрофан, постригший Сергия. А сам он старался жить тихо, избегать мирской суеты. Но за его скромностью и смирением уже чувствовалось иное величие, неземное, люди заговорили о св. Сергии Радонежском.

После долгих колебаний в Москву перебрался преемник св. Петра на митрополичьем престоле грек Феогност. Среди здешних священнослужителей он обратил внимание на св. Алексия. Это был сын боярина Федора Бяконта, крестник самого Калиты. Но юноша отказался от блестящей карьеры, в 15 лет удалился в монастырь. Изучал богословие, церковное право, свободно владел греческим языком, даже сделал с греческого собственный перевод Евангелия. А Феогност успел сжиться с русскими. На склоне лет он приходил к выводу – в Москве нужен русский митрополит. Он приблизил св. Алексия, назначил «судити церковные суды», поставил Владимирским епископом, оставлял своим наместником на время отъездов. В лишениях, невзгодах, под татарским неласковым владычеством, из обломков Владимирской Руси складывалась Московская. Но какой ей быть, еще оставалось неясным. Да и вообще, существовать или не существовать Руси на белом свете? Второй вариант казался более вероятным.

3. Каким был мир в XIV столетии?

На столах мешались липким комом фрукты и сласти, застывали жиром бараньи мослы, по бородам стекало вино. В дурманящем мареве гашиша, как в сонном наваждении, зудела музыка, перед осоловелыми глазами блестела потная нагота танцовщиц. Похотливо скалились мальчики, разносящие вино, и к ним тянулись нетерпеливые руки... Мусульманский мир расслабился, грезил не о подвигах, а о барышах и наслаждениях. Шумели базары, предлагая груды разнообразных товаров, деньги сулили любые удовольствия. Впрочем, Восток был еще достаточно энергичным, полным скрытых сил. Но он нахлебался отравы.

Сосудом, где скопились и забродили яды, стала древняя Персия. Она была очень веротерпимой страной. Приняла бежавших от римлян евреев, принимала христианских еретиков, гностиков, сохранялись и темные учения языческих жрецов. Все это варилось вместе, перемешивалось. Иудейские мудрецы перенимали вавилонские и египетские магические откровения, и возникла каббала, христианские ереси соединялись с манихейством. В VII в. на Персию двинулись арабы, насаждали мечами новую веру, ислам. Разнородные сектанты, спасаясь от них, выплеснулись во все стороны. Угнездились на Кавказе, в Средней Азии. В Хорезме они учинили революцию, принялись перестраивать государство по собственным принципам, казнили знать, отбирали имущество, обобществляли женщин – сестер, дочерей, жен. Благоразумные жители спаслись от смутьянов, призвав тех же арабов. Но еретики подались еще севернее, в Хазарию.

Здесь взяли верх иудеи-каббалисты, они были связаны с крупными купцами и ростовщиками, в низовьях Волги, на перекрестке торговых путей между Азией и Европой, вырос огромный город Итиль. Через него шли на запад караваны из Китая и Индии, перепродавались северные меха и балтийский янтарь. А основным товаром, который здешние купцы поставляли на мировые рынки, стали рабы. Хазария раскинула свои щупальцы на степные и кавказские племена, славян, финнов, выжимала из них соки. В 965 г. киевский князь Святослав Игоревич сокрушил ее. Пытался уничтожить под корень. Итиль и прочие города разрушил до основания. Остатки хазар попросились в подданство к шаху Хорезма. Он согласился, но поставил условие: принять ислам. Деваться было некуда, приняли – по крайней мере, для видимости. Но хазарские купцы восстановили и свой промысел. Спрос на невольников был немалый, а спрос рождает предложение. Центр работоторговли переместился в Крым, под крылышко христианской Византии.

А на арабах завоевание Персии и Средней Азии сказалось не лучшим образом. Потомки воинов, мечтавших погибнуть во имя веры, входили во вкус роскоши. Вместо смерти в бою выбирали житейские радости, обзаводились богатыми домами, гаремами. Суровый халифат распался, перерожденный томными и игривыми сказками «тысячи и одной ночи». Менялся и сам ислам. В нем множились свои секты. Стали популярными суфийские учения. Их признавали мусульманскими, не запрещали, но они вобрали в себя тайные премудрости, существовавшие задолго до ислама. Вера расплывалась. Ее основы толковали как нечто условное. Снимались запреты на вино, торжествовали извращения. А вместе с тем слабели и арабы.

В XI в. нахлынули сельджуки, сметали в сражениях всех противников. Но и они потянулись к удобствам, удовольствиям. Рядом с султанами и эмирами появились купцы-советники, готовые подсказать, как им правильнее жить и властвовать. В XIII в. остатки сельжукской державы захватили монголы. Под ударами Чингисхана пало Хорезмийское царство в Средней Азии. Однако хорезмийские купцы не пострадали. Напротив, их права в монгольской империи строго охранялись, они могли свободно путешествовать и торговать под защитой властителей.

Потомки Чингисхана поделили завоеванные земли. Средняя Азия досталась Джагатаю и его детям, Персия и Ирак – Хулагу. Их полководцев и воинов постигла та же участь, они приспособивались к местным обычаям, примеряли на себя прелести «тысячи и одной ночи». А западная часть монгольской империи отошла к роду старшего сына Чингисхана, Джучи. Глава этого рода, Батый, выделил братьям Синюю орду у Аральского моря, Белую Орду в нынешнем Казахстане и Сибири. Для себя предназначил Золотую орду. Она была и впрямь золотой. Собирала дань с Руси, с Камской Болгарии, поволжских народов, под властью Батыя остался и богатый Хорезм, а город Сарай строился в тех же местах, где когда-то стоял Итиль, на «перекрестке» Волги, Дона, караванных дорог из Китая.

На запах поживы быстро слетелись хорезмийские купцы – потомки хазар, смесь иудеев с мусульманскими сектантами. В летописях они частенько упоминаются вместе, «бесермены и жида». По сути, возрождалась Хазария в обновленном формате. Ордынские толстосумы нашли ходы и выходы при дворе, сделали ставку на ханского брата Берке. Он принял ислам, хорезмийцам было удобнее договариваться с мусульманином, втягивать его в «восточный» образ жизни. Наследник Батыя Сартак, благоволивший к русским, в 1256 г. был отравлен. Трон захватил Берке.

При этом Золотая Орда отделилась от монгольской империи, но купцам империя не требовалась, их занимали лишь собственные прибыли. А новый хан вполне их удовлетворял. Ему давали деньги на строительство дворцов, мечетей, давали на войну с родственником, ханом Хулагу. Чтобы расплатиться, предложили простой способ – отдать кредиторам на откуп сбор дани. «Бесермены и жида» появились в русских городах. «У кого денег нет, у того дитя возьмут, у кого дитяти нет, у того жену возьмут, у кого жены-то нет, того самого головой возьмут». Народ, доведенный до крайности, взялся за колья и дубины. В Ярославле, Владимире, Суздале, Ростове, Костроме, Устюге горожане восстали, перебили откупщиков. Св. Александр Невский каким-то чудом сумел смягчить гнев хана. Доказал, что хищники сами виноваты, разоряя подданных Берке. Уговорил больше не посылать откупщиков, поручить сбор дани князьям.

Но купеческая группировка сохраняла в Сарае огромное влияние. Когда хан Тохта пошел ей наперекор, его быстро отправили на тот свет [100]. На престол возвели его сына Узбек. Он провозгласил ислам государственной религией, предал смерти вельмож, отказавшихся принять ее. Хотя это был вопрос не духовный, а политический. Исповедание властителя открывало его подданным дороги на рынки Востока. На самом-то деле принципиальностью в вере Узбек не отличался. У русских он Православия не задевал, права церкви не ущемлял. А купцы настроили его подружиться с католиками. Узбек переписывался с римским папой, в Сарае в его правление возвели больше десятка латинских костелов и монастырей [50].

Чаяния торгашей Узбек оправдывал как нельзя лучше. Он несколько раз повышал дань с Руси, по малейшему поводу бросал на нее войска – живого товара приводили более чем достаточно. Правда, пленников требовалось перевозить на большие расстояния. Пешком через пустыни и горы не поведешь, истощают и перемерут, а флота у ордынцев не было. Но у них нашлись полезные партнеры, как раз католики. Венецианцы устроили свои колонии в Тане (Азове), Сугдее (Судаке), генуэзцы в Херсонесе и Кафе (Феодосии). Это были весьма могущественные республики. Венеции принадлежали Кипр и Крит, Генуе – Корсика, те и другие прибрали к рукам ряд греческих городов и островов.

Хотя представлять черноморские города итальянскими было бы ошибкой. Гости из Италии пришли на готовое. Под их покровительство перешли и переплелись с ними семейства, торговавшие здесь испокон веков. Достаточно отметить, что правитель венецианских колоний носил титул «консул Хазарии», а для управления генуэзскими колониями был создан особый орган «Оффициум Хазарие» [95]. Зато корабли были итальянскими, бойко

развозили невольников в Сирию, Африку, в саму Италию. Великий гуманист Петрарка писал, что у него «сердце радуется» от огромного изобилия русских рабов – дескать, всюду слышна их речь.

Западный мир пока еще не представлял серьезной опасности для мусульманских стран. Европа выглядела рассыпанной мозаикой из сотен королевств, герцогств, княжеств. Первая попытка объединить ее силы для широких завоеваний, крестовые походы, завершилась плачевно. Почти два столетия потоки добровольцев текли в Палестину. Под эгидой Ватикана были созданы особые ордена – тамплиеров, иоаннитов, Тевтонский орден. Вступая в них, рыцари давали монашеские обеты безбрачия, нестяжания, но должны были служить Богу и папе оружием.

Однако жителей Сирии и Палестины оттолкнули зверская жестокость и алчность европейцев – при взятии Иерусалима крестоносцы истребили всех горожан, после побед тысячами истребляли пленных. Восточные властители организовались, громили захватчиков. Пришлось убираться восвояси. Крестоносцы искали пристанища, где придется. Тамплиеров приняли короли Франции, иоанниты отхватили у византийцев остров Родос и Смирну, занялись пиратством. Тевтонский орден пригласили к себе поляки. Он истребил и поработил племена пруссов, обосновался в Пруссии.

Но кое-кому крестоносная эпопея принесла сплошной выигрыш – все тем же венецианцам и генуэзцам. Они подсуетились обслуживать морские коммуникации. Рыцари разных стран погибали в боях, умирали от болезней и тяжелого климата, а львиная доля их добычи досталась итальянцам. После того, как крестоносцев выгнали с Ближнего Востока, Венеция и Генуя взялись наводить контакты с победителями, мамлюкскими султанами Египта и Сирии.

Именно здесь, в Египте и Сирии, располагались главные работорговые рынки. Сюда же шли караванные трассы из Китая, Персии, Индии, привозили шелк и пряности. Они стоили чрезвычайно дорого. У нечистоплотных европейцев шелковая одежда была единственным средством уберечься от вшей и блох, а без пряностей при тогдашних технологиях было невозможно заготовить впрок мясо. На столь важном перекрестке набрали вес такие же торговцы, как в Крыму и Сарае. Стоит ли удивляться, что итальянцы нашли с ними общий язык? Мусульмане разрешили венецианцам и генуэзцам строить фактории, и корабли заскользили по сверхприбыльному треугольнику. Везли в Египет русских рабов, меха, платили ими за восточные товары, а на западе продавали за золото...

В европейской политике долгое время лидировала Германская империя. В ее состав входили Чехия, Венгрия, часть Италии. Но империя была рыхлой, ее части жили сами по себе, а титул императора можно было получить только в Риме. Германские властители придавали этому чрезвычайное значение, каждый из них считал долгом совершить поход в Италию и короноваться. Итальянцы возненавидели немцев за их вторжения. Едва императоры удалялись, отрекались от них, убивали или выгоняли их ставленников. Германские монархи, увязнув в итальянских проблемах, совсем запустили дела у себя дома. Для войн за вожделенный титул им требовалась поддержка феодалов, и короли заигрывали с ними, предоставляли большие права [42].

Результат был удручающий. Вассалы совершенно разболтались, с верховной властью никто не считался, рыцари и бароны занялись откровенным бандитизмом. Рудольфу Габсбургу пришлось вести напряженную войну с собственными подданными. Феодалов он усмирил, разрушил 156 разбойничьих замков. Но как только в Германии удалось навести относительный порядок, ее властители нацелились все туда же – утвердить господство над Римом. На это транжирились все силы и средства. А римские папы были совсем не в восторге, что им на голову сваливается то один, то другой император с армиями, заставляет плясать под свою дудку.

Сражаться с немцами у пап была кишка тонка, и они приноровились обращаться за защитой к Франции. Эта страна была гораздо меньше современной. Прованс и Наварра были отдельными королевствами, Бургундия, Нормандия, Бретань, Аквитания, Бурбон, Анжу, Гасконь – почти самостоятельными герцогствами. Но в Германии княжества и города тоже вели себя независимо, а французские короли кое-чего добились. Отобрали у англичан Нормандию, династическими браками пристегнули Бургундию. В общем, были в состоянии противодействовать императорам.

И все-таки между Парижем и Римом пробежала кошка. Орден тамплиеров вывез с Востока сказочные сокровища и занялся ростовщичеством. Широко развернулся во Франции, ссужал деньги аристократам по всей Европе. Однако тамплиеры (храмовники) привезли с собой не только ценности. Они увлеклись и оккультными учениями. Их орден создавался для защиты Храма Гроба Господня, но под «храмом» стали понимать некие тайные знания, способные обеспечить власть над миром. Рыцари скатились до сатанизма, служили «черные мессы», приносили человеческие жертвы. Конечно, это совершалось в тайне, и все-таки слухи о страшных обрядах просачивались, дошли до короля Филиппа IV Красивого.

Но тамплиеров не позволял трогать папа Бенедикт VIII. Он и сам был не простой фигурой. За ним стояли некие могущественные теневые круги в католической церкви. Своего предшественника Целестина, пытавшегося вести праведную монашескую жизнь, он заставил отречься и уморил в застенке. Позже выяснилось, что папа тоже занимался черной магией. Но Филиппу Красивому он слал распоряжения, как своему подчиненному. Указывал, что единственная законная власть на земле принадлежит «наместнику Христа». Королю его вмешательства во французские дела совсем не понравились, хозяин он или не хозяин в своем королевстве? Разругались, и Филипп послал папу подальше. Начал сам назначать во Франции епископов, собирать церковные подати.

Бенедикт разразился гневными посланиями – король в ответ конфисковал его владения. Папа раскипятился, намеревался отлучить его от церкви, но не успел. Филипп действовал оперативно, направил в Рим отряд и арестовал его, обвинив в чернокнижии. Подобное решение стало для Бенедикта таким шоком, что он помер. Король как ни в чем не бывало разыграл выборы и провел в папы француза Климента V. Этот не спорил, слушался, поселился не в Риме, а в Авиньоне. Тут-то взялись за тамплиеров. Магистр и прочие их начальники были осуждены и сожжены, в 1313 г. орден упразднили, а его богатства изрядно пополнили французскую казну.

Следствие раскопало связи тамплиеров, они вели к еврейским купцам и ростовщикам. Их принялись крепко трясти. Одних посадили по тюрьмам, других выслали из Франции. Но нити расследования привели и ко двору, в семью короля! Выяснилось, что в темных оргиях участвовали невестки Филиппа, придворные. Он страшно разгневался. Жен своих сыновей до конца избличать не стал, им приписали всего лишь прелюбодеяние и упрятали в темницу. Других виновных покарали страшно. С рыцарей, грешивших с невестками на этих сборищах, заживо содрали кожу и четвертовали. Десятки придворных дам, слуг и горничных перевешали, уличили в колдовстве и сожгли одного из епископов. Но кампания по оздоровлению страны быстро оборвалась. В 1314 г. в возрасте 46 лет Филипп внезапно скончался. Говорили о «проклятии тамплиеров», называли и более прозаическую причину – яд.

А Франция приобрела множество врагов. Итальянцы и немцы возмутились, что она перехватила «святой престол», назвали случившееся «Авиньонским пленением» пап. Император Людвиг Баварский не преминул явиться в Рим с войсками и организовал выборы антипапы Николая V. Не остались в стороне разбежавшиеся сектанты с иудеями, настраивали кого могли против обидчиков. Поначалу французов не удавалось поспорить лишь с Англией. Она была больше нынешней. Шотландия оставалась самостоятельным королевством, зато британцам принадлежали обширные области на континенте: Аквитания, Гасконь, Гиень.

Английские короли издавна воевали с французами, но утратили ряд провинций, и Эдуард II пришел к выводу – вражду пора прекращать. Посватался к дочке Филиппа Красивого Изабелле. Французский властитель одобрил его намерения, отвалил поистине королевское приданое, провинцию Анжу. У супругов родился сыночек. Ну как было не радоваться?

Хотя зачатие наследника стало для Эдуарда II лишь государственной обязанностью. Он был по уши влюблен в своего молочного брата Пирса Гейвстона, подарил ему графство Корнуолл, а в порыве особенно жаркой страсти даже назначил регентом Англии. Такой расточительный роман вызвал негодование английских баронов. Они бунтовали, дважды заставляли Эдуарда удалить любовника. Но король опять возвращал его. В третий раз бароны бунтовать не стали, просто зарезали Гейвстона. Что ж, Эдуард нашел других фаворитов. А расположение знати он надумал заслужить победами, покорить Шотландию. Вышло еще хуже. Шотландский король Роберт Брюс всыпал ему так, что мало не покажется. Пришлось отдавать ему свои земли. Бароны возмутились пуще прежнего.

Король сумел подавить мятеж, возглавлявший его Мортимер бежал во Францию. Там правили сыновья Филиппа Красивого. Решительностью и способностями отца они не обладали, отдали все дела приближенным. Те не обижали себя, быстро растащили казну, за взятки возвратили прежние льготы евреям. Братья-короли вели, скажем так, нездоровый образ жизни, и подолгу на престоле не задерживались. Людовика Сварливого сменил Филипп V, его – Карл IV. В один прекрасный день к нему в гости прикатила сестра, английская королева Изабелла – злая на мужа, неудовлетворенная. Встретила эмигранта Мортимера и постаралась наверстать недостаток мужской ласки за годы супружества.

Попутно они обсудили, что вся Англия недовольна королем, и решили попытаться счастья. Изабелла попросила у брата солдат и денег, соглашалась на любые обязательства. Карлу IV это показалось заманчивым. Ударили по рукам. В 1326 г. королева и ее кавалер высадились в Британии, свергли Эдуарда II. Жена дала полную волю накопившейся ненависти, придумала для него особый способ умерщвления. В тюрьме королю засунули раскаленный штырь в то самое место, которым он грешил. Корону возложили на ребенка Эдуарда III, а Мортимер и Изабелла начали править от его имени. С Карлом IV пришлось расплачиваться за помощь, ему вернули графство Анжу, отстегнули огромную по тем временам сумму, 50 тыс. марок, и даже признали, что английский король в качестве правителя Аквитании и Гаскони является вассалом французского.

Но это показалось оскорбительным английским феодалам. Они получали взрослоющего Эдуарда III – надо бы разобраться с чужеземными ставленниками и убийцами отца. Когда королю исполнилось 16 лет, он показал зубы. Мортимера повесил, заточил мать. Для воинственной знати он проявил себя вполне подходящим королем. Поколотил шотландцев, отбил потерянные территории. А во Франции умер Карл IV Сыновей у него не было, и корону захватил его двоюродный брат Филипп Валуа.

Но Эдуард III приходился более близким родственником покойному Карлу IV, племянником. Он расторг договор о вассальной зависимости, подписанный матерью. Валуа обиделся, отобрал его французские владения. А горячий Эдуард объявил себя королем и Англии, и Франции. Переправился на континент с войсками, началась Столетняя война. Его действия выглядели дерзким мальчишеством. Франция выставила многочисленную рыцарскую конницу, наняла лучших в Европе солдат, генуэзскую пехоту. У британцев рыцарство было куда жиже, пехотинцев Эдуард набирал из крестьян. Избегал сражений, маневрировал.

Французы наоборот, рвались к решающей битве, в 1346 г. окружили неприятеля у Креси. Но арбалеты генуэзцев слишком медленно перезаряжались, а Англия в ту эпоху была покрыта лесами, ее жители отлично владели луками. Арбалетчиков засыпали стрелами. Французские аристократы понеслись в конную атаку и уткнулись в ямы, вырытые на их пути крестьянами-солдатами. Впервые подало голос огнестрельное оружие, бабах-

нули английские пушечки-бомбарды, перепугав коней. Летели меткие стрелы, и французское воинство превратилось в мешанину, задние спотыкались о передних. А англичане кинулись добивать упавших рыцарей обычными ножами. Разгром был ошеломляющий. Эдуарду стали сдаваться города, целые герцогства...

Неспокойно было и в остальных европейских странах. На Пиренейском полуострове равнины занимали мусульманские эмираты, а в горах удержались мелкие христианские государства – Португалия, Кастилия, Леон, Арагон, Валенсия, Каталония, Галисия, Барселона. Между ними шли постоянные войны. Помаленьку государства укрупнялись. Кастилия объединилась с Леоном, Арагон с Каталонией. В борьбе с мусульманами первых успехов добились португальцы. Чтобы закрепить земли за собой, король Альфонс II Толстый приказал убивать всех взрослых мужчин, а женщин и детей изгонять вон. Но, сколотив более-менее заметное королевство, португальцы полезли на христианских соседей. Кастилия, отбиваясь от них, предпочла заключить союз с мусульманами, и «освобождение» Испании заглохло.

Звенели мечи и на востоке Европы. Оказалось, что поляки весьма опрометчиво зазвали к себе Тевтонский орден. Освоив Пруссию, он присматривался, чем бы еще поживиться. Начал нападать на Польшу, в 1330 г. отобрал у нее Померанию. А пока католики дрались между собой, рядом разрасталась языческая держава, Литва. Ее тоже раздирали усобицы, племенные князьки отчаянно соперничали. Победителем стал военачальник Гедимин. Сперва он помог князю Витеню одолеть противников и усмирить родовую знать, а потом убил Витеня и занял его место.

Литва в полной мере воспользовалась распадом Руси и нашествием татар, подминала разрозненные княжества. Шаг за шагом поглотила Полоцк, Витебск, Минск, Туров, Пинск, Волынь, Киев. В 1341 г. Гедимин отошел к праотцам. Шестеро его сыновей не отличались братской любовью, сцепились за власть. Верх взяли двое из них, Ольгерд и Кейстут. Они поделили сферы влияния. Кейстут, получил западную часть страны, водил полки на немцев и поляков. Старший, Ольгерд взял себе восточное направление. Дальнейшие планы он обозначил весьма откровенно, приняв титул великого князя Литовского и Русского.

4. Черная смерть

Русь оказалась зажатой между двумя могучими хищниками. Один был обожравшимся и дряхлеющим, Орда. Второй – энергичным и ненасытным, Литва. Но обе державы опасались друг друга, избегали большой войны. Это равновесие позволяло русским существовать в относительной безопасности. Впрочем, Руси как таковой в середине XIV в. не было. На ее просторах распластался лишь труп Руси. Даже титул великого князя обесценился. Его начали примерять те правители, кто считал себя независимым от Москвы. Появились тверские, рязанские, смоленские великие князья. Черниговское княжество, некогда большое и сильное, распалось на мелкие части – Карачевское, Белевское, Воротынское, Козельское, Елецкое, Курское, Новосильское и др. В южных осколках, Курском, Липецком, Путивльском, хозяйничали ордынские баскаки, совершенно не считались со слабенькими князьями.

В Козельске князь Андрея Мстиславича убил его племянник, решил сам завладеть крошечным княжеством. В захиревшем Муроме нашелся деятельный князь Юрий Ярославич, взялся заново отстраивать, заселять город. Но для этого понадобилось увеличивать подати, снаряжать население на работы. Люди зароптали. А родственник Юрия Федор Глебович воспользовался, сговорился с боярами и изгнал князя. Поехал в Орду и попросил утвердить Муром за ним. Юрий отправился туда же жаловаться, но Федор не забыл взять с собой его казну, раздал взятки и выиграл в ханском суде. Юрия выдали победителю, он закончил дни в темнице.

Рязанский князь Иван Коротопол, возвращаясь из Орды, встретил племянника Александра Пронского, который вез хану дань. Иван разгневался. Так же, как московский государь, он запрещал подданным ездить в Сарай. Схватил Александра, притащил в свою столицу Переяславль-Рязанский (ныне Рязань) и предал смерти. Возмутился сын убитого, Ярослав Пронский. Обратился к хану, и властитель Орды согласился, что Коротопол совершил явное злодеяние. Дал Ярославу ярлык на Рязанское княжество и войско. Оно нагрнуло в Переяславль-Рязанский, убийцу поймали и казнили. Но татары «восстанавливая справедливость», разграбили город подчистую, угнали жителей. Ярослав даже не смог княжить в Переяславле-Рязанском, поселился в городке Ростиславле. А подданные возненавидели его за то, что привел татар. У Коротопола остался малолетний сынишка Олег, бояре объявили его законным князем, народ поддержал. Ярослав был свергнут и погиб.

Уж казалось бы, насколько круто досталось тверскому дому! Жуткую смерть в Орде приняли четыре князя: Михаил Тверской, его сыновья Дмитрий и Александр, внук Федор. Но их потомки сцепились друг с другом. Главные города княжества, Тверь и Кашин, получили младшие сыновья Михаила Тверского, Константин и Василий. А у казненного Александра осталась вдова Настасья, настраивала четверых детей против дядей, внушала, что Тверь должна принадлежать им. Старший из них, Всеволод Холмский отправился к хану судиться. Кончился суд печально, пожилой дядя Константин Михайлович не вынес нервного трепка и умер. Хан вручил ярлык племяннику.

В отсутствие Константина Тверью правил второй дядя, тихий и миролюбивый Василий Кашинский. Он собрал дань и тоже покотил в Сарай. В татарском городке Бездеже победивший Всеволод столкнулся с ним и в досталь позабавился. Ограбил до нитки и отпустил в одном исподнем. Хорошо знал, что в Орде с пустыми руками делать нечего, вот и пускай идет. А сам явился в Тверь, занял престол. Скандал получился слишком уж вопиющим. По русским законам княжение передавалось старшему в роду – от брата к брату, а уж потом сыновьям. А тут молокосос осрамил главу рода! Вмешались Церковь и московский государь. Нажали на Всеволода, кое-как уломали уступить Тверь Василию Кашинскому, взамен он дал

земельные компенсации. Но Настасья и ее сыновья принялись шуметь, что Василий отстегнул слишком мало, притесняет родню.

В Пскове были другие проблемы, его замучили немцы. Если не весь Ливонский орден, то отдельные епископы, города или просто банды рыцарей с эстонцами и латышами навывались на русскую территорию пожечь деревни, нагрузить возы барахлом, угнать крестьян и скотину. Война, по сути, не прекращалась. Псковичи привыкли поближе держать оружие, жили от тревоги до тревоги.

Новгородская земля была самой обширной и богатой на Руси. Она простиралась до Ледовитого океана и Уральских гор. Новгород собирал дань с племен северной тайги и тундры, был крупным центром международной торговли. Немецкие купцы имели здесь свои подворья, привозили заморскую продукцию, а вывозили льняные ткани, мед, воск. Этот товар был особенно ценным: во всем мире для освещения пользовались свечами, салными или масляными светильниками. Восковые свечи были лучшими, не коптели, в странах Запада и Средиземноморья они стоили очень дорого.

Но Новгород издревле имел особые законы. Князья здесь лишь исполняли обязанности военачальников и судей. Новгородцы сами выбирали правителей-посадников, даже архиепископов. Впрочем, представление о здешнем «народовластии» зачастую бытуют искаженные. На самом деле в Новгороде народовластия и в помине не было. Прочие его города считались «пригородами». Они никакими правами не обладали, обязаны были выполнять то, что решат в Новгороде, и платить подати. Но и высший орган новгородской власти, вече, был собранием далеко не всех горожан. Археологами найдена вечевая площадь, она вмещала не более 500 человек [72]. Политику определяли бояре, 300 «золотых поясов», а с ними заседали «мужики-вечевики», выборные от городских концов и улиц.

Поборы и повинности перелagались на простонародье. Защититься от обид могли только те, кто имел сильных покровителей – в администрации и судах заседали те же бояре и их доверенные. В XII в. часть новгородцев, доведенная до отчаяния, вообще бросила родину, ушла в дальние края и основала новую республику, Вятку. В XIII в. отделился Устюг. Но и в Новгороде правящая каста не была единой. «Золотые пояса» делились на партии, кипела борьба за власть. С боярами были связаны общины купцов, ремесленников, олигархи прикармливали полезных горлопанов. Не так уж редко между городскими концами происходили побоища. Проламывали головы кольями, секлись мечами, скидывали противников в Волхов с камнями на шею.

Среди русского разброда самым благополучным островом выглядели те области, которые сплотила вокруг себя Москва. Очень небольшим островом. Хан Джанибек, сменивший Узбека, благоволил к московскому государю, не обременял излишними поборами. Неприятели и каратели не вторгались, деревни не горели. Люди на себе ощущали – жить под рукой московского великого князя удобнее и безопаснее, чем цепляться за какую-то самостоятельность. Симеон Гордый уже чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы произносить перед удельными князьями весьма смелые речи.

Втолковывал им: когда Русь была единой, никто на нее «не смеяше дерзнути, но вси покоряхуся и дани даяху». А когда князья перессорились, «наидоша татары» и овладели страной. «И ныне князей убивают, люди, всегда пленяюще, ведут в басурманство». Чтобы восстановить величие государства, требовал повиноваться, решать все споры только через великого князя. Если же кто-то начнет усобицу, позовет татар или будет искать суда у них, на того «нам быти заедин». Словами Семен Иванович не ограничивался. Совершенствовалося войско. Князья и бояре содержали отряды профессиональных дружинников (их еще называли отроками). Вдобавок к ним государь возродил систему, существовавшую во Владимирской Руси, в городах создавались пешие полки. На складах запасалось оружие, по призыву вставали в строй ратники-ополченцы.

Но и в Москве жизнь была отнюдь не безоблачной. Постоянной головной болью был Новгород. Обходиться без великого князя он не мог. Слишком близко стоял от границ, слишком уж косились на его богатства западные соседи. Однако «золотые пояса» вспоминали о подданстве только тогда, когда им требовалась помощь против немцев или шведов. А едва опасность исчезала, принимались качать «исконные» права, норовили пригласить к себе какого-нибудь князя послабее или вообще литовца. Чтобы и оборону им налаживал, и на власть не претендовал, был обычным наемником на службе Новгорода.

Особенно цепко олигархи держались за кошельки. Церковные выплаты митрополиту и дань великому князю воспринимались крайне болезненно. Новгородские бояре упрямо спорили, норовили уклониться от уплаты. Не останавливались перед войнами, возбуждали сограждан «постоять за Святую Софию», то бишь, за неприкосновенность их барышей. Любители наживы появились и среди бедноты, была бы удаль да сноровка. На лодках-ушкуях выбирались на большие реки, потрошили купцов, громили свои же, русские города, а пленных продавали на татарских базарах. Ушкуйники привозили в Новгород солидную добычу, и правительство покрывало их. И Калите, и Семену Гордому пришлось организовывать военные походы для вразумления своевольной республики. «Золотые пояса» шли на попятную, с них взимали штрафы и контрибуции. Но проходило какое-то время, и все повторялось.

Впрочем, боярство начало заноситься и в самой Москве. Оно складывалось при св. Данииле и Калите. К ним на службу перебиралась киевская, черниговская, смоленская, тверская знать. Князья возвышали достойных, жаловали землями, деревнями. Бояре набирали вес, а их дети уже пытались выступать самостоятельной силой. Например, Протасий Вельяминов был ближним боярином Калиты, московским тысяцким. Это была первостепенная должность – столичный градоначальник и судья, он представлял перед великим князем всех москвичей, руководил ополчением. После Протасия тысяцким стал его сын Василий, ходил первым советником у Семена Гордого, даже породнился с великим князем. В 1345 г. на его дочери Александре женился брат Семена Иван Красный.

На столь выгодной должности Вельяминов близко сошелся с ордынскими и генуэзскими купцами, участвовал в их делах, предоставлял льготы. Они тоже не обижали высокопоставленного партнера, в кубышку тысяцкого текли золотые ручейки. Правда, страдали русские купцы, но кто посмеет спорить с самим тысяцким, государевым родственником? Василий начал считать себя чуть ли не вторым великим князем, распорядился на Москве единолично. Завершая земную жизнь, передал свой пост и полезные связи старшему из детей, Василию Васильевичу.

Но до Семена Гордого дошли жалобы на махинации Вельяминовых, да и их амбиции раздражали великого князя. Он показал семейству, что должность тысяцкого отнюдь не наследственная, передал ее Алексею Босоволкову по прозвищу Хвост. Не тут-то было! У нового доверенного боярина нашлось множество врагов, подмечали каждое его прегрешение. Густо доливали клеветы. До того накрутили государя, что он возвратил высокий пост Василию Вельяминову, а Босоволкова отстранил и даже приказал братьям, чтобы вообще не принимали на службу ни его, ни его детей.

А главной заботой московского правительства стала литовская угроза. Ольгерд Гедиминович настойчиво распространял свое владычество на восток. Смоленские князья сочли, что смогут избавиться от ордынской дани, если вступят в союз с Литвой. О, им охотно распахнули объятия. Но теперь Смоленск боялся, что татары отомстят. Чтобы литовцы поддержали, не бросили в беде, приходилось подлаживаться к ним, княжество попало в полную зависимость от союзников.

Поддержка и впрямь была не лишней. Ситуацией решил воспользоваться брянский князь Глеб Святославович. Помчался к хану, взялся отобрать Смоленск, а за это выпросил

ярлык на него. Но в Брянске народ и без того был недоволен Глебом. А война со смолянами, присланные князю отряды татар, их грабежи и насилия подлили масла в огонь. В Брянск как раз приехал митрополит, но люди не постеснялись его присутствием, взбунтовались и убили Глеба. Его наследники все-таки сунулись побороться за Смоленск, но вмешался Ольгерд, разметал брянские дружины, князья очутились в плену, а Брянское княжество досталось победителю.

Открыто нападать на Московское государство он остерегался. За своих данников могла вступить Орда. А литовцы испробовали на себе ураганные набеги татарской конницы, война обернулась бы неисчислимыми убытками. Но Ольгерд не оставлял попыток ущипнуть русские земли. Пробовал осаждать Можайск – как бы желая возвратить его смоленскому князю. С Новгородом и Псковом он вел политику кнута и пряника. Манил местных бояр передаться под его владычество, обещал защиту, но и подхлестывал вторжениями и опустошительными набегами.

Литовский государь забросил удочки и в Тверь, женился на дочке склочной Настасьи Ульяне, сестре четверых князей Александровичей. Поддакивал, что владеть княжеством должны они, а не их дядя Василий Кашинский. В общем, исподволь, без большой войны, силился отрывать от Руси кусок за куском. Ольгерд, как и его отец Гедимин, вел себя достаточно мудро. В присоединенных русских областях сохранялись прежние обычаи и порядки, только князей заменяли литовцы. Православие Ольгерд не задевал.

Сам он вместе с ядром литовских воинов оставался язычником, приносил жертвы перед идолом Перкунаса в заповедных лесных капищах. Но к религиозным вопросам относился чисто прагматически. Всем сыновьям от первого брака позволил креститься. Ведь львиную долю его подданных составляли русские. Единоверцам было удобнее править ими, а другие русские легче подчинятся единоверцам. Лишь одно не давало покоя Ольгерду, митрополия в Москве. Он прекрасно осознавал силу и авторитет духовной власти. Получалось, что священники в его государстве тоже подчиняются Москве, его подданные вольно или невольно почитают центром Руси Москву. Митрополия сдерживала и тех, кто мог отделиться от Москвы.

Ох, как мечтал Ольгерд занять собственную митрополию! Такую, чтобы располагалась на его территории, митрополит был послушным литовскому государю – и лопнут последние скрепы, связывающие Москву, Новгород, Псков, Тверь, Рязань... Он не сидел сложа руки, обратился в Константинополь. Но патриархия не хотела ссориться с Москвой, оттуда греки получали немалые доходы. Не хотели они портить отношения и с Ордой. Ольгерду отказали. Он расвирепел, воспринял отказ как личную обиду. Отыгрался на православных, предал мучительной казни нескольких проповедников, святых Антония, Иоанна и Евстафия Литовских. Сыновей от второй жены, тверитянки, Ольгерд стал воспитывать в язычестве, назло православным пустил в Литву католических миссионеров, взял их под покровительство.

Но эмоции улеглись, а здравый смысл подсказывал – католицизм оттолкнет русских. А тут как раз до Ольгерда дошли известия: в Болгарии учреждена своя, Тырновская патриархия. Православная! Почему не попробовать? Литовские гонцы засобирались в Тырново. Болгары обрадовались – их патриархию кто-то признал за границей! Просьбу выполнили, прислали в Киев митрополита, некоего Феодорита. Хотя хитрость не удалась. Русское духовенство не подчинилось непонятному митрополиту. Оно привыкло, что церковью руководит Константинополь, а греки разъясняли, что Тырновская патриархия – самозванная. Встревожились и в Москве. Поняли, кто зазвал Феодорита. Состарившийся митрополит Феогност снарядил посольство в Византию. Описывал достоинства св. Алексия и убеждал после своей смерти поставить на митрополию именно его.

Но все насущные заботы и планы неожиданным образом были скомканы. Издалека, из глубин Китая, подползло кошмарное бедствие. Черная смерть, чума. Разносили ее крысы, отъедались на трупах, размножались, а потом разбежались из вымерших городов. Чума путешествовала на кораблях мореплавателей, с паломниками, купеческими караванами. Разгулялась по Индии, Персии, Средней Азии. Поразила повальным мором Золотую Орду. Через черноморские порты перекинулась в Византию, Италию, страшно опустошила Испанию, Францию, Англию, Германию, Скандинавию – в Европе легла в могилы треть населения. А потом, кружным путем, чума проникла на Русь. Заунывно зазвонили колокола и заголосили по умершим в Пскове, Новгороде, Смоленске, Чернигове. Белозерск и Глухов вымерли до последнего человека. А опустевших деревенок никто и не считал.

Жили люди, строили, добывали хлеб насущный – и в одночасье не оставалось никого. Стояли заброшенные избы, к которым невозможно было подойти от трупного смрада. Пировали в царстве смерти только крысы и воронье. В 1353 г. поветрие обрушилось и на Москву. Одним из первых скосило митрополита. Погибель не разбирала богатых и бедных, боярские хоромы и избы бедноты. Без спросу шагнула и в государев дворец. Почти в одночасье князь Семен лишился двоих сыновей, остался бездетным. А следом за ними чума ужалила государя. Он умирал в муках. С хрипами и стонами, из последних сил диктовал завещание. Старался позаботиться о супруге. Грезил о сыне – несуществующем, но вдруг родится?

Молил братьев, Ивана и Андрея, быть дружными, заботиться о его вдове. Завершил он свою духовную грамоту необычными словами: «А записывается вам слово сие для того, чтобы не престала память родителей наших и свеча бы не угасла». О какой свече он думал в те минуты? О династии московских князей? О возрождении Руси? Или, уходя в смертный мрак, смотрел на путеводный огонек свечи перед ликом Спасителя над своим ложем? Нет, свеча не угасла. Но она еле теплилась. Плакала восковыми слезами среди половодья человеческих слез. Трепетала язычком пламени, готовым померкнуть под первым же порывом ветра...

Семен Иванович не знал, что его слова о свече пройдут сквозь века. Но он не знал и того, что другие его заветы – о дружбе братьев, о разделе владений между ними, не имеют смысла. Из троих сыновей Ивана Калиты чума пощадила лишь среднего, Ивана Красного. Того самого, который был женат на Александре Вельяминовой. Мор не тронул и детей Ивана, дочку Любашу и двухлетнего Дмитрия. А младший брат государя Андрей успел еще порадоваться, успел узнать, что скоро станет отцом. Хотя ребенка уже не увидел, княжич Владимир Андреевич родился сиротой. Его назовут Владимиром Храбрым, а Дмитрия – Донским, но это будет еще не скоро. Кто мог предвидеть их грядущую славу?

Престол унаследовал Иван Красный, то есть красивый. Но что значила красота в царстве смерти? Многим казалось, что настал конец света. Отказывались от всего земного, раздавали имущество, постригались в монахи. Однако убийственное поветрие обладало некими непонятными закономерностями. Выбирало сложные маршруты продвижения, исчезало так же внезапно, как приходило. Вот и по Руси пронеслось и сгинуло. Люди оглядывались, приходили в себя. Получалось, что еще не конец. Получалось – надо жить...

5. Великий князь Иван II Красный

Русь пострадала от чумы очень сильно. Было подорвано хозяйство, замерла торговля, поредели боевые дружины. Сколько хлебопашцев, мастеров, купцов, княжеских и боярских слуг упокоились в наспех вырытых могилах, а то и в своих же домах, на дорогах, если некому было похоронить? Но на людей катастрофа подействовала по-разному. Одни каялись, полнее и глубже обращались к Господу. Осознали, насколько ничтожны любые дразги, обиды, корыстные соблазны перед лицом Вечности. Другие наоборот, спешили воспользоваться последствиями.

Тут-то и обнаружилось, насколько непрочным было единение, достигнутое Калитой и Семеном Гордым. Государь умер, Москва ослабела! Сразу зашевелились ее противники. Новгородцам досталось горюшка ничуть не меньше, чем москвичам, но «золотые пояса» проявили вдруг невиданную дипломатическую активность. Принялись пересылаться с Ольгердом, с князем Константином Суздальским, снарядили несколько посольств – в Сарай и Константинополь. Византийскому императору и патриарху повезли гору кляуз на Московскую митрополию, на покойного Феогноста, на его ближайшего помощника, святителя Алексия. Перед ханом ходатайствовали, чтобы он дал ярлык на великое княжение Владимирское не Ивану Красному, а Константину. Даже не дожидаясь, как дело решится в Орде, выгнали московских наместников.

Не забыли, как их удерживали в узде Калита и его старший сын, решили сыграть по крупному. С суздальским князем, разумеется, договорились, какие поблажки он даст республике за поддержку. У новгородцев хватало серебра на подкуп татарских вельмож, да и Константин был правителем отнюдь не бедным, ему принадлежало плодородное Суздальское ополье, крупные торговые города на Волге – Нижний Новгород и Городец. Он имел и формальные права на престол, его дед, хоть и недолго, делил с Калитой титул великого князя. Ну а одновременно «золотые пояса» нацеливались вырваться из-под контроля митрополии, для них открывалась дорога для сближения с Литвой.

Это было слишком опасно. Все усилия по возрождению Руси грозили пойти прахом. Вместо того, чтобы восстанавливать после чумы деревни, городские промыслы, церковные и административные структуры, приходилось вступать в борьбу. Выскребали оскудевшую казну и кладовые, грузили обозы подарками. Святителю Алексию предстоял далекий путь в Византию, Ивану II поближе, в Сарай. Нет, не напрасно Семен Гордый дружил с Джанибеком, исправно собирал для него дань. Хан не видел причин менять сложившиеся порядки. Впрочем, менять его было уже не просто. Ведь система сбора дани, созданная Калитой, была завязана на Москву. Стоило ли нарушать ее? В убытках останешься. В итоге взятки Новгорода и Константина утекли впустую, Джанибек вручил ярлык Ивану Красному.

На родину он возвращался с ханским послом. Именно татарин должен был возвести его на великое княжение в древней столице, Владимире – пускай князь всегда помнит, из чьих рук они получают власть. Но выяснилось, что бедствие Москвы воодушевило не только новгородцев с суздальцами. Рязанцы уже давно косились на соседей враждебно. Сами себя накручивали злостью, что москвичи полвека назад отобрали у них Коломну. Прослышали – Новгород проталкивает в государи Константина, и приняли желаемое за действительное. Сочли, что господство Москвы уже кончилось, пришло время посчитаться. Когда Иван Красный находился в Орде, рязанские бояре возбудили своего юного князя Олега, налетели на Лопасню, московскую крепость на южном берегу Оки. Разорили ее, взяли в плен наместника, измывались над ним, пытали.

Напакостили по мелочам, на что-то большее силенок не хватило, тут же и осеклись – Иван II возвращался великим князем, по-прежнему был в чести у хана. Выходит, поспе-

шили... Но и Красному было никак не с руки затевать войну. Его княжество не оправилось от мора, он сам еще не утвердился у власти. А новгородцы так и не успокоились. Объявили – хан дал Москве ярлык на великое княжение, но в их городе князя избираются. Они уже выбрали Константина Суздальского, и иного князя признавать над собой не намерены.

С рязанцами Иван Иванович вступил в переговоры, даже согласился заплатить выкуп. Они вернули Лопасню, отпустили наместника и других пленных. Зато Новгород воспринял подобное миролюбие как слабость, заупрямился. Как ни трудно было, как ни досадно, а государю осталось лишь одно, стукнуть кулаком. Призвал удельных князей в поход на новгородцев. «Золотые пояса» сперва храбрились, вооружали горожан, разослали гонцов в Тверь, в Суздаль, звали поддержать их. Но куда там! Оспаривать ханское решение никто не осмелился. Константин Суздальский предпочел примириться с Красным – связал приехавших к нему делегатов и выдал москвичам. Тут уж новгородские бояре сникли. Если от них отвернулся собственный избранник, надо было покоряться. Городская верхушка «с дары многими» отправилась к государю, извинялась. Что ж, Иван Красный удовлетворился. Выговорил за непослушание, да и простил. Подчинились – вот и хорошо.

А тем временем святитель Алексей все еще сидел в Константинополе. Состояние Византии было плачевным, и, тем не менее, она цеплялась за свое влияние на Руси. Патриархия вела себя так, будто по-прежнему представляла великую и процветающую империю. Греки крайне редко и неохотно ставили русских митрополитов. За всю историю Церкви их было лишь четверо, Иларион, Ефрем, Климент Смолятич и св. Петр, да и то двоих из них русское духовенство выбирало само, вопреки патриархам. Но сейчас Византии приходилось особенно худо. Ее раздирали гражданские войны между Иоанном Кантакузином и Палеологами. Кантакузин заключил союз с турками, даже отдал дочку в гарем старого султана Орхана. Благодаря этому ему удалось победить, венчаться на царство.

Но вскоре против него выступил Иоанн Палеолог с генуэзцами и сербами. Их драки совершенно разорили царство. В столице маскировали нищету блестящей мишурой – в императорском дворце подавали глинянную посуду, покрытую позолотой. Трон и короны украшались стразами, драгоценные камни были заложены западным торгашам. Противником Кантакузина стал и патриарх Каллист, царь сместил его, назначил Филофея, но Каллист бежал, оба патриарха поливали друг друга проклятиями. Император и Филофей чувствовали себя у власти очень хлипко, крайне нуждались в деньгах. Поэтому подношения значили в Константинополе не меньше, чем в Орде.

Новгородских жалобщиков обласкали, но отделались от них пустыми словами. А Алексея продержали «на испытании» целый год. Проверяли, что за человек, не опасен ли для Византии? Выжидали решения спора в Сарае, удержит ли первенство Москва? Не обойдет ли ее другое княжество со своими претендентами? Не обошло, и Филофей наконец-то рукоположил св. Алексея в митрополиты. Расщедрился до того, что узаконил положение, уже сотню лет сложившееся на Руси, выдал официальную грамоту о переносе митрополичьей кафедры из Киева во Владимир. Алексей выхлопотал грамоту и для св. Сергия Радонежского, с патриаршим благословением его монастырю. Пустился в обратный путь с чувством выполненного долга.

Но не успел доехать домой, как настигло известие, способное ошеломить кого угодно. Как выяснилось, Ольгерд сделал очередной хитрый ход. Потерпев неудачу с болгарским митрополитом, он снова обратился в Константинополь. Убеждал, что Литва, так и быть, порвет связи с Тырновской патриархией, если греки ей все-таки поставят отдельного митрополита. Кандидата Ольгерд позаботился подобрать такого, что лучше не придумаешь, тверского боярина Романа. Одним махом двух зайцев убивал – кроме решения церковных проблем, наводил мост с Тверью. Не поскупился и на деньги, послы привезли тугие мешки с серебром и золотом. Те же самые Кантакузин с Филофеем без долгих колебаний согласи-

лись. С Москвы получили, почему бы с Литвы не получить? Опять же, кто завтра возьмет верх? Скорее Литва, чем Москва.

При переговорах с Алексием патриарх слукавил. Ни словом не обмолвился о предстоящих переменах в Церкви, но резиденцию митрополита перенес во Владимир как раз для того, чтобы Киев «освободился». Проводили святителя, и лишь после этого Романа поставили Киевским митрополитом. Понадеялись, что Алексей узнает задним числом и смирится перед фактом. Человек пожилой, недужный, что он сможет предпринять? Но греки ошиблись. Обман патриархии и разделение Русской Церкви глубоко возмутили Алексея. Он не посчитался ни со своим возрастом, ни с самочувствием. Даже не передохнув с дороги, вторично выехал в Константинополь.

Взялся судиться с Романом перед лицом императора и патриарха. Тверской боярин был слишком слабеньким оппонентом для св. Алексея, а махинации византийцев выглядели не слишком красиво. Но и терять литовское серебришко им не улыбалось. Филофей заюлил и постарался выкрутиться. Признал Алексея митрополитом Владимирским и Киевским, а Романа – Литовским и Волынским, вроде как урезал его полномочия. Хотя для Ольгерда этого вполне хватало, он приобрел нужную ему митрополию.

А пока святитель путешествовал туда-сюда, великому князю ох как его не хватало! Мало было новгородцев с рязанцами, так еще и в Москве разыгралась безобразнейшая свара. Иван Красный по натуре был скромным, тихим, и тысяцкий Василий Вельяминов возомнил, что станет при нем вообще всемогущим. Государь – его шурин, кто как не он будет диктовать нужные решения? Вознаградит себя новыми пожалованиями, прибытками. Но Иван II узнал брата жены далеко не с лучшей стороны. Он был не настолько скромным и тихим, чтобы позволять сесть себе на шею. Красный имел собственные представления об истории с отставкой Алексея Босоволкова, убедился, что его оболгали. Амбиции Вельяминова он укоротил одним махом, отстранил его с поста тысяцкого и назначил Босоволкова.

Однако занимал он должность недолго. Утром 3 февраля 1356 г. его нашли на базаре убитым. Вычислить виновных не составляло труда, подозрения и улики указывали на Василия Вельяминова. А государь оказался в полной растерянности. Взять боярина под белые ручки и карать по закону? Попробуй-ка тронь, хлопот не оберешься. За Вельяминовым стоял мощный клан родни, высокопоставленные друзья, иноземные купцы, половина Москвы. А спустить на тормозах – значило расписаться в бессилии перед обнаглевшим боярином. Вопиющее преступление всколыхнуло и горожан. Москвичи забурили. Шумели, что повторяется история Андрея Боголюбского. Что Босоволков, как и он, любил и опекал простых людей, и за это его угробили «сильные». Слишком сильные. Иван II выбрал самый осторожный вариант. Выносить сор из избы и судить родственника все же не стал. Но Василию Вельяминову прозрачно намекнули, чтобы покинул владения великого князя. Он собрал пожитки и укатил в Рязань.

Святитель Алексей возвратился, жизнь пошла своим чередом. Но расхлебывали одни хлопоты, а накатывались другие. В 1357 г. к государю пожаловали совершенно необычные послы из Орды. Вели себя на удивление вежливо, почтительно, будто забыли, что прибыли к ханскому слуге. Впрочем, они и повеление привезли необычное. Джанибек писал, что его любимой женой Тайдулой овладел тяжкий недуг, уже три года демоны мучат ее корчами и судорогами, она ослепла. До хана дошли слухи, что св. Алексей исцеляет бесноватых, и он срочно вызывал митрополита к супруге: «Мы знаем, что Небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего».

Нежданно-негаданно на святителя ложилась небывалая ответственность. Не за ханшу, а за всю Русь! Поможет Бог или не поможет, услышит или не услышит? Раньше слышал, помогал, но ведь Тайдула была не христианкой! И кто знает, по каким грехам попущена одержимость? Джанибек был милостив к Москве, его называли «добрым царем». Но люди

отдавали себе отчет, что уповать на его доброту было бы опрометчиво. Пороки и замашки татарских ханов были присущи Джанибеку в полной мере. При восшествии на трон зарезал братьев, казнил неугодных, посылал карателей на провинившиеся княжества. А ну как разъярится, закапризничает? Алексия провожала вся Москва, молилась за него, переживала.

Он справился. Отчитал Тайдулу, и Господь явил чудо, ханша избавилась от напасти. Радовались тоже вместе, всей Москвой славили Бога. Еще бы не радоваться! Беда не разразилась. Наоборот, натура хана выиграла от счастья, он не знал как отблагодарить святителя. А подобное отношение к митрополиту обещало самые радужные перспективы и для православной паствы, для великого князя. Джанибек будет помнить добро, платить тем же... Но кто мог подумать, что жизнь самого Джанибека уже кончается?

Хан задумал повоевать в Закавказье. Поход был удачным, он захватил Тебризское царство в Азербайджане, посадил там править сына Бердибека и с караванами награбленных сокровищ двинулся назад. До Сарая не доехал. Летописи сообщают, что в дороге он «от некоего привидения разболеся и взбесился». От какого привидения, остается лишь гадать. Может, слишком бурно праздновал победу и занемог белой горячкой, а может, ему что-нибудь подсыпали, в Орде это умели. Во всяком случае, вокруг расхворавшегося Джанибека составил заговор военачальников. Его главный полководец Товлубий и темник Мамай призвали Бердибека и научили, как надо действовать. Сын велел прикончить отца. Придавили лицо подушкой, и готово.

У Бердибека было 12 братьев от разных матерей, но и с ними церемониться не стали, перерезали одним махом вместе с семьями и приближенными. Вельможи, расчистившие хану путь к трону, внакладе не остались. Возвысились при нем, прибрали к рукам конфискованные дома, стада, пастбища. Мамай подсуетился жениться на сестре Бердибека, стал гурленем, ханским зятем. Но для того, чтобы закрепить переворот, требовалось ублажить не только ближайших помощников. С одной стороны, надо было как-то успокоить и удовлетворить простых воинов, с другой – заручиться расположением могущественных сарайских купцов.

Заговорили, что уже давненько не громили Русь. Небось, отъелась, накопила добра. Сопротивляться русские не посмеют, воины пограбят досыта, купцы получают массу пленных. Подобрать повод было не так уж трудно. Бердибек отправил «лютого посла» звать к себе князей, перечислял всевозможные их прегрешения, действительные или надуманные. Для Москвы дело оборачивалось хуже не придумаешь. Иван Красный считался ставленником Джанибека, пользовался покровителем казенных ордынских сановников. Опять надо было опустошать казну. Какие уж тут собственные нужды, задумки что-нибудь построить? Все что есть – на подарки, на взятки.

Но с великим князем отправился в Сарай митрополит, а исцеленная Тайдула была матерью Бердибека. Неужели не заступится, не замолвит слово? Она заступилась. Иван Иванович и св. Алексей еще не успели добраться до Сарая, а хан уже сменил гнев на милость, встретил их торжественно, как лучших друзей. Впрочем, нашлись умные советники, подсказали ему и другие соображения. Напомнили, что именно Москва собирает ордынскую дань. Ни Тверь, ни Суздаль не смогут обеспечить хану регулярные выплаты. А в противостоянии с Литвой Москва выступала самой надежной опорой татар. Оттолкнешь русских – куда они потянутся? Пример Смоленска и Брянска был еще свежим.

Со своей стороны Иван II и его бояре предпринимали все усилия, чтобы приспособиться к переменам в Сарае. Прежние доброжелатели погибли, надо было заводить новых. Обходили с визитами и дарами жен Бердибека, его любимцев. Но в новом ханском окружении обнаружилось вдруг знакомое лицо, изгнанник Вельяминов! Ордынские торгаши и ростовщики не забыли, какие услуги боярин оказывал им в Москве. Приютили, порекомендовали полезного человека сановникам Бердибека. Те обмолвились в разговорах с Иваном

Красным, что надо бы простить их друга, вернуть на должность тысяцкого. Разве можно было отказать?

Хотя в целом поездка удалась как нельзя лучше. Грозу пронесло, тучи рассеялись. Хан сохранил за Москвой великое княжение, подтвердил привилегии Церкви. Народ опять радовался, чувствовал возвращение государя и митрополита, живых и невредимых. На время своего отсутствия Иван Красный оставил править сына Дмитрия – оставил чисто номинально, княжич был еще малышом. Бояре, руководившие страной от имени Дмитрия, научили его произнести первую в жизни публичную речь. Мальчик со слезами на глазах славил св. Алексея: «О владыко, ты даровал нам житие мирное!..»

Но как же трудно было его оберегать, мирное житие! Смерть Джанибека пробудила активность рязанцев. Они, по своему обыкновению, опять увлеклись, размечтались: теперь-то Москва наверняка лишится ханского благоволения. Олег Рязанский додумался искать собственных друзей в Орде, зазвал в гости царевича Мамат-ходжу, приплатил, и царевич прислал Ивану Ивановичу высокомерное письмо. Дескать, он, Мамат-ходжа, намеревается разобрать споры двух княжеств и установить между ними истинную границу. Но великий князь не позволил запугать себя, твердо ответил, что московско-рязанские границы хорошо известны. Царевича ткнул носом в ханские грамоты и запретил появляться в своих владениях.

А в Суздале умер бывший соперник, Константин. Княжество досталось трем его сыновьям, Андрею, Дмитрию-Фоме и Борису. Но и они вздумали поиграть в дипломатию. Заслали сватов не куда-нибудь, а в Литву, просили Ольгерда выдать за Бориса дочь. Завязывался альянс, достаточно неприятный для Москвы. Дети Константина теперь могли рассчитывать на помощь тестя в каких-то будущих честолюбивых планах. Иван Красный и святитель Алексей решили подстраховаться, тоже вступили с Ольгердом в переговоры, предлагали закрепить мирные отношения брачными узами. О, литовский государь готов был заключать любые договоры. Дочка Ивана II Люба еще и в зрелость не вошла, вытянулась тоненькой угловатой отроковицей, но в политических браках возраст не играл особой роли. Любашу проводили в чужую страну, повенчали с племянником Ольгерда.

Но... властитель Литвы далеко не всегда придавал значение родственным связям и договорам. Вспоминал о них лишь в тех случаях, когда это соответствовало его планам. Он взялся поддерживать не московских, а других родственников. Сыновья Настасьи Тверской во главе с Всеволодом Холмским все более сурово грызлись с дядей, Василием Кашинским, требовали переделить города и земли. Ольгерд влез в их раздоры, подстрекал братьев своей жены быть смелее. Тверское княжество вот-вот могло расколоться войной, и нетрудно было предвидеть вмешательство литовцев... Иван II и митрополит забили тревогу.

Св. Алексей вызвал во Владимир Василия Кашинского и Всеволода Холмского, зывал к совести, уговаривал полюбовно уладить разногласия. Не тут-то было. «Много было меж ими глаголанья, но конечный мир и любовь не сотворися». Дядю поддерживали Иван Красный и сам митрополит. Но за племянником стоял Ольгерд, и он категорически отказывался уступать. Даже авторитет святителя на него не действовал, увещания Алексея Всеволод ставил ни во что. Вот тут-то сказалось, насколько полезно для Литвы церковное разделение. Имело ли смысл слушаться митрополита, если существовал второй, причем свой же, тверской боярин?

Всеволод настолько распалился, что задумал вообще отобрать Тверь у Василия. Откопал старый ярлык, выданный по ошибке Джанибеком, поехал кляузничать к хану. И на дядю, и на Ивана Красного со св. Алексием, за то, что приняли сторону дяди. В Москве узнали, великий князь распорядился не пропускать ябедника. Нет, вздорный князь проехал кружным путем, через Литву. Но в Сарай он попал на свою голову. Ивана II и митрополита после их визита хан зауважал, видел в них верных и достойных слуг, а связи Всеволода с Ольгердом

выглядели подозрительными. Его поведение Бердибек расценил как неповиновение старшим и выдал князя дяде, отослал под стражей в Тверь.

Однако и Ольгерд ответил на случившееся открытой враждой. Св. Алексей отправился в Киев окормлять южную паству, а его там схватили и упрятали в темницу. Вот вам, москвичи, Киевская митрополия! Знайте, как задевать наших ставленников! Литовские отряды вторглись на тверскую территорию, заняли Ржев. Василий Кашинский поднял войска, в помощь ему Иван Красный послал Можайский полк. Незваных гостей вышлубли. Но через некоторое время Ржева снова оказалась в литовских руках.

Хотя с теми князьями, кто передался под покровительство Литвы, Ольгерд заигрывал лишь до поры до времени. Союз был промежуточным этапом, а конечным – полное завоевание. Уж на что старались дружить с литовцами смоленские правители. Но пришло время, и литовский государь прикинул: они остались в одиночестве, на помощь Орды рассчитывать не могут. Напал без всяких видимых причин, отнял Мстиславль, Белую, подступал к Смоленску. Крепость была сильной, князь Святослав Иванович кое-как отбил. Но деваться ему и впрямь было некуда. Просил о мире, проглотил продиктованные ему условия.

Обстановка на границах становилась все более тревожной, и в такой момент великий князь Иван Иванович разболелся. Ему было всего 33 года, но диагнозов в те времена не ставили, а лечить умели далеко не все недуги. Государь угасал. Успел составить завещание. Распределил между наследниками фамильные драгоценности. Их было так мало! Самый сильный и богатый властитель на Руси поштучно расписывал несколько золотых поясов, сабель, цепей. Золотых сережек с жемчугом была одна пара, ее отец честно разделил – каждому из двух сыновей завещал по серьге.

Москву поделил поровну, чтобы была общим достоянием. Из прочих земель и городов старшему определил больше, чтобы младшие повиновались. Завершил традиционным пояснением – если у наследников прибавятся земли, пусть разделят по справедливости. А если Орда отберет часть земель, надо покорно и по справедливости переделить оставшееся. 19 ноября 1359 г. Иван II отошел в мир иной. За гробом шли бояре, священники и трое князей. Сыновья Красного, Дмитрий с Иваном, и племянник Владимир Андреевич. Преемником отца был Дмитрий. Ему исполнилось 8 лет. Его брату – 5, двоюродному брату – 6. На их плечи отныне ложилась судьба Русского государства...

6. Как в Орде началась замятия

Ночь бывает особенно темной и пугающей перед рассветом. Мрак как бы сгущается, становится осязаемым. Предутренний холод проникает до костей. Наползает туман, искажает предметы. В шорохах, криках зверей и птиц, колыхании теней, чудится угроза. Кажется, что оттуда, из черных глубин надвигается неясное зло, что оно уже торжествует... На Руси наступал рассвет. Но она еще не знала об этом, она жила как привыкла, по ночным правилам и представлениям.

Люди понимали – князя на Москве по сути не стало. Есть ребенок, которому еще расти и расти. Сидит с серьезным личиком с боярами, силясь понять, что они обсуждают. Его учат, подсказывают, почему ту или иную грамоту надо скрепить княжеской печатью. А кто учит, кто подсказывает? Со времен Калиты главными помощниками московских государей были митрополиты, но св. Алексей все еще томился в киевском застенке. На роль регента выдвинулся не кто иной как Василий Вельяминов, дядя Дмитрия. О, сейчас он развернулся в полную силу. Казна была в его распоряжении, на ключевые посты можно было назначить своих людей, и какое решение примут бояре, если Вельяминов будет против?

Быстро сориентировался Ольгерд. Литовские набеги посыпались на Тверское княжество. Помощи оно не получило, Вельяминов не считал нужным тратиться на походы, ссориться с Литвой. Зато в Тверь пожаловал митрополит Роман. Местный епископ не признал его, отказался даже встретиться. Но Роману было на это плевать – его признал князь Всеволод Холмский. А литовский митрополит за это по-своему рассудил племянника с дядей. Разумеется, рассудил не так, как св. Алексей. Предъявил Василию Кашинскому ультиматум: отдать Всеволоду треть владений. Как тут возразишь? Пришлось согласиться. Изрядный кусок княжества явно уходил под Литву. Роман мог бы запросить и больше, но Ольгерд предпочитал действовать постепенно. Все-таки не рисковал злить Орду. За целое княжество хан кинется воевать, а если потихоньку, может, и не раскачается.

Но в это же время произошла новая встряска в Сарае. Отцеубийство и захват трона Бердибеком понравились далеко не всем татарам. Недовольных возглавил Кульпа, один из родственников хана – в прошлом перевороте его то ли забыли, то ли не сумели зарезать. Подкараулил подходящий случай, прикончил Бердибека и уселся на его место. По свидетельствам современников, он «много зла сотвори». Переказнил всех, кого считал врагами, сторонники Кульпы разбуянились, убивали, грабили что могли. Ну а русским князьям в подобных случаях требовалось бросать все дела, ехать к новому царю, ублажать подарками, чтобы получить новые ярлыки.

Нарушать обычай никто не осмелился. Засобирались на поклон. Но большинство князей опоздало. Кульпа властвовал всего шесть месяцев, и «много зла» было единственным, что он успел натворить. Его отправил на тот свет Науруз. Орда уже больше ста лет сосала соки из соседних стран, распространяла вокруг себя ужас. Но зло, как и добро, не исчезает бесследно. Оно возвращается к своим истокам, накапливается. Господство над народами избаловало и разлагало татар. Теперь отвратительные фонтаны гноя плеснули наружу, разрывая саму Орду. Начиналось то, что русские летописцы окрестили «великой замятней». Если кто-то саблей, ножом или ядом проложил путь на царство, почему нельзя другим? Если кто-то поддержал нового хана и крепко поживился, другим тоже хочется...

Князья, ехавшие к Кульпе, должны были вручать подарки Наурузу. Должны были тщательно скрывать свое удивление, точнее – вообще ничему не удивляться. Улыбаться и унижаться как ни в чем не бывало, раскланиваться с новыми царедворцами, делать вид, будто они рассчитывали увидеть в Сарае именно Науруза и никого иного... Подневольная жизнь и традиции Орды приучили, что вести себя надо только так. Как же можно иначе?

Но из ордынских традиций научились извлекать и выгоду. Новгородцы задумали повторить старый план, пропихнуть в великие князья кого-нибудь из сыновей Константина Суздальского. Они делили отцовское княжество. Старший, Андрей, правил в Нижнем Новгороде, Дмитрий-Фома – в Суздале, Борис – в Городце. Тихий и благочестивый Андрей наотрез отказался от предложения «золотых поясов», в Сарае он просил лишь подтвердить ярлык на собственный удел. Но Дмитрий-Фома азартно загорелся попытать удачи. Имелся весомый аргумент – у московского Дмитрия до великого княжения еще нос не дорос. Хотя новгородцы и их кандидат позаботились об аргументах не менее весомых, привезли немеренное количество денег и рухляди, «вдаде многие дары хану и ханше, и князем ордынским».

А корыстолюбивый Вельяминов поспешил. Не исключено, что он попросту погрел руки на ценностях, предназначенных для хана. Такое за боярином случалось. Но он рассчитывал, что много платить и незачем, великое княжение без того останется за Москвой, надеясь на поддержку давних сарайских друзей. Однако его друзей на месте не оказалось. Кому-то перерезали глотки в сумятице переворотов, толстосумы позапирали дома и лавки, подались на время подальше от опасной столицы – в Хорезм, Тану, Кафу. О том, почему предстоящие ханы опирались на Москву, Науруз и его сообщники не задумывались. Они дорвались до царства и хотели сразу же получить побольше. От кого получили, тому и дали ярлык на великое княжение, Дмитрию-Фоме.

Насколько же задрал нос суздальский властитель! Стараясь подчеркнуть свое положение, он даже переехал в запустевший Владимир. Впервые за сто лет великий князь поселился в древней столице, показывал всем, что истинное сердце Руси – Суздаль и Владимир, а не какая-то Москва. А тут как раз возвратился митрополит. Три года его продержали в тюрьме, но возмущалось духовенство, протестовал Константинополь. Ольгерд тоже хотел воспользоваться ордынской замятней, взяться за Русь решительнее. Прослыть святотатцем ему было ни к чему, и св. Алексея отпустили.

Дмитрий-Фома очень порадовался этому. Его коронация пройдет как положено, татарский посол возведет его на престол, митрополит благословит. Конечно, святитель переберется в свою официальную резиденцию, во Владимир. Будет, как и раньше, находиться рука об руку с государем. Что ж, св. Алексей не противился, благословил его. Ярлык был выдан царем, а царь – власть от Бога. Но... церемония прошла бледненько. Большинство князей на нее вообще не явились. А митрополит выразил и свое личное отношение к притязаниям Дмитрия-Фомы. Отслужив на коронации, сразу покинул Владимир, удалился в Москву.

Суздальский князь не понимал, что происходит? Он получил ярлык вполне законно, по ордынскому праву, но очутился почти в изоляции. Его осуждали, летописцы указывали, что он занял престол «не по отчине, не по дедине». А дело было в том, что на Руси почиталось не формальное юридическое право, куда выше ставилась правда. Дмитрий-Фома взял верх по праву, но не по правде. Он и хан Науруз легкомысленно сломали порядок, сложившийся вокруг Москвы. А люди успели осознать и ощутить правду этого порядка. Не желали отказываться от нее.

За поддержание московской правды взялся митрополит Алексей. Его появление в Кремле порадовало отнюдь не всех. Но святитель обосновался здесь прочно, переселяться не намеревался. Мальчика Дмитрия он взял под личную опеку, стал воспитывать, обучать княжеской премудрости. Занялся государственными делами, а опыта у него хватало. Спорить со святителем было затруднительно, Вельяминову волей-неволей пришлось потесниться, св. Алексей фактически возглавил правительство.

Но у татар порядок рушился куда круче, чем на Руси. На востоке, за Уралом, раскинулись владения родственников сарайских ханов, Синяя и Белая Орды. Батый в свое время обделил их. Золотая Орда купалась в богатствах, торговала, блистала разросшимися городами. В аральских и сибирских степях таких источников доходов не имелось. Здешие

татары даже ислам еще не приняли, многие оставались язычниками. Жили кочевым скотоводством, брали дань с таежных племен, совершали набеги на Среднюю Азию. Сарайским сородичам завидовали, но и презирали. Считали, что они изнежились и обабались, погрязли в городских удовольствиях и гаремах, преступили заветы великого Чингисхана.

Конечно, Золотая Орда была сильнее, но смуты расшатали ее. В Сарай нагрянул царевич Синея Орды Хидырь со свирепыми восточными степняками. В дикой резне сгнули Науруз с сыном, их царедворцы, жены, наложницы. Кого походя полосовали ножами, кого запикивали в мешки и скидывали в Ахтубу кормить рыбу. Вместе с прочими обитательницами гаремов нашла смерть покровительница св. Алексия Тайдула. Мечети и дома распахнулись выбитыми дверями. Хлюпающая сапогами по лужам крови и откидывая пинками трупы, захватчики жадно срывали ковры, взламывали сундуки. Но... трон освободился! А попробовать, как сладко жилось убитым хозяевам, было так соблазнительно! Хидырь въехал в разоренный дворец, его воины занимали оскверненные дома. Сгоняли жителей ремонтировать разрушения, заполняли гаремы недорезанными девушками.

Впрочем, и русские очутились тут как тут. Пример Дмитрия-Фомы и новгородцев, как можно использовать татарские перевороты, вдохновил других желающих. Обнищавшего ростовского князя Константина Калита пригрел, женил на собственной дочери, защищал от соперников. Но он втайне дулся: почему владеет не всем Ростовом, а только половиной, почему должен подчиняться Москве? За заволжский Галич Калита в свое время заплатил дань, спас княжество от ордынских карателей. Тем не менее, здешний князь Дмитрий тоже копил обиды – почему его выкупленные земли перешли под власть Москвы? Как только услышали, что в Сарае сменился царь, Константин и Дмитрий помчались к нему. Хидырь в русских делах не разбирался, деньгами был не избалован, брал недорого. Князя просили, вроде бы, законную собственность, Ростовское и Галичское княжества, хан запросто дал им ярлыки.

Великий князь Дмитрий-Фома против растаскивания государства не возражал. Ему-то что? Не у него отбирают, а у москвичей. Перед Хидырем он постарался выслужиться. В 1360 г. набезобразничали новгородские ушкуйники, пробрались северными реками в Камскую Болгарию, внезапно налетели и разорили второй по величине город Жукотин. Болгары разъярились. Набросились на русских купцов, невольников, ремесленников, находившихся в их стране, перебили тысячи невинных. А хан по болгарской жалобе приказал Дмитрию-Фоме сыскать разбойников.

Тот взялся за поручение основательно. Вместо того, чтобы выслать в Новгород крепкую дружину, созвал в Костроме княжеский съезд. Очередной раз силился показать, что он отныне главный. Но со съездом сел в лужу. К нему прибыли лишь братья да Константин Ростовский с Дмитрием Галицким – москвичам напакостили, теперь жались к Суздалью. Остальные удельные князья приглашение проигнорировали. Правда, новгородцы не подставили под удар собственного ставленника, выдали ушкуйников – не всех, а хотя бы мелочь, чтоб великий князь смог отчитаться.

Но пока их везли на суд в Орду, там уже все перетряхнулось. Сокровища Сарая ослепили сына Хидыря, Темир-ходжу. Он умертвил отца, решил сам попользоваться захваченным царством. Хотя пользовался лишь 6 дней. Синеордынцы сцепились друг с другом, а в погромах уцелел темник Мамай. Поднял против пришельцев местных татар и отправил Темир-ходжу вслед за отцом. Но и сам не удержался. Его выступление сплотило синеордынцев, брат Хидыря Амурат призвал из-за Урала свежие силы и выбил Мамай из Сарая.

А между тем, московское правительство выжидало, присматривалось. При победе Амурата прочие князья не стали спешить к нему, больно уж шаткой выглядела его власть. Но св. Алексей и кремлевские бояре учли как раз то, что положение хана крайне ненадежное, он будет рад любому, кто его признает. Их послы появились в Сарае раньше всех. Жаловались

Амурату на давнего его врага, убитого Науруза, на прежних вельмож – дескать, проходимцы, продали ярлык за мзду. Царю это, конечно, понравилось. Он и сам был аналогичного мнения о прогнившей Золотой Орде. Решил показать, что он-то будет править иначе! Демонстративно поиграл в беспристрастность. Велел держать московского и суздальского послов под охраной, чтобы они не подкупали придворных (точнее, чтобы деньги не утекли мимо ханской казны). А потом рассудил: великое княжение принадлежит Дмитрию Московскому. Его возраст – не порок. Пока подрастет, у него имеются советники. Причем советники уже доказали, насколько они мудрые – ведь догадались обратиться к Амурату.

Хотя авторитет нового хана оставался крайне низким. Даже Дмитрий-Фома его не испугался. Когда в Москву прибыл посол Амурата, возводить Дмитрия на великое княжение, суздальский государь отказался уступать. Направил дружину в Переславль, перекрыл дорогу на стольный Владимир. Однако св. Алексей и его правительство предвидели подобные препятствия. Ханский ярлык был у них, а дальше москвичи и сами справились. Поскакали, запылили по дорогам гонцы, собирая рать. Это был первый военный поход двенадцатилетнего Дмитрия. Рядом с ним, на конях и в доспехах, ехали младшие братики Иван и Владимир. Но под знаменами мальчиков-князей распоряжались взрослые командиры, гарцевали на лошадях и маршировали в колоннах взрослые бородатые ратники, и копья у них были совсем не игрушечные.

Дмитрий-Фома не ожидал, что соперники решатся применить силу. Не ожидал и того, что у них такая многочисленная армия. Кичился – он во Владимире сидит! А сейчас на жиденские суздальские дружины надвигались москвичи, коломенцы, можайцы, звенигородцы. Присоединялись удельные князья – те самые, кто не явился на коронацию Дмитрия-Фомы и на его съезд. На жителей великокняжеского Владимира надеяться не приходилось. Они явно симпатизировали московскому государю.

Дмитрий-Фома прикинул соотношение войск, и сражаться ему не захотелось. Спокойно отступить, и то показалось опасным. Он бежал. Проскакал без остановки через Владимир, укрылся в родном Суздале. Но его никто не тронул. Ушел в свой удел, вот и спасибо. Дмитрий Иванович с полками остановился во Владимире. Летом 1362 г. он был провозглашен великим князем всея Руси. И у мальчишки коронация получилась куда более представительной, чем у предшественника. Важный татарин зачитал ханскую грамоту, св. Алексей служил в Успенском соборе, препоясал отрока тяжелым мечом. Собравшиеся князья как были, в походном облачении, целовали крест служить ему. Поздравляли друг друга, будто одолели не такого же мелкого князя, как они сами, а могучего внешнего супостата. Впрочем, эта победа была не менее важной. Они одержали верх над эгоизмом, над собственным разобщением.

7. Св. Благоверный Великий князь Дмитрий Донской

Кремль, построенный Калитой, никогда не бывал в сражениях, но через четверть века выглядел так, будто выдержал серьезную осаду. Известь, покрывавшая стены и башни, обваливалась, из-под нее проглядывала деревянная основа. Она пострадала при пожарах, там и тут была покрыта заплатками. Кое-где бревна разошлись, наружу вываливались камни и земля, которыми были забутованы срубы. Но люди привыкли к своей крепости. Забивали щели бревнами, подмазывали штукатуркой. Какая ни есть, а защита, главное убежище в опасности.

В общем-то, и городом считалось то, что находилось внутри Кремля. Храмы, причудливые резные узоры дворцов, теремов, дворы монастырей. Густо лепились дома и дворики поменьше, победнее, втискивались между центральными площадями и обводами стен. Но Москве было уже тесно в крепости. Она выплеснулась в разные стороны посадами, слободами – там и строиться можно было просторнее, и садик разбить пошире да поцветистее, там звенели наковальни кузнецов, крутились гончарные круги, постукивали ткацкие станки.

Покосившиеся громады кремлевских укреплений и посадские улочки спускались к прохладной ряби Москвы-реки. Здесь всегда былолюдно. Москвички полоскали белье, судачили с подругами. В сторонке дымили бани. Между крепостью и рекой раскинулся базар – тут уж у любого глаза разбегались. Выбирай, чего душевнее угодно. Мечи из лучшего булата, доспехи, заморские ткани, украшения хотя бы и княжне впору. А хлеба, крупы, овощей, фруктов, рыбы столько, что кажется, целому городу за год не съесть.

У пристаней колыхались десятки судов. Москва стояла на перекрестке. Если плыть по Яузе, попадешь к Мытищинскому волоку, таможенники проверят товары (мыт – как раз и означало пошлину), а местные мужики подработают, перетащат ладью на Клязьму – и отправляйся по ней к Владимиру или еще дальше: на Оку, Волгу, в Камскую Болгарию, Сарай. На Оку и Волгу можно было попасть другой дорогой, спуститься по Москве-реке к Коломне. А если свернуть с Оки на Проню, через волок суда выходили на Дон. Плыли к Азовскому морю, крымским берегам, в шумные венецианские и генуэзские колонии.

По Москве-реке открывалась и дорога к верховьям, к Можайску. Оттуда через притоки и волоки выводила на Днепр к Смоленску, на Верхнюю Волгу, к Твери. Хочешь – к Киеву плыви, хочешь – перебирайся на Волхов, к Новгороду. А на московском торжище среди русских рубах, сарафанов, платков, мелькали чужеземцы. Немец-суконник в мешковатом камзоле, береты и кургузые штанишки итальянцев, халаты бухарцев, хорезмийцев, белокурые литовцы с племенными татуировками, ордынские евреи с завитыми бородами и золотыми обручами на головах.

Но вот среди пестрой толпы прокатывалось, словно порыв ветра: великий князь! Сгибались в почтительном поклоне спины смердов и посадских, блестели любопытством глазки женщин, из-за спин лезли босоногие ребяташки, рассмотреть получше. Хотя картина была знакомой, ее видели чуть ли не каждый день. Стучали копыта по деревянному настилу улиц, в седле сидел худощавый мальчик с открытым светлым лицом, его сопровождали двое-трое дружинников. Он отвечал на приветствия, город был не таким уж большим, юный князь помнил многих подданных. Иноземцы тоже кланялись по обязанности, властитель есть властитель. О том, как и почему склонят головы позже, они еще не подозревали...

Обстановка вокруг Руси резко менялась. Амурат удержался в Сарае, но татарские эмиры и мурзы не признавали его, разбредались с толпами воинов, с семьями, отхватывали независимые области. Появились самозванцы, выдающие себя за детей погибших царей.

Держава развалилась. Отпали Камская Болгария, Мордовия, Хорезм. А уж кто в полной мере порадовался переменам, так это Литва. Равновесие в Восточной Европе сломалось, татарские войска рубились друг с другом. Значит, можно было не оглядываться на ханов. Послам германского императора Ольгерд откровенно заявил: «Вся Русь должна принадлежать Литве» и даже потребовал, чтобы крестоносцы Ливонского ордена отказались от «права на русских».

Три татарские орды откочевали на правый берег Днепра, расположились в степях Буга и Поднестровья, рассылали баскаков по здешним городам. Но в 1363 г. Ольгерд двинул на них литовскую армию. На Синих Водах сокрушил ордынцев, присоединил Подолию. Пройдя до самого Крыма, с налета взял древний Херсонес. Закрепляться тут литовский государь не собирался – слишком далеко. Он лишь наградил себя и воинов сказочной добычей. Литовцы славили Ольгерда, набивая мешки драгоценностями, связывая перепуганных горожан. Ободрали греческие храмы, нагроузили обозы утварью, окладами книг и икон, золочеными крестами. А потом Ольгерд с воинством нагрязнул в Чернигов. Это было поближе, чем Крым, это можно было захватить насовсем. Литовские границы передвинулись за Днепр, на Левобережье.

Византийцы давно уже отдали Херсонес генуэзцам, набег обернулся для них серьезными убытками. Торговая республика озаботилась. Раньше генуэзские и венецианские города подчинялись Золотой Орде. Подносили ханам подарки, приплачивали пошлины, взамен получали надежную защиту. А теперь? Но друг у них нашелся. От Амурата и его синевордынцев отступил на западный берег Волги темник Мамай. Он не принадлежал к потомству Чингисхана, и по татарским законам, не мог претендовать на титул хана. Зато у Мамаю были воины, авторитет, голова на плечах. Он подобрал одного из многочисленных царевичей, Авдулу, провозгласил его ханом. Стал руководить от лица марионетки, и татары потянулись к нему.

В генуэзской «Хазарии» нашли пристанище давние приятели Мамаю, сарайские купцы. Без труда сумели договориться. Рядом с Кафой торговал венецианский порт Сугдея (Судак). Конкурировал, мешал. Мамай подсобил, выделил отряды, и генуэзцы овладели Сугдеей. Ни о каком подданстве больше речь не шла, темник со своим ханом Авдулой подарил «Хазарии» полную независимость. За это купцы поддержали их, давали деньги. Мамай получил явное преимущество перед другими татарскими вождями – пленных-то продавали через черноморские порты. Чтобы сбывать «ясырь», надо было подчиниться Мамаю. Он стал хозяином территорий между Днепром и Волгой.

А Москву немало удивил неожиданный визит. Минуло лишь несколько месяцев, как посол Амурата короновал Дмитрия великим князем, и вдруг сообщили – во Владимире государя ожидает еще один татарский посол. Тоже жаждет вручить ему ярлык на великое княжение! Вскоре разобрались, второй посол был от Мамаю и Авдулы. Ничего удивительного на самом деле не произошло. Прислав ярлык, Мамай приглашал русских – ориентируйтесь не на Амурата, а на меня. Что ж, митрополит и бояре взвесили со всех сторон. В распоряжении сарайского хана остались лишь заволжские и уральские степи. Мамаева орда была ближе, опаснее. Но она была способна и оказать помощь – против литовцев, прочих татарских ханов. Никаких причин для любви к Амурату у москвичей не имелось. Не кум, не сват, за великое княжение содрал немалую сумму. Правительство сделало выбор, приняло второй ярлык.

Но тут же возбудился суздальский Дмитрий-Фома. Увидел шанс обставить соперников. Прежде отказывался выполнять решение сарайского хана, а сейчас вдруг превратился в вернейшего его сторонника. К Амурату помчалась ябеда – Москва изменила, передалась твоему врагу! Хан взбеленился и, недолго думая, переиначил приговор. В награду за донос послал ярлык суздальскому князю. Дмитрий-Фома торжествовал. Вон как щелкнул по носу

московскому несмышленишу! Будет знать, с кем тягаться! Не стал терять времени, мгновенно въехал во Владимир. Правда, не забыл и полученного урока, поспешил воспользоваться правами государя, кликнул к себе удельных князей с дружинами.

Однако его триумф обернулся позорнейшей осечкой. На призыв отозвались лишь те, кому единение Руси встало поперек горла – Константин Ростовский, Дмитрий Галичский и Иван Стародубский. А раздуть усобицу Москва не позволила. Ратники Дмитрия Ивановича исполчились так быстро, что противники не успели собраться. Даже договориться между собой не успели! Дмитрий-Фома величался на престоле всего 12 дней, а к Владимиру уже приближалась московская армия. С Амурата взять было нечего, кроме ярлыков. Чем он мог поддержать своего ставленника? Оставалось повторить недавний и невеселый опыт, удирать. Незадачливый суздальский князь упорхнул в родовой удел. Но московское правительство не желало повторять старый сценарий. Если честолюбивый претендент один раз не образумился, его надо было вразумить покрепче.

Войско не остановилось во Владимире, повернуло на Суздаль. На штурм не лезло, осадных орудий не строило. Зачем губить русские жизни и город? Просто окружило Суздаль и принялось разорять окрестности. Это был общепризнанный способ феодальной войны, не слишком деликатный, но эффективный. Дмитрий-Фома и его бояре схватились за головы, им со стен хорошо было видно, как перетряхивают их деревни. Выручки ждать было неоткуда, даже родной брат князя Андрей Нижегородский осуждал авантюру. Укоризненно написал: «Брате милый, не рек ли я ти, яко не добро татарам верити и на чужая наскакати?...» Миротлюбивый Андрей все-таки заступился за Суздальскую землю, просил великого князя пощадить ее.

О том же задумались осажденные. Суздальским боярам абсолютно не улыбалось остаться нищими, и они нажимали на своего господина: надо сдаваться. Но тринадцатилетний Дмитрий первым из московских властителей проявил себя Грозным. Ясное дело, нужную линию поведения ему подсказал св. Алексей. Уж он-то, путешествуя по Руси, насмотрелся раздоров. Искоренять их требовалось решительно. Дмитрия-Фому наказали, выслали из Суздаля в Нижний Новгород под надзор к благоразумному брату. Московские отряды поскакали к его союзникам. Всех лишили уделов как мятежников, Дмитрия Галичского и Ивана Стародубского отправили туда же, в Нижний, Константина Ростовского сослали в Устюг.

Впрочем, наказали ненадолго, для отстрастки. Предупредили, чтобы впредь было неповадно. Москва выиграла, мстить было незачем – полезнее налаживать взаимопонимание. С подчинением Мамаю, как выяснилось, угадали. Амурат недолго усидел в ханском дворце, на смену ему вынырнул некий Азиз. Но спокойствие и благополучие в те времена были недостижимой мечтой. В 1364 г. на Русь нагрянуло уже испытанное, но от этого не менее жуткое бедствие. Чума.

На этот раз она не искала окольных путей, приползла с востока с азиатскими купцами. Обнаружилась на рынках Нижнего Новгорода, перекинулась в Коломну, Рязань, Тверь, Смоленск. Собирала обильные жертвы по Москве, Владимиру, Ростову, Переславлю. Нынешний мор оказался изощренным, обманчивым. Он прекращался, и люди облегченно вздыхали, служили благодарственные молебны. Но поветрие накатывалось второй, третьей волной. Сколько жизней оно оборвало, никто не считал. Известно лишь, как поредели княжеские кланы. Не стало Андрея Нижегородского. Легли в могилы защитник Пскова Евстафий Изборский и его дети. Преставился Константин Ростовский с супругой. В Твери упокоились вдовствующая княгиня Настасья, три ее сына, их двоюродный брат Семен. Московский великий князь Дмитрий потерял мать и брата Ивана...

Первыми детскими впечатлениями государя были похоронный плач и траур, в юные годы все повторялось. Но удары не надломили его душу. Наоборот, выковывали характер.

Разве Господь не показывал воочию, насколько суетны интриги и корысти? Года не прошло, как князь Константин бунтовал, мечтал урвать в собственность Ростовский удел. Нужен ли сейчас этот удел усопшему? А как грызлись с родственниками Настасья Тверская и Всеволод Холмский? Но смерть смахнула одним махом Настасью, Всеволода, двух его братьев. Что толку было в их ненависти, хитростях, подсиживаниях?...

Князь вырос очень набожным. Он ежедневно бывал в храме у обедни, не пропускал никогда. В посты каждую неделю причащался Св. Таин. Под княжеским платьем, на голом теле, носил грубую монашескую власяницу. Уж кто из княжеских и боярских детей не разохотился попробовать себя с податливой девкой-холопкой? Это не считалось серьезным грехом, духовники юношей понимали, играет кровь да любопытство. А Дмитрий даже во взрослых годах поражал окружающих чистейшим целомудрием, почти девичьей стыдливостью. Но он был великим князем, и св. Алексей учил, что для него недостаточно угождать Господу обычными человеческими добродетелями. Он обязан блюсти вверенную ему Богом землю. За каждый шаг государю предстоит ответить перед престолом Всевышнего. Смотри – где польза, а где вред, что допустимо, а что нет, где карать, а где миловать.

Катившиеся одно за другим убийственные поветрия повлияли не только на Дмитрия. В полувымерших городах и селах взросло новое поколение. Молодая поросль среди поредевшего, изломанного бурями леса. Оно во многом отличалось от предшественников. Было более упорным, энергичным, трудолюбивым – иначе можно ли было выжить, обустроиваться заново? Это поколение глубже обращалось к вере, было более смелым и самоотверженным. Много ли значат земные блага и сама жизнь? Сколько людей вокруг берегли их, но разве уберегли? Уцелевшие русские становились более сплоченными, близкими друг другу. Кормили сирот, брали на воспитание. Исследователи предполагают, что именно тогда в русский язык вошло обращение ребятишек к чужим старшим – дядя и тетя, как к родственникам [50].

А у государя самым близким в семье остался двоюродный брат Владимир Андреевич. Двое сирот сдружились, были заодно во всех делах. Если двое рука об руку и спина к спине, попробуй-ка одолей их! По совету св. Алексея они заключили договор. Владимир обязался уважать Дмитрия «как отца», безоговорочно повиноваться ему. Дмитрий целовал крест, что всегда будет Владимира «любить, как меньшего брата». Повыбило, покосило княжеский род, а он сохранился, в лице двух юношей отныне существовала целая семья: как бы отец, сын, братья.

Увы, даже катастрофы не смогли вытравить хищные повадки, укоренившиеся в сознании. Чума свела в могилу Андрея Нижегородского, а у него остались братья, суздальский Дмитрий-Фома и Борис Городецкий. По праву Нижний Новгород должен был перейти к Дмитрию-Фоме. Он был гораздо больше и богаче Суздаля, там княжили старшие. Но младший ринулся во все тяжкие. Резво сгонял послов к новому сарайскому хану Азизу, выхлопотал ярлык на Нижний Новгород для себя. Но и для брата подсуетился, добыл ему... третий ярлык на великое княжение Владимирское! Пускай берет себе столицу, бодается за нее с Москвой, а он, Борис, станет хозяйничать на Волге.

Дмитрий-Фома оторопел. За журавля в небе брат хапнул у него из-под носа лучший кусок собственного княжества. Осрамиться в третий раз суздальского князя нисколько не тянуло. Ханского ярлыка он не принял. Но Борис лишь пожал плечами. Принимаешь или нет, твое дело, а Нижний отныне мой. Уходить из города не собирался, приказал строить новые стены – каменные. Выгони, если посмеешь!

Хочешь или не хочешь, а Дмитрий-Фома преступил гордыню, обратился в Москву. Писал, что подачки Азиса ему не нужны, великое княжение он уступает Дмитрию Ивановичу. Но очень просит рассудить его с Борисом. Государь и святитель Алексей не отказались. Покорность вчерашнего соперника была похвальной, как не взять его под защиту? А

поощрять разбойничьи замашки его брата было нельзя. Сегодня Нижний утащил, а завтра? Митрополит решил воздействовать на любителя чужих уделов пастырским увещанием.

Снарядил в Нижний архимандрита Павла с игуменом Герасимом, велел подключиться суздальскому епископу.

Нет, куда там! Увещания Борис и в грош не поставил. Задиристо отвечал, что церковникам нечего вмешиваться, князей судит Бог. То есть, по понятиям XIV в., выражал готовность воевать – это и будет суд Божий. Да и с чего ему было слушаться митрополита? Он же был женат на дочке Ольгерда, а у того свой митрополит. Глядишь, и тесть вмешается. Но и в Москве отдавали отчет, что желательно обойтись без войны. Св. Алексей и великий князь нашли еще одного посла, необычного. Попросили взять на себя эту миссию игумена Троицкого монастыря, св. Сергия Радонежского.

Быть миротворцем он согласился. «Блаженны миротворцы». Св. Сергий пошел один, без всякой свиты, пешком. Он всегда ходил только пешком. По дорогам шагал скромный монах в латаной рясе, с простеньким деревянным посохом. Но князь, узнав про такого посла, не захотел его даже слушать. Что ему игумен крошечной лесной обители? К нему и получше приезжали, в расшитых ризах, с золотыми крестами. Пусть убирается куда-то цел. А монах не спорил, не ругался. Посмотрел ясными глазами на напыщенного Бориса, поклонился и вышел. Но вскоре прибежали слуги, рассказывали нечто совершенно невероятное: св. Сергий ходит по городу и затворяет храмы. Все храмы! Идет от одного к другому, велит прекращать службы и запирает двери. У него особые полномочия от митрополита, но и о самом Сергии уже шла такая слава, что перечить ему не осмеливались. Если бы священники воспротивились, то прихожане не позволили бы. Ужасались, рыдали, а исполняли...

Борис не мог понять, что происходит. Какая же власть, какая сила явилась в город – выше и могущественнее его княжеской власти? А одновременно прискакал гонец, привез не менее ошеломляющую новость. Брат Дмитрий-Фома выступил с суздальским ополчением, а Дмитрий Московский дал ему свой личный, великокняжеский полк. Соперники стали друзьями? И что делать, отбиваться от них? С кем? С людьми, парализованными страхом, отлучением от церкви? Борис заметался. Пока не поздно, выехал навстречу брату, извещал, что хочет мириться. Старший не возражал, Москва тоже. Борису сохранили его удел, Городец. Усобица погасла, не начинаясь, без крови. Всегда бы так!

Дмитрий-Фома и прочие удельные властители лишний раз смогли убедиться: подчиняться великому князю несколько не унижительно, а наоборот, выгодно. А св. Алексей задумал стереть остатки былых споров между московской и суздальской династиями. Дмитрию Ивановичу исполнилось 16 – по тогдашним обычаям, считай, взрослый. У Дмитрия-Фомы расцвела дочка Евдокия. Чем не пара? Две половинки Владимирской Руси, западная и восточная, скреплялись семейными узами. Заслали сватов, сговорились.

Правда, даже свадьбу омрачило бедствие. Незадолго до нее Москву поразил «великий пожар», «город весь без остатка погоре». Но это, по крайней мере, была не чума, не вражеское нашествие. Подобные катастрофы случались не столь уж редко. Любой русский город горел не раз и не два. Пламя губило нажитое имущество, погибали близкие, если не удавалось спастись. Но вера поддерживала человека, помогала переносить потери, и сами испытания делали его более стойким, оптимистичным. Уцелели – и слава Богу. Ну а «погоре без остатка» – как-нибудь справимся. На это были умелые руки. Князь не оставлял подданных заботой, помогал чем мог. Стучали топоры, скрипели бревна в бескрайних лесах, и стертые с лица земли города воскресали из пепла и слез такими же красивыми, как были.

Свадьбу Дмитрия и Евдокии пришлось играть в Коломне, втором по значению великокняжеском городе. Но государь и св. Алексей задумали даже из пожара извлечь кое-что полезное. От огня опять досталось стенам Кремля – прогорели, осыпались. Посовещавшись с митрополитом и боярами, Дмитрий распорядился не ремонтировать крепость. Доламы-

вать ее и строить новую, каменную. Когда-то на Руси возводились первоклассные твердыни. Мощные каменные стены прикрывали Киев, Владимир, другие крупные города. Но после татарского завоевания их строили только на Северо-Западе, в Новгороде, Пскове, Изборске. Там и деньги лишние водились, и опытные мастера имелись. Князь Борис замышлял огорчить Нижний, да не успел.

А чем Москва хуже? Столица, а крепость – взглянуть стыдно. Если враг нахлынет, сколько продержатся инвалидные укрепления? Хотя стыдиться, в общем-то, было нечего. До сих пор Москва просто не могла себе позволить каменных стен. В камне возводилось самое основное – храмы. Крепость обошлась бы слишком дорого, и Орда за столь капитальное строительство по головке не погладила бы. Баскаки и татарские гости сразу донесут хану, он потребует объяснений. От кого огораживаешься? Что замышляешь? Опять же, каменная крепость показывала, что у Москвы появились немалые деньги. С татарской точки зрения, это означало – пора повысить дань...

Но сейчас на Орду можно было не озиаться. Крепость наметили пошире, чем старая. Пригласили псковских специалистов, а возводить начали быстро. Не с какого-то одного места, а сразу по всему периметру. Каждый день только на подвозку камня наряжали до 4,5 тыс. саней. Распределили участки между боярами, на стройке трудилась почти вся Москва. Кто рыл канавы под фундаменты, кто подтаскивал камень, кто помогал мастерам, по их указаниям замешивал известь, укладывал и равнял тяжелые блоки. Трудились не за страх, а за совесть. Свое, родное. Наше! Общая красота, общая защита. Спешили? Да, спешили. Никто же не знал, сколько мирного времени отпущено. Надолго ли удалось избавиться от ханской опеки?

Белокаменные забрала св. Дмитрия даже в сравнение не шли с тем Кремлем, как привыкли его представлять мы с вами. Они были гораздо меньше, ниже. По обводу – около 2 км, высота – в два человеческих роста. Но для XIV столетия крепость получилась солидной. Она получилась и весьма своевременной. Как уж правильнее это назвать – предчувствиями великого князя и св. Алексия? Мудрыми политическими расчетами? Решившись строить новый Кремль, они использовали *последние два года* сорокалетней «великой тишины»...

8. Литовщина

Русские витязи мчались в атаку. Распаленные, торжествующие. А впереди, гортанно перекрикиваясь, лихорадочно нахлестывая лошадей, улепетывали они! Татары! Свистели мечи, рассекая пригнувшиеся, напряженно съезженные спины, вылетали вдогон смертоносные стрелы... Да, наступали новые времена. Русские расправляли плечи, незваных гостей стали наказывать. В Мордовии устроился мурза Тагай, отделившийся от Сарая. Ему показалось вполне справедливым подчинить ближайшее, Рязанское княжество, компенсировать имущество, потерянное в замятие. Нагрязнул с воинством, захватил и спалил Рязань. Но Олег Рязанский быстро собрал ратников. Владимир Пронский враждовал с ним, однако сейчас было не время сводить счеты, привел дружину. Прискакал на помощь Тит Козельский. Настигли татар, схватились с ними и опрокинули, отобрали пленных и всю добычу.

В Камской Болгарии обосновался другой мурза, Булат-Темир. Он повадился грабить окрестности Городца, Нижнего Новгорода. Тут-то и выяснилось, насколько полезен мир между братьями Дмитрием-Фомой и Борисом Городецким. Дружно встретили хищников, гнали до реки Пьяны, кого порубили, кто потонул, пытаясь удрать. Москва пока не вступала в эти мелкие войны. Она признавала над собой владычество Мамаю и его хана Авдулы, но... дань платить прекратила. Совсем. Ханов стало много, ну и выясняйте, кто из вас законный, а нам не к спеху, подождем. Дмитрий Иванович по-прежнему собирал с подданных «ордынский выход», а расходовал его по собственному усмотрению. Как раз отсюда и средства появились, можно было отстроить белокаменный Кремль. Чего-то нечестного в этом не видели. Раньше-то хан должен был защищать своих вассалов. А нынче? Великий князь, больше никому. Строительство крепостей и умножение войска шло на общую пользу, для всего народа.

Подданным требовался и порядок. За этим тоже надо было следить уже не хану, а великому князю. Например, новгородцы во главе с Алексеем Обакуновичем предприняли большой поход за Урал. Преодолели невероятные трудности, достигли Оби, в нескольких стычках покорили местные племена, взяли с них дань мехами и «закамским» серебром. Но многим показалось, что погуляли еще недостаточно, да и добычи неплохо бы добавить. На обратном пути от войска отделились 150 лодок, наскочили на Нижний Новгород. Погромили базары, обчистили восточных купцов. Жалобы посыпались в Москву. На этот раз новгородцы спорить не стали.

Стоило лишь вмешаться Дмитрию Ивановичу, как они вернули награбленное, уплатили в казну штраф за разбой.

А порядок и правда сами по себе немало значили. В московские владения переселялись люди из мелких княжеств, где не было ни настоящей власти, ни защиты. Перебирались из земель, завоеванных литовцами. Русское государство прирастало еще не территориями – но прирастало жителями. Причем неплохими жителями, самыми трудолюбивыми, упорными, самыми верными Православию. Кто же еще бросит насиженные места, отправится устраиваться заново за тридевять земель? Приезжали и воины. С Волыни привел дружину один из князей, не пожелавший подчиниться Ольгерду, Дмитрий Боброк. С Брянщины прибыли бояре Пересвет и Ослябя.

Приезжали и татары из разодравшейся Орды. Какая там жизнь, если брат режет брата? Москва была верна традициям св. Даниила и Калиты, принимала всех. А татары – ну и что ж татары? Такие же люди. Только вера разная. Но ислам в Орде так и не утвердился до конца, перемешался с язычеством, шаманством. А на Руси татары приобщались к нашей вере. Интересовались, расспрашивали, проникались уважением, а потом и принимали кре-

щение. Принимали – и превращались в русских. Так уж повелось, что русскими становились не по крови, а по вере...

Хотя бывало и иначе. Происхождение самое что ни на есть русское, вера одна, а до братства было далековато! Очередной опасный узел завязался в Твери. Из семейства княгини Настасьи, из четверых ее сыновей, чума обошла лишь одного, Михаила, властителя городка Микулина. Но он оказался не менее склочным, чем его мать и братья – да еще и вместе взятые. Князь не забыл уроков матери: он был потомком великих князей Владимировских и по отцу, и по деду. Внук мученика Михаила Тверского! Остался единственным из сыновей Александра Тверского! Кто как не он должен править в Твери? А сестра Ульяна была женой Ольгерда, это что-нибудь значило! Князь нередко гостил в Литве, шурин его ободрял, обнадеживал.

В Твери по-прежнему сидел дядя, Василий Кашинский. Михаил его презирал. Считал, что он изменил своему роду, стал прихлебателем Москвы. У микулинского князя было немало сторонников среди тверских бояр, дружинников. Мечтали, что он-то возвратит Твери былую славу, вознесет ее, утрет нос москвичам. Силенок недостаточно? Надорвались тверские князья? Но теперь-то Литва поможет. Она не отказывалась. Наведывались посланцы Ольгерда, привозили серебришко. Росло недоброжелательство к князю Василию. Он чувствовал себя настолько неуютно в собственной столице, что старался приезжать в нее пореже, жил у себя в Кашине. А Михаил, кроме Микулина, принялся строить новую резиденцию, Старицу, поближе к Твери.

Конфликт дяди и племянника разгорелся из-за крошечного удельчика. Чума унесла еще одного князя тверского дома, Семена Константиновича, ему принадлежал городок Вертязин (ныне Городня). У покойного Семена был брат Еремей, по русскому праву наследство должно было отойти к нему. Но большинство бояр и тверской епископ стояли за Михаилом. Уговорили умирающего Семена завещать Вертязин ему. Василий Кашинский пробовал заступиться за Еремея, но сладить со знатью не смог. Впрочем, было уже ясно, что Вертязин лишь предлог. Он располагался совсем рядышком с Тверью, а бояре и епископ по сути взбунтовались, дружно выступили против своего князя.

Напуганный Василий с обиженным Еремеем покатали в Москву. Обратились к митрополиту, к Дмитрию Ивановичу. Св. Алексей отменил решение тверского владыки, пересудил по закону – передал спорный удел Еремею, государь тоже признал его права. Василий Кашинский воспрянул духом – с эдакой поддержкой он ощутил себя все-таки князем, а не тряпкой. Вернувшись в Тверь, разобрался с крамольниками, одних оштрафовал, у других конфисковал имущество, велел разграбить дворы.

Но пока они с Еремеем путешествовали, Михаил захватил Вертязин и посадил там свою дружину. Его воины отказались выполнять приговор митрополита, заперли ворота. Василию Кашинскому даже маленькая крепостишка была не по силам, попросил помощи у Дмитрия Ивановича. Тот откликнулся, прислал московский и волоколамский полки. Хотя до кровопролития не дошло. Обнаружилось, что Михаила в городе нет, куда-то скрылся. А что толку штурмовать Вертязин?

В конце концов, куда он денется? Постояли, перекрикиваясь с осажденными, да и разошлись по домам.

Но Михаил отнюдь не исчез, не прятался. Он поскакал в Литву. Ольгерд был доволен. Заварушка разыгралась в самое подходящее время. Русские вздохнули полной грудью – освободились от татар! Но в лице татар они лишились пастухов, не позволявших посторонним резать и стричь своих овец. Литовский государь прикидывал, что и в какой последовательности скушать. За Черниговом он покорил Новгород-Северский, Трубчевск, Путивль, Курск. Дальше лежало лоскутное одеяло мелких «верховских» княжеств на Десне и в верховьях Оки. А Тверь сама плыла в руки! И только ли Тверь? Михаил – законный претендент

на золотой престол Владимирский. Перетряхнуть Москву, посадить родственника вместо Дмитрия, и Северная Русь посыплется под литовское владычество!

Соглядатаи сообщили из Твери: князь Василий укатил к себе в Кашин. Очень хорошо! В октябре 1367 г. Михаил явился с литовской ратью. Заговорщики его ждали, впустили в столицу княжества. Потом двинулись на Кашин, обложили город. Василий был ошеломлен подобным поворотом, оробел. Его заставили отречься от Твери, а Еремея от Вертязина, целовать крест на верность Михаилу. Однако присяга, принесенная под угрозой, была недействительной, это знал любой князь и любой священник. Как только литовская конница подалась на родину, Еремей объявил, что снимает с себя крестное целование. Выехал в Москву и подал жалобу.

Смириться с переворотом? Бросить друзей в беде? Это было бы нечестно и совсем не полезно с политической точки зрения. Воевать? Но Михаил продемонстрировал, за ним стоит Литва. Великий князь и митрополит нашли выход. Взяли на себя роль посредников, чтобы стороны договорились полюбовно. Пригласили Михаила на третейский суд «на миру по правде» – то есть, публично, перед духовенством, собранием московских и тверских бояр, представителями городов. При всех, «на миру», как раз и откроется, чья она, правда. Глядишь, и совесть заговорит...

Отказаться – значило бросить вызов не только государю, но и Церкви. Михаил не решился на такой шаг, приехал.

Однако суд «на миру» он не выдержал. Да и как тут выдержишь? Его действия выглядели слишком вопиющими – грубо попрал приговор митрополита, призвал чужеземцев, отнял престол у дяди. А каяться и возвращать приобретения князь не желал. На обвинения он мог отвечать лишь одним способом, встречными обвинениями и бранью. Тверские летописцы, симпатизирующие Михаилу и враждебные Москве, стыдливо замолчали его речи. Но результат известен. Князя в порыве озлобления настолько занесло, он вывалил такую порцию грязи и угроз, что Дмитрий Иванович и св. Алексей пресекали его излияния. Велели взять под стражу и Михаила, и его бояр-советников.

В темницу не сажали, устроили вполне прилично, по частным домам. Тем не менее, свободы лишили. Пускай остынут, одумаются. Может, и остыли бы. Но совершенно некстати в Москву прибыли трое послов от Мамая. Повелитель Причерноморья был недоволен Дмитрием – на поклон не ездит, дани не возит. Послы узнали про скандал с Михаилом и расценили случившееся как самоуправство. Тверь не подчинялась Москве, сносилась с ханами независимо от нее. Татары потребовали освободить арестованных. Дескать, Дмитрий превысил свою власть, с тверскими тяжбами царь разберется сам.

Но и Михаилу надоело сидеть в чужом доме. Скрепя сердце, он начал в чем-то уступать, согласился вернуть князю Еремею его наследство. В итоге склеился хоть какой-то компромисс. Михаил уезжал домой в статусе великого князя Тверского, Еремей – владельца Вертязина. Но на самом-то деле компромисс выглядел слишком шатким. Доверять Михаилу не было никаких оснований, а Еремей теперь просто боялся. Каково ему сидеть под боком у Твери, у своего врага? Объявил Дмитрию Ивановичу, что отдается под его покровительство, вместе с князем в Вертязин отправили московского наместника.

Эти страхи оправдались очень быстро. Михаил Александрович был разъярен арестом, жаждал отомстить. А на ком было отыграться, как не на ближайших соседях? Еремей в выигрыше оказался? Еще и Москва зацепилась в его княжестве, в Вертязине? Вот вам выигрыш, вот вам Вертязин! Налетел на городок, побил московских людей, повязал Еремея. Вызов был брошен самому Дмитрию, и спускать безобразие он не стал. В 1368 г. его полки зашагали к Твери. Нет, с полками встречаться Михаил не захотел. Несколько разные вещи – горстка слуг в Вертязине или серьезная рать. Напроказивший князь что есть сил полетел по накатанной дорожке, в Литву. Тверь без него обороняться не стала, открыла ворота. Да что толку?

Старый Василий Кашинский нервных встрясок не перенес, преставился. Его сын и Еремей никаким авторитетом не пользовались. Даже на престол посадить оказалось некого.

Зато Ольгерд потирал руки. Не напрасно подстрекал Михаила, не напрасно задирали Москву. Сейчас предлог был изумительным, почва подготовленной. Пора и Литве сказать решающее слово! Собирались несметные силы, полки самого Ольгерда, его брата Кейстута, сыновей Андрея Полоцкого, Дмитрия Брянского, племянника Витовта, по приказу Ольгерда присоединился Святослав Смоленский. В чем в чем, а в воинском искусстве литовский государь не знал равных. Тайну и внезапность он ставил превыше всего. Его бойцы никогда не знали до последнего момента, куда их бросят. С кем предстоит сражаться? С татарами, с немцами?

В ноябре, когда подмерзла грязь на дорогах, команда прозвучала. С разных направлений литовские полчища ринулись на Русь. Точнее, литовским было только ядро, основную часть воинства составляли русские. Шли громить русских. Но в XIV в. об этом не вспоминали. Какие еще русские? Смоляне, брянцы, полочане шли губить, насиловать и грабить москвичей. Слава Ольгерду, подарившему возможность пожить! Попутно, между делом, рать захватила Стародубское и Оболенское княжества. Они отчаянно оборонялись, но им ли было противиться? Дружины смели, князей убили, их опустошенные земли стали литовскими.

Враги хлынули на московскую землю, к Можайску. Но город стоял на горе, жители успели полить склоны водой. Запели стаи стрел, сшибая неприятелей, полезших по ледяной круче. А Ольгерд оценил ситуацию и распорядился не задерживаться. Зачем нести потери у какого-то Можайска? Не терять времени, двигаться к Москве. Там будет и победа всей войны, и роскошная добыча. Великому князю Дмитрию исполнилось всего 17 лет. Если не считать походов против Дмитрия-Фомы, он еще ни разу по-настоящему не воевал, растерялся. Не знал, что правильнее предпринять. Засесть в Москве? Выступить навстречу? Да, у него был мудрый советник, святитель Алексей – но не в военных вопросах. Государь спешил, хватался за первые попавшиеся решения. Едва к нему прибыли отряды из Дмитрова и Коломны, присоединил их к столичному полку, отправил перекрыть дорогу неприятелям. Это было ошибкой. Возле Рузы литовская лавина раздавила небольшой корпус, погибли оба воеводы, Дмитрий Минин и Акинф Шуба.

Ольгерд велел пытаться пленных, выяснить, где Дмитрий, есть ли у него другая рать. Вражеская армия с разгона выплеснулась к Москве. Выплеснулась и... осеклась. Опоздали. На год опоздали. Перед литовцами высились новенькие стены каменного Кремля. Они-то соображали в военном деле, с одного взгляда было ясно: орешек крепенький, с налета не раскусишь. А к великому князю подоспела подмога из других городов, вооружились московские ремесленники, купцы. Посады сожгли, собственными руками уничтожили родные дома и дворы, зато неприятелям было негде укрыться от холода, набрать готовых бревен для лестниц, осадных машин, приметов. По стенам изготовились защитники, разложили дрова под котлами – кипятить воду и смолу, поливать атакующих...

Ольгерд объехал укрепления с разных сторон. Пришел к выводу, что штурм обойдется слишком дорого. Его войско простояло четыре дня, а зима уже вступала в свои права, морозы крепчали. Вокруг города не осталось ни одной избы, ни одной деревеньки, где можно было бы устроиться, обогреться. Поразмыслив, литовский властитель махнул рукой – ладно, и без того всыпали Москве по первое число. Небось, призадумается, как вести себя на будущее. Ольгерд приказал поворачивать к границам. А чтобы москвичи покрепче усвоили урок, выпустил армию по отрядам, на обратном пути они как следует прочесали владения Дмитрия Ивановича.

«Литовщина», оборвавшая «великую тишину», по жестокости и размаху не уступала самым опустошительным татарским нашествиям. Западная часть московского княжества

покрывалась пятнами смрадной гари на местах вчерашних сел и деревень. Пойманных людей убивали или угоняли, тысячи мужиков, баб, детей, под понукания на русском и литовском языках брели на чужбину. Вязли в сугробах, замерзали, пройденные версты чернели пунктирами окоченевших трупов. Девки помоложе и поядренее могли считать, что им повезло. Новый хозяин подсадит на телегу с награбленным барахлом, покормит. Конечно, после того, как потешится. Вместе с крестьянами гнали скотину. А все, что не могли утащить или увести, уничтожали, предавали огню.

Михаил Тверской и себя не забыл. Дружина у него была не ахти какая, но нагребли добра и пленных сколько удалось. Ольгерд благосклонно разрешал – берите, не жалко. Умильно распрощавшись с могущественным шурином, князь торжественно въехал в Тверь. Он добился своего, расплатился с москвичами за позор предков. Неужто Дмитрий после подобной взбучки посмеет тронуть его? Пускай благодарит Бога, что удержался великим князем Владимирским. Пока удержался, а дальше Ольгерд еще разок подсобит, и посмотрим, удержится ли?

Известия о разгроме Московской земли растекались во все стороны. Зашептались новгородские «золотые пояса». Не пора ли отделяться от великого князя, пристраиваться к Литве? А Ливонский Орден не стал даже уточнять, что творится на Руси. Зачем терять время? Новгород очередной раз был в ссоре с Псковом, а выручать их сейчас было некому. На коней сели сам великий магистр Вильгельм Фраймерзен, дерптский епископ Фромгольд, повели крестоносцев на Псков. Брать мощную крепость все-таки не отважились, разорили и сожгли пригороды, распотрошили села, усадьбы, погосты.

Но Москву слишком рано списали со счетов. Да, она понесла колоссальный урон. От такого оправился бы далеко не каждый и не скоро. Однако сказались усилия нескольких поколений великих князей по сплочению Руси. Княжество было испоганено и вытоптано, но потянулись обозы с продовольствием из Владимира, Суздаля, Ростова, Нижнего Новгорода. Везли собранные подати, хлеб, гнали коров, овец, лошадей. Горожане и спасшиеся по лесам крестьяне получали льготы, денежные ссуды. Заново отстраивались московские посады, деревни. Дружины пополнялись воинами взамен погибших.

Государь обсуждал с боярами, с чего начать, на что нацелить усилия в первую очередь. Причем решение было отнюдь не таким, как представлялось врагам Руси. Дмитрий Иванович и святитель Алексей настояли – сейчас важнее всего помочь псковичам и новгородцам! Крепить то же самое сплочение и единение! Это было совершенно неожиданно, непонятно, нелогично. Москва, только что разбитая и униженная, протягивала руку другим! Правда, государю было полезнее остаться в столице, руководить восстановлением хозяйства, присматривать за литовцами и тверичами. Но брату Владимиру исполнилось 15. Считай, мужчина. Его и поставили во главе войска, послали на запад.

Разумеется, с ним поехали толковые воеводы, подсказывали, поучали, зато он был знаменем, фигурой самого высокого ранга. Новгородцы и псковичи встречали его с великой радостью, плакали в порыве благодарности. Как худо, как тяжело досталось великому князю, а ведь не бросил в беде! Прислал брата, воинов! Ну а для немцев московская подмога стала весьма неприятным сюрпризом. Приходилось взвесить, имеет ли смысл продолжать войну? Эх, какими заманчивыми выглядели русские города! Так не хотелось расставаться с радужными мечтами. Магистр с епископом попробовали еще повоевать, подступили к Изборску. Но Владимир Андреевич и его бояре успели помирить новгородцев с псковичами, их отряды выступили спасать осажденных, и рыцари предпочли отступить.

Брат государя провел на границе полгода, объехал крепости, налаживая оборону, и ливонцы притихли. Летом 1369 г. Дмитрий вызвал его в Москву. Здесь тоже развернулись крупные военные приготовления. Неприятелям решили показать – поджимать хвост перед Ольгердом Русь не намеревается. Сама Литва была еще не по плечу великому князю, но две

рати выступили наказать ее вассалов и союзников, одна на Смоленщину, вторая на Брянщину. Резали, жгли, грабили в московских владениях? Не обессудьте, долг платежом красен. Платили той же монетой. Красного петуха подпускали? Вот он, вернулся к вам. Чужое добро увозили? Прощайтесь со своим. Полон забирали? Идите-ка сами потрудитесь на нашей земле.

Михаил Тверской занервничал. Нетрудно было понять, кто на очереди. У него и в собственном княжестве было неладно. Митрополиту шли жалобы на несправедливые суды, на тверского епископа – что он обижает и притесняет тех, кого считают друзьями Москвы. Михаил взялся спешно возводить вокруг Твери новые дубовые стены, но не особо на них надеялся. Отправил своего епископа к Дмитрию Ивановичу, предложил «любовь крепити». Это выглядело настолько глупо и неуместно, что в Москве посланца чуть на смех не подняли. От св. Алексия епископ получил крутую выволочку. Выслушал, как он нарушил долг пастыря, поддерживал раздоры, потакал литовским интригам – с тем и уехал. А вслед за ним к Михаилу явились послы великого князя. Дмитрий уточнял, что между ними не то что любви, а вообще нет мира.

Но когда по тверским дорогам заколыхались копыта московских ратников, повторилась прошлогодняя история. Михаил на самых быстрых конях умчался в Литву, его города сдавались. И что делать с княжеством без князя? А поздней осенью посыпались донесения с западных рубежей – опять валит Ольгерд со всей армией. «И поплени людей бесчисленно, и в полон поведе, и скотину всю с собой отогнаша», «и все богатство их взя, и пусто сотвори». Впрочем, повторялось не все. На этот раз у москвичей оказалась налаженная пограничная стража. Вовремя летели предупреждения. Большинство крестьян успело попрятать пожитки, укрыться по городам или лесам, в крепостях врага ждали сильные гарнизоны.

Ольгерд попытался с ходу захватить Волок Ламский, но городской полк встретил атаку вылазкой. В жестокой рубке сложил голову московский воевода Василий Березуйский, но литовцев сбросили с моста, отогнали от стен. Три дня провозились они с городом, а успеха не добились. Возиться дольше Ольгерд счел бессмысленным. И без того его планы были скомканы. Внезапности не достигли, время потеряли. Как и в прошлом году, приказал идти прямо на Москву. Но и промахи Дмитрия Ивановича не повторились. Он больше не высылал наспех собранных ратей. Его рати засели в столице. Густо поблескивали доспехами на стенах и башнях, только что отстроенные посады опять были сожжены, и попробуй-ка, сунься.

Ольгерд не сунулся. Стоял у Кремля восемь дней. Размышлял, присматривался. Вдруг улыбнется удача, откроется какой-то шанс на победу? Но становилось все более очевидно – стоят зря. Обычная логика подсказывала, если москвичи были готовы к нашествию, то позаботились запастись продовольствием, измором их не возьмешь. А вместо обнадеживающих известий – например, о бунте или измене среди осажденных, стали поступать такие, что впору было за голову схватиться! Из допросов пленных, из донесений разведки открывалось, что войска Дмитрия не просто попрятались! Они действуют по собственному четкому плану!

Оказалось, что великий князь заперся в крепости только с частью войск, а его брат Владимир увел сильный корпус, расположился за Пахрой. Прямо в тылу литовцев! К нему стягиваются Можайский, Волоцкий, Дмитровский полки, Белозерцы, Ярославцы, Угличане – целая армия! Мало того, взялись за оружие Олег Рязанский и Владимир Пронский, у них с литовцами имелись свои счеты. Встали неподалеку от Владимира Андреевича, готовые вмешаться. Подобный расклад Ольгерду ох как не понравился. Он вляпался, как мальчишка! Его окружали, отрезали дороги домой!

Что ж, матерый вояка умел и схитрить. К воротам Кремля подъехала пышная делегация. Затрубили и объявили: великий князь Литовский и Русский предлагает великому

князю Московскому заключить «вечный мир». Читали грамоту высокопарно, уверенно. Их воинство обложило Москву, юный Дмитрий ухватится с восторгом. Вот тут-то ему продиктуют условия. Однако молоденький государь больно щелкнул по носу многоопытного врага. С деланным равнодушием ответил, что о «вечном мире» говорить не время. Но он, так и быть, согласен на перемирие до Петрова дня, на полгода. А Ольгерду и впрямь было некуда деваться. Пришлось проглотить. Уходили литовцы скромненько, уже ни о каких грабежах речи не было. Как бы не дать повод нарушить перемирие, унести ноги подобру-поздорову...

9. Как князь Дмитрий остановил Литву

Перемирие распространялось и на Михаила Тверского, но он был страшно разочарован. Поверил, что Ольгерд всемогущий, уже представлял, как Москва будет корчиться в пламени, как его станут возводить на великое княжение... А что в итоге? Всего лишь обещание, что его не тронут до Петрова дня. А потом еще раз бежать? Выпрашивать подмогу при чужом дворе, а москвичи будут разгуливать по его городам? Князь бушевал в беденьком тверском дворце. Куда ни глянь, все злило и раздражало. Запущенность, неустроенность, голые стены, дырявые крыши. Пустые клетки и амбары, недавно пограбленные ратниками Дмитрия Ивановича. Больше от литовской дружбы он не получил ничегошеньки. Но ведь на Ольгерде свет клином не сошелся! Не захотел в полную силу постоять за родственника, можно было найти других заступников...

Как раз в это время донеслись важные новости из Орды. В 1370 г. Мамай нанес удар по Сарая. Подготовил заговор в городе, двинул свои тумены. Хана Азиса убили. Второй хан Авдула просто куда-то исчез, будто его и не было. То ли попытался вести себя самостоятельно, то ли Мамаю понадобился союз со сторонниками другого претендента. От Авдулы избавились, чтобы не мешал. На трон посадили Мухаммеда Булака, а Мамай занял при нем свое обычное место – реального властителя. Орда наконец-то объединилась. Узнав об этом, Михаил Тверской наполнился новыми надеждами. Вот она, возможность выиграть! Мгновенно собрался, отправился в татарские степи.

В Орде многое выглядело непривычно. Сарай, столько раз переходивший из рук в руки, растерял былую роскошь. Дворцы и мечети стояли ободранные, в большие дома заселились случайные жители. Там, где раньше обитал один вельможа, гнездились по десятку семей. Там и тут из великолепных строений повыламывали камни и кирпичи, в запущенных и вырубленных садах торчали чьи-то хижины, мазанки, кибитки. Только базары раскинулись такие же большие, как раньше. Нетрудно было найти конторы и лавки купеческих семей, сидевших здесь в прежние времена.

Нравы в Орде тоже остались прежними. Чтобы попасть на прием к хану и Мамаю, требовалось начинать с подношений царедворцам, ханшам, царевичам. А уж кто порадовался приезду тверского претендента, так это сарайские ростовщики. Лица переменялись, кого-то уже не было на свете, но никуда не делись их дети, внуки, племянники. В их пыльных мешках с архивами не пропадало ничего, вспомнили, какие суммы остался должен дед князя, Михаил Ярославич, отец Александр. А внуку и дать было нечего с пришедшего в упадок княжества. Но он повел себя столь же азартно, как отец и дед. Это была его последняя ставка! Последняя ставка великой Твери, чтобы посчитаться с ненавистной Москвой. Михаил без споров признавал долги предков, делал новые. Получит великое княжение – вернет. Если и денег не хватит, не беда. Способы известные: отдаст кредиторам на откуп подати, промыслы, они с лихвой возвратят вложения русскими мехами, изделиями, наберут по деревням белотелых рабынь.

Визит Михаила пришелся по нраву и самому Мамаю. Уже не только Москва, но и прочие русские князья перестали таскаться к скороспелым ханам. Слишком накладно, а толку никакого. Сегодня хан, а где он завтра? Какие бродячие собаки обглодают его кости? Михаил спешил не напрасно, явился первым после долгого перерыва. Правда, первая ласточка весны не делала. Князь выглядел ненадежно и не серьезно. Но в любом случае, поддержать его было полезно. Напомнить остальным, кто хозяин над Русью. Властитель Орды вручил Михаилу вожде ленный великокняжеский ярлык. Поинтересовался, не дать ли ему войско?

Но от подобной перспективы содрогнулся даже завзятый забияка. Если придут татары, они в первую очередь перетряхнут его собственное княжество. В Твери крепко помнили, как

его отцу Александру прислали корпус Щелкана. И чем дело кончилось? Насилия, грабежи, восстание тверичей, а за это – страшный погром ордынских карателей. Князь смущенно отказался, заверил, что сам справится. Почему бы не справиться? У него будет ярлык, на его сторону перейдет часть князей. Можно будет договориться с Новгородом, да и литовцы подсобят.

Задолжал Михаил слишком много. Пришлось оставить ростовщикам заложника, сына Ивана. Зато на Русь он поехал великим князем, его сопровождал ордынский посол Сарыходжа. Прибыли в Тверь, хорошо отпраздновали, и татарский уполномоченный разослал приказ всем князьям – явиться на коронацию во Владимир. Одно из посланий предназначалось для Москвы. То-то веселились, то-то хохотали Михаил и его бояре – воображали, как перекосятся лицо Дмитрия, когда он прочитает! Ай-да подкузьмили молокососа!

Но дальше стало не до смеха. Московское правительство отреагировало отнюдь не так, как виделось из Твери. Отреагировало спокойно, но жестко. Из Кремля тоже поскакали гонцы по уделам и городам, развозили приказ: всем «боярам и черным людям» предписывалось целовать крест «не давтися князю Михаилу Тверскому». По всей Руси люди получали по два противоположных указания, должны были выбрать. Они и выбрали. Выполняли повеление Дмитрия, а на повеление Михаила не отозвался никто. Зазвенело и оружие. Пока – ради предупреждения. Московская рать выступила четко, встала в Переславле и перекрыла тверичам дорогу на Владимир.

А Сары-ходже привезли ответ от Дмитрия Ивановича: «К ярлыку не еду, а в землю на княжение Владимирское не пуцу, а тебе, послу, путь чист». Обиделся татарин? Ни капельки! Потому что Мамай очень грамотно разыгрывал русскую карту. Он был отнюдь не глупым человеком. Правильно оценивал вес Москвы и Твери, ну а поскольку Дмитрий своевольничает, надо было подразнить его, припугнуть. Кроме официальных, Сары-ходжа имел тайные инструкции. Фраза «путь чист» вполне годилась вместо приглашения, посол как ни в чем не бывало покинул Тверь и явился к великому князю.

Как водится, его щедро одарили, вкусно угощали. Он кушал, пил, но был себе на уме. Сравнивал, сопоставлял, готовился доложить Мамаю, какова обстановка на Руси, каковы настроения, кто из соперников настоящий правитель, а кто липовый. В кремлевских палатах, в беседах за хмельными чашами татарин подсказывал Дмитрию и его советникам: в Орде особой любви к Михаилу не испытывают. За что его любить, литовского прихлебателя? Дело в непослушании Дмитрия. Надо выразить покорность, только и всего, а он, Сарыходжа, в стороне не останется, замолвит словечко перед повелителем. Государь, бояре, святитель Алексей посовещались и согласились, посол прав. Приходилось ехать к Мамаю. Уцелеть между двумя жерновами, Ордой и Литвой, шансов почти не было. Не с одними, так с другими требовалось как-то налаживать отношения.

Летом 1371 г. флотилия лодок отчалила от столичной пристани. Дмитрий Иванович плыл по Москве-реке, Оке, Проне. Волоком перебрались в верховья Дона. Гребли мимо тех самых мест, где предстояло князю стяжать бессмертную славу. Почувствовал ли он что-нибудь необычное? Кольнуло ли сердце? Но сейчас ехали не сражаться. Ехали с дарами и почтением к ордынскому царю, к его всесильному темнику. Волновались? Как же без того, и волновались, и усердно молились. Для скольких уже князей путь в Орду стал последним! Не один, не два и не десять приняли там мученические венцы. Однако Сары-ходжа не солгал, в ханской ставке Дмитрия Ивановича приняли чрезвычайно ласково.

Миновали времена Батые, Берке и Узбека, отдававших князей палачам за куда меньшие прегрешения. Мамаю никак нельзя было отпугивать Русь. Это оказалось бы на руку только Ольгерду да ордынским соперникам. Временщик повел себя деликатно. Москва возвратилась под его руку – вот и прекрасно, именно этого он добивался. Конечно, попенял Дмитрию за долгое нежелание приезжать, но умеренно, без унижений. Даже согласился, чтобы

дань платили меньше, чем прежним ханам. Вроде как вошел в положение – Владимирской Руси приходится вести нелегкую войну с литовцами. Пускай меньше, лишь бы платили, не выходили из повиновения, а потом видно будет.

Дмитрий и его бояре не забыли обойти с визитами ханских и мамаевых жен, царедворцев. Раскошеливались, не скупилась. В Сараях скупиться не полагалось. Но при этом обзаводились полезными связями, старались уяснить, действительно ли воскресла Орда? В общем-то, сами татары сомневались, что воскресла. Все у них было зыбко, непрочно. Великий князь пообщался и с местными русскими, посетил епископа. Еще св. Александр Невский добился от хана Берке разрешения учредить Сарско-Подонскую епархию, окормлявшую православное население в Сараях и по Дону. А одновременно епархия стала постоянным представительством митрополита в Орде, привязала здешнюю паству к Москве. Русские гости не обошли вниманием и теневых заправил Сарая, местных толстосумов. Дмитрий Иванович даже взялся выкупить у них тверского княжича Ивана. Сторговались за 10 тыс. гривен. Сумма огромная, но русская кровь стоила дороже. Тверь будет в долгах не у Орды, а у Москвы, у государя будет жить наследник Михаила. Неужели он не одумается, не пойдет на мировую?

Прекращение усабицы требовалось и Мамаю – чтобы литовцы не вступали, не отбирали у него данников. Ярлык великого князя Владимирского он выдал Дмитрию Ивановичу, а Михаилу саркастически отписал: мы тебе давали власть над Русью, давали рать. Ты ее не взял, сказал, что сам сядешь на престол. Вот и сиди на нем с кем хочешь, а от нас больше помощи не жди. Но Михаил смиряться не собирался, закусил удила. У него оставался старый ярлык, и пока Дмитрий путешествовал, он развил бурную деятельность. Обратился к новгородцам – он великий князь, пускай передаются под его руку. Многие «золотые пояса» сочли такой вариант подходящим. Москва держит их на поводке, а слабая Тверь, пожалуй, сама будет ходить на поводке у новгородцев, зависеть от их денег. Созвали вече, объявили: Михаил – обладатель ханского ярлыка. Постановили подчиниться ему.

Налаживать хозяйство в Тверской земле ему было недосуг. По ней походили туда-сюда и московские, и литовские войска. Но и тверичи испробовали, как выгодно вместе с литовцами грабить москвичей. Михаил призвал всех желающих, сколачивал большую рать. Денег для воинов у него не было, даже коней не хватило. Зато имелись лодки. Князь посадил в них ополченцев и пустился по Волге. Захватил и спалил Мологу, Углич. Кострому взять не сумел, но пожег посады и деревни вокруг города.

Однако правительство св. Алексия в отсутствие государя не сидело сложа руки. Отряды собрали, гарнизоны усилили, а главное – возобновили переговоры с Литвой. Игру провели мудро, умело.

Ольгерда возмутило обращение Михаила к Мамаю. Стоило ли воевать за честолюбца, готового перевернуть к кому угодно? С другой стороны, милость Мамая к Дмитрию и объединение Орды заставляли быть осторожнее. Литовский властитель согласился продлить перемирие. А митрополит с боярами предлагали ему, не лучше ли вообще ликвидировать ненужный конфликт?

Они постарались составить такой договор, что о лучшем и мечтать не приходилось. Владимирское великое княжение впервые признавалось «вотчиной», наследственным владением московских государей! Михаил Тверской должен был отозвать наместников из захваченных городов, а если «не поедут», за москвичами оставалось право «их имати». От покровительства родственнику Ольгерд отрекался. Стороны условились – если Михаил опять начнет «пакостити в нашей вотчине», великий князь сам примет меры, а литовцам «за него ся не вступати». Но чем Москва хуже Твери? Почему бы Литве не сблизиться с ней? Сошлись на том, что литовский государь выдаст дочку за Владимира Андреевича.

Очень быстро отрезвели и новгородцы. В их города понаехали тверские наместники, совершенно неопытные, но возгордившиеся, нищие и алчные. В кои веки дорвались до сыт-

ных должностей! Спешили обогатиться правдами и неправдами. Вымогали поборы, пытались хапнуть, что под руку попадет. Народ зароптал, а в Ливонии зашевелились крестоносцы. Твери-то они не боялись, это не Москва, не отлупит. Рыцарские отряды ворвались на русскую территорию. Почесали бороды бояре с купцами и потребовали от новоявленных наместников убираться, пока люди еще сдерживаются, не растерзали их. Снарядили посольство к великому князю и митрополиту.

С ними святитель Алексей обошелся дипломатично. Не винил за метания туда-сюда. Мало ли, с кем не бывает ошибки? Зато составил новую договорную грамоту, в ней прямо указывалось: если случится «обида с князьями Литовскими или с тверским князем Михаилом, Новгороду всести на конь», воевать заодно с москвичами. А ответные обязательства были исполнены немедленно. «Всел на конь» князь Владимир Андреевич, во второй раз помчался с лучшими витязями вышибать немцев из новгородских и псковских пределов.

Увы, в это же время стали резко портиться отношения Москвы с рязанцами. Как выяснилось, их князь Олег Иванович подсобил против литовцев совсем не бескорыстно. За «приход на Ольгерда» он предъявил солидный счет: уступить ему Лопасню. Московское правительство сочло плату слишком дорогой и не заслуженной. Указывало, что рязанцы произвели только демонстрацию, «стояли на меже», а в боевых действиях не участвовали. Дмитрий Иванович, св. Алексей и бояре соглашались обсудить пограничные споры, заключить приемлемый «уряд» о размежевании земли. Соглашались как-то отблагодарить рязанцев, но не городом, не плацдармом на южном берегу Оки.

По дороге в Орду и из Орды великий князь дважды проезжал через Рязань, встречался с Олегом, но... они говорили на разных языках. Московский государь пытался объяснить, насколько выгодным будет объединение сил. Олег к вопросам общей политики оставался глух. Заклинился на своем, узком. Когда-то Лопасня принадлежала Рязани, значит, отдай. Вы, москвичи, и без того много набрали. Сперва отдайте мое, а уж тогда можно будет толковать о дружбе. Однако Лопасня была не просто одним из многочисленных городков. По своему положению она являлась важнейшим пунктом обороны на Оке, со стороны степи. Обороны всей Северной Руси. Олег таких доводов не воспринимал. Ему отказали, и он обиделся, затаил камень за пазухой.

Но и Михаил Тверской не уgomонился. Мало ли, что Мамай передумал, отдал великое княжение Дмитрию! А может, завтра переменит мнение? Мало ли, что литовцы от него отвернулись! Разве он сам ни на что не способен? Злился уже на всех вокруг. Особенно распалился на новгородцев. Сперва-то признали его, а потом – к Москве? Выходит, изменники! За это князь удержал новгородский Бежецк, принялся разорять соседние волости. Дмитрий Иванович строго выполнил соглашение с Новгородом. Вслед за дружинами Владимира Андреевича на запад выступила вторая рать, против тверичей. Подступила к Бежецку, предъявила ультиматум – убираться на все четыре стороны. Наместник Михаила, боярин Никифор Лыч, отказался, сел в осаду. Но город взяли одной атакой, наместник сложил в бою упрямую голову.

И тут-то московский государь получил еще одну войну. Глупую, ненужную. Впрочем, такой она виделась из Москвы. Олег Рязанский полагал иначе. С его точки зрения война была законной и справедливой. Не захотели по-хорошему вернуть ему древние владения – а меч на что? Узнал, что полки великого князя ушли на немцев и к Бежецку, самое время воспользоваться! Подкрался тайком к злосчастной Лопасне, захватил, побил защитников. Удар в спину был неожиданным. И не только неожиданным, а бессмысленным. У Дмитрия Ивановича хватало бойцов. Он даже не стал дожидаться, когда вернутся рати из-под Пскова и Бежецка, собрал третье войско.

Его главные воеводы отсутствовали, и великий князь назначил командовать нового боярина, приехавшего с Волыни, Дмитрия Михайловича по прозвищу Боброк. В прошлых

походах он неплохо себя проявил, заслужил полное доверие. Впоследствии государь даже выдал за него замуж свою сестру. В декабре 1371 г. воины вступили на рязанскую землю. А князь Олег ждал именно этого. Он рассчитал – на него придет лишь часть московских сил, разгромить их вполне реально. После поражения Дмитрий будет вынужден сменить тон, и о Лопасне пойдет иной разговор. Встретить неприятелей Олег готовился под Скорнищевом, созвал всех, кто был способен владеть оружием. А владеть им умел любой рязанец. Они жили на краю степей, их не обходила ни одна татарская рать, а уж шайки грабителей навевались постоянно. Здесь каждый был воином.

Переняли и татарскую науку боя. Давно разучились биться правильным строем, привыкли схватываться с врагом налегке, отдельными отрядами. У многих ополченцев не было ни доспехов, ни копий – по-татарски, лук да аркан. На москвичей посыпались стрелы, с гиканьем ринулась масса конницы – выхватить петлями из седел, порушить ряды, захлестнуть с разных сторон... Но Боброк на родной Волыни неоднократно сражался с ордынцами, знал, каким образом побеждают их литовцы. Стянул небольшую рать в тугой кулак, стрелы одождали сомкнутые щиты. Витязи ошетинились копьями, железный строй отшвырнул рязанцев, вклинился в рыхлые толпы, и пошла работа мечами. Секли с плеча, расчищая кровавые улицы в беспорядочной толчее противников.

Рязанцы рассыпались кто куда, уносились прятаться. Этому их тоже жизнь научила. На ветхие укрепления своей столицы Олег не полагался, скрылся в лесной глухомани. Рязань сдалась без боя. А московский великий князь и его правительство рассудили: соседу недостаточно полученной трепки. За коварную выходку надо наказать посуровее. Обратились к родственнику Олега Владимиру Пронскому. Он не забыл, как его отца прикончил отец Олега, как свергли с рязанского престола его брата Ярослава. Согласился княжить в Рязани, а за это признал покровительство Дмитрия Ивановича.

В Москву возвращались победители. Всех одолели, Михаила, Олега. А Владимиру Андреевичу, прогнавшему крестоносцев от Изборска, как раз привезли золотоволосую литовскую невесту. Св. Алексей окрестил ее, нарек Еленой. Свадьбу играли веселую. Пожаловали в гости новые родственники, литовские князья. На пирах сидел и сын Михаила Тверского Иван – его поселили со всеми удобствами, у митрополита, пока отец не удосужится договориться о мире и долгах. Всем радостно, все устраивалось наилучшим образом. Литовцы и русские поднимали чаши за здоровье друг друга, Рязань стала союзницей, Тверь притихла...

Нет, не тут-то было. Розовые мечты поманили, подурманили и тут же оборвались. Для Ольгерда договоры не значили ровным счетом ничего. Дочку замуж выдал? Ну и что? У него было много дочерей. Пусть будет счастлива и пусть повезет ее мужу – не нарваться на литовский меч. Куда более важные вести приходили из Орды. Ее возрождение продержалось лишь два года. Владычество Мамаю раздражало остальных эмиров и мурз. Почему он, почему не они? По степям рыскали сторонники перебитых ханов, недорезанные царевичи. Точили сабли синеордынцы – уж больно лакомую добычу привозили с Волги их уцелевшие друзья. А вслед за ними богатствами Сарая заинтересовалась третья татарская Орда – Белая, сибирская.

В 1372 г. замятия возобновилась. По степям покатила такая резня, что Золотая Орда развалилась на семь частей. В каждой – свои ханы, рубились все против всех. Мамаю удалось спасти жизнь, ядро воинов. Но из Сарая отступил, кое-как удержал лишь прежние владения, между Волгой и Днепром. Что ж, Ольгерд сделал вывод: Мамаю стало не до русских. С другой стороны, Михаил Тверской получил достаточный урок, опять лебезил перед литовцами. Имело смысл вернуться к старым планам. А что договор с москвичами заключили, на свадьбе пировали – так это же чудесно! Враги успокоились, не ждут... Правда, литовский государь решил соблюсти хотя бы видимость приличий. Не возглавил войско самолично.

Послал по секрету распоряжения брату Куйстуту, сыновьям, племяннику Витовту. Вроде как они без Ольгерда, по собственной инициативе вздумали пошालить.

Литовские князья только что гуляли в Москве, выдавали цветистые здравицы, а уже через пару месяцев прискакали в Тверь с отборными отрядами. Соединились с ратниками Михаила. Он настолько воспылал новыми надеждами, что даже о сыне не задумался. Да и не слишком беспокоился о нем. Зная св. Алексея и Дмитрия Ивановича, не опасался за судьбу юноши – что бы ни натворил отец, на невиновном они не отыграются. А натворить князь намеревался немало. Наступила весенняя распутица, поплыли снега, в эту пору не то что воевать, а вообще старались никуда не ездить. Но как раз в распутицу литовцы и тверичи скрытно проскользнули по бездорожью. Обнаружились возле Переславля-Залесского! Появились настолько внезапно, что захватили бояр и боярынь, приехавших в свои села, забирали крестьян прямо в избах, на полях.

Вдосталь пограбили, сожгли посады Переславля и повернули назад, пока из Москвы не выслали войско. На обратном пути подступили к Дмитрову, точно так же разорили окрестности, а с города содрали солидный выкуп за то, что не подожгут его. Угоняя огромный полон, налетели еще и на Кашин. Он входил в Тверское княжество, но кашинских князей Михаил по-прежнему ненавидел за симпатии к Москве. Покарал их жестоко, город погромил дотла. Решил расквитаться и с новгородцами, захватил у них богатый Торжок, посадил там своих наместников.

Новгород вскипел от возмущения. Ударили в вечевой колокол, вооружались. Воевода Александр Обакунович, герой походов в Сибирь и вожак лихих ушкуйников, двинулся отбивать город. Тверичи не ожидали, что новгородцы появятся так быстро, разместились вольготно, чиновники и воины Михаила вознаграждали себя как могли, обчищали дома, бесчестили жителей. Ополченцы Александра Обакуновича свалились как снег на голову, ворвались в Торжок. Горожане с удовольствием подсобили им, часть тверских людей «избиша», кому посчастливилось уцелеть, выгнали в три шеи и передали их князю, чтобы впредь не совался.

Разумеется, доложили Дмитрию Ивановичу. Но Михаил Тверской, бросив ему дерзкий вызов, на этот раз не удирал за границу. В вылазках на московские и новгородские земли он сформировал собственный полк, а литовцы помогли обучить его, выделили умелых командиров, конный отряд. Михаил подоспел к Торжку раньше, чем великий князь. Александр

Обакунович рассудил по-своему. Стены Торжка, обгоревшие после прошлых осад, представлялись не слишком внушительным укрытием. Впрочем, торчать за стенами, высматривать, когда же Москва придет на выручку, казалось скучным. Удальцы-новгородцы привыкли иначе – шарахнуть во всю молодецкую силушку, разойдись плечо, размахнись рука, и кто выдержит бешеный напор? К ним присоединились жители Торжка, их было больше, чем врагов...

31 мая 1372 г. они вышли в поле, с дружным кличем устремились вперед. Но Михаил Тверской и его литовские инструкторы действовали хладнокровно. Собрали в кулак лучшие бронированные дружины и нацелили удар прямо туда, где неслись в атаку, распялив в крике рты, новгородские воеводы. Смяли, Александр Обакунович рухнул под копыта коней, его нестройная рать сразу потеряла порыв, стала разваливаться. Тверичам только этого и надо было, нажали по всему фронту, и защитники побежали. А Михаил заметил, что ветер дует им в спину, велел поджигать город. Занялось с треском, пламя потекло волной по высохшим бревнам домов, заборов, сараев. Вопили люди, надрывалась погибающая скотина.

Толпы бежали к речке Тверце, давили друг друга, тонули. Другие выскакивали навстречу победителям, напарывались на мечи и копья, кидались обратно в огонь. Потом ратники Михаила опомнились, что пленные денег стоят. Стали хватать мечущихся, обезумевших, вытаскивать залезших в речку. Опьянев от вседозволенности, измывались. Кто-то

придумал раздевать всех женщин донага. С хохотом сдирали с ошалевших баб сарафаны, рубахи. Попались монахини, но и их заголяли. Под улюлюканье жались в кучах пленных голые матери с младенцами, голые бабки с голыми внучками, а у них на глазах возбужденное воинство распластывало на земле орущих от страха и стыда девок. Некоторые тверичи охотились за более ценными трофеями. Пожар пощадил каменные храмы, но их забили сотни трупов людей, задохнувшихся от дыма. Не без труда расчищали проходы в мертвых телах, срывали ризы, оклады икон. Это были *русские* – и тешились над *русскими*...

Трагедия Торжка стала самым позорным пятном Литовщины. Но московский государь повел себя не так, как от него ждали. Ждали и пострадавшие и... враги. Михаил намеренно задирали, выманивал полки Дмитрия Ивановича из каменного Кремля. А Ольгерд караулил. Осерчает молодой великий князь, выйдут москвичи покарать Тверь, тут и накроют их литовцы. Не вышли, раскусили ловушку. Дмитрий эмоциям не поддавался, воеводы у него подобрались далеко не худшие, а на границах не дремала разведка.

Обман не удался, но Ольгерд отбросил маски миролюбия. Он готовился к решающей схватке, а найти повод было не сложно. Очень некстати умер его митрополит Роман, и властитель Литвы, выпрашивая в Константинополе замену, вывалил перед византийцами массу обвинений в адрес Москвы. Писал, что святитель Алексей ходит подручным у Дмитрия, а литовскую паству совсем забросил. Жаловался и на Дмитрия – дескать, разбойничает, отнял у Литвы Ржев, Великие Луки, Березуйск, Мценск. Все эти города Ольгерд без зазрения совести уже считал своими.

На некоторое время после гибели Торжка установилось затишье. Литовский государь понимал – москвичи настороже. Хотел, чтобы они успокоились, расслабились. Третий поход на Русь он отложил на целый год. Как обычно, соблюдал строжайшую тайну. Летом 1373 г. разослал приказы сыновьям, вассалам – поднимать воинов. Куда? Пока к местам сбора, а цель он объявит позже. Маршрут Ольгерд наметил похитрее, выскочить на Москву не с запада, а с юга. Прошел лесными тропами между притоками Оки, Пахрой и Угрой. Под Калугой присоединился Михаил Тверской.

Двинулись и... нарвались. Не Ольгерд, а Дмитрий преподнес ему урок воинского искусства! Выяснилось, что в Москве знали о нападении. И не только знали, а точно вычислили место, куда выйдет враг. Полки великого князя и его удельных подручных уже стояли рядом с Калугой, под Любутском. Мало того, они заблаговременно развернулись к битве и первыми ударили на литовский авангард. Опрокинули его, распушили в хвост и в гриву. Остатки передовой колонны побежали, заразили паникой идущих сзади. Они тоже покапались прочь. Ошеломленный Ольгерд метался на коне между отрядами, призывал опомниться. Отводил их за глубокий овраг, строил. А следом за неприятелем наступала рать Дмитрия, остановилась на противоположной стороне оврага.

Перебираться через него для тех и других было бы самоубийством – вниз-то скатишься, а какво наверх под стрелами и копьями? Стояли день, другой. Но Ольгерду пришло время крепко подумать. Он опозорился. Молоденький Дмитрий и его воеводы переиграли матерого волка. У них имелась великолепная армия. Стоило ли рисковать всем, чего он достиг в жизни, чтобы напоследок быть битым? Завязались переговоры. Москвичи соглашались мириться, новых требований не выдвигали. Возобновили тот самый договор, который подписывали два года назад. Но «ничья» была достаточно красноречивой. Москва отстояла свое, а Литва отрекалась от дальнейших замыслов, от Михаила. За ним сохранили Тверь, но он клялся никогда не претендовать на великое княжение, возвращал всю добычу и пленных.

10. Как в Москве завелись изменники

Нет, не приходилось мечтать в XIV в. ни о прочном мире, ни о спокойствии. Где и когда оно будет, спокойствие? Разве что в Царствии Небесном для тех, кто сподобится. Не успели отразить угрозу с запада, как заполыхало на юге... Рязанцы не признали Владимира Пронского, возведенного на престол соседями. Как посмел он принять власть из рук исконных рязанских врагов? Сам себя осрамил! Едва полки Боброка Волынского покинули пределы княжества, вынырнул из лесов Олег. Это был свой князь, законный! Рязань забурлила, Владимир бежал. Его кинулись ловить по всем дорогам, перехватили. Олег посадил его под замок и «привел в свою волю». Как привел и отпустил ли после этого на свободу, летописцы умалчивают. Известно лишь, что пару месяцев спустя Владимир умер.

Но и Олегу недолго довелось править в возвращенной столице. Напомнили о себе татары. Кочевники Белой и Синей орд продолжали борьбу за Сарай. Но степи на запад от Волги удержал Мамай. Он побил нескольких мелких ханов и эмиров, другие склонялись перед ним. Ему подчинились Крым, Северный Кавказ, Мордовия, Камская Болгария. Собиралась и устраивалась заново обширная держава. А Сарай приходил в упадок, торгоши и менялы опять перебирались в Причерноморье. В смутах все понесли немалые убытки, и сам Мамай, и его мурзы, воины, купцы.

Чтобы упрочить власть, надо было удовлетворить подданных. Мурзам и воинам требовалась добыча – чем лучше пограбят, тем больше к нему перейдет всадников от сарайских ханов. Купцам требовались караваны пленных. Но пришло время указать и русским князьям, где их место, как себя вести с хозяином. Дмитрий Московский появился перед властителем всего один раз, и дань прислал один раз. А стоило разгореться ордынским усобицам, как будто забыл про недавнего повелителя. Следовало подхлестнуть русских, чтобы не были такими забывчивыми.

Для этого идеально подходило Рязанское княжество. Близкое, слабое. И момент идеально подходил. Мамай услышал – Ольгерд идет на Москву! Нет, темник не стал помогать своему «рабу Митьке». В войне с литовцами поляжет много татарских воинов, а потери ему были ни к чему. Пускай Литва в третий раз опустошит владения великого князя. Тогда он потеряет охоту своевольничать, на животе приползет умолять о защите. Мамай направил конницу на Рязань. Там она погуляет без риска. Но рать будет поблизости от театра боевых действий, станет предупреждением для Ольгерда – чтобы не увлекся, не вздумал прибрать к рукам чужую собственность.

Когда массы ордынцев ворвались на Рязанщину, князь Олег не нашел в себе сил обороняться. Опять исчез в каких-то глухих убежищах, известных разве что его приближенным. Кто мог его выручить? Дмитрий Иванович, больше некому. А с Дмитрием Ивановичем он сам смертельно рассорился. Татары разошлись загонами, разорили Рязань и другие города, охотились за людьми. Но война москвичей и Литвы развернулась совсем не так, как предполагали татарские военачальники, завершилась неожиданно быстро. Великий князь, возвращаясь из-под Калуги, узнал о набеге. Его армия была в сборе, Дмитрий с ходу повернул ее на юг.

Полки быстро выдвинулись на Оку, встали по берегу и прикрыли земли государя. Отряды ордынцев выскочили было к реке, но за ней блестели многочисленные копья, шлемы, поднимались дымки походных костров. Татары поворачивали назад. Зачем напрашиваться на неприятности? Лучше лишний раз пройтись по рязанским волостям, поискать пропущенные деревни. Но и рязанцы смекнули, что к чему. Кто догадался, пробирался к Оке или за Оку. Хоть москвичи и враги, но смотри-ка, отпугнули степняков. Рядом с их полками можно было переждать, пока минует опасность.

А Дмитрий Иванович и его бояре сделали из случившегося свои выводы. Задумка была давняя – рубеж Оки исключительно удобен для обороны. Теперь проверили на практике, каким образом защитить его. В следующем 1374 г. великий князь целенаправленно вывел войска на берег реки, поставил дежурить на все лето, охранять границу в самое опасное время, когда наведываются степняки. По всем расчетам получалось выгоднее заранее собрать воинов, несколько месяцев держать их в строю. Зато села будут целы, землепашцы уберут урожай, нагуляет вес скотина на лугах. Да и ратникам полезно побыть в полевых станах, выучка лишней не бывает.

Государь, его брат Владимир Андреевич, воеводы, объезжали рубеж, организовывали систему сторожевых постов. Самые удобные броды через Оку находились у устья Нары, возле городка Серпухова, тут пролегалась большая дорога с юга на Москву. Осмотрев место, решили: нужна крепость. Серпухов входил в удел Владимира, до сих пор он жил в Кремле, бок о бок с Дмитрием, а персональной «столицы» не имел. Владимир предложил – пусть Серпухов станет главным городом его удела. Выбрал место на горе, заложил дубовые стены. Три крепости, Серпухов, Лопасня и Коломна, вставали единой стеной на пути незваных гостей. Другие князья тоже задумывались, как бы понадежнее прикрыть владения. Тесть государя Дмитрий-Фома возобновил строительство каменного кремля в Нижнем Новгороде, на Суре возводил крепость Курмыш.

Мамай действия русских крайне озаботили. Вместо того, чтобы унижаться перед ним, тащить в его ставку возы подарков, князья строили оборону. Вместо того, чтобы присылать дань, тратили деньги на крепости. Опясывались с юга и с юго-востока, разве трудно угадать, от кого? Это был почти открытый бунт. Но обстоятельства связывали властителя Причерноморья по рукам и ногам. Можно было после Рязанщины послать рать на Дмитрия. А если воспользуются литовцы? Если хан Белой орды Урус нанесет удар в спину?

Мамай для начала испробовал иные способы. Надо было всего лишь перессорить удельных князей, оторвать от Москвы. Делать ставку на Михаила Тверского было неразумно, слишком тесно спелся с Ольгердом. Но имелись прежние соперники Дмитрия, суздальско-нижегородские князья. В Нижний Новгород отправили посла Сарайку, дали ему внушительную свиту, больше тысячи воинов. Конечно, дали не случайно. Буйная орава должна была как следует пострадать князя и его подданных. Небось, сразу вспомнят, что ссориться с татарами не стоит. А после кнута можно было и пряником поиграть, поманить ярлыками... Нижегородцы и в самом деле были поражены. Пожаловало не посольство, а целый полк татар, повели себя, как хозяева с рабами, бесцеремонно хватили все, что понравилось, кинулись на девок.

Но... русские отвыкли сносить подобные выходки. Возмущенный Дмитрий-Фома и епископ Дионисий Суздальский одернули посла: уйми своих головорезов. Сарайка ответил грязными оскорблениями. Русские вздумали татарам указывать! Ну а коли так, сам владыка Дионисий велел ордынцам убираться. Посол вскипел, выстрелил в епископа из лука, но обманулся из-за широких одеяний священника, стрела не задела тела. Зато горожане расхватили колья и дубины. Татар побили, Сарайку определили под замок – подумать о правилах дипломатической вежливости.

Мамай вскипел, выслал отряды, повелел князьям Камской Болгарии напасть на нижегородские земли, жечь и терроризировать мятежников. Но друзья у ордынцев были и в самой Москве. Первое место среди них занимал тысяцкий Василий Вельяминов. Боярин поддерживал самые что ни на есть теплые отношения с приятелями Мамай, генуэзцами и евреями, при нем они чувствовали себя настолько же вольготно, как в Сарае или в Кафе. Через них тысяцкий проворачивал собственные дела. Его доверенным выступал Некомат, купец и проходимец неопределенной национальности. А денежки и драгоценности Вельяминов любил

страстно. Дошло даже до того, что на свадьбе великого князя Дмитрия он утащил подарок тестя, золотой пояс. Подменил на похожий, но поплоче и дешевле.

Хотя мог бы и не воровать, он и так был богаче всех бояр. Сыновей женил на княжеских дочках, тешил самолюбие. Причем одному из них подарил тот самый краденый пояс, ничуть не смутился. Поползли нехорошие слухи, но государев дядя считал себя неуязвимым. Слишком большой вес набрал, на нем вся Москва держится! В любом совете голос Вельяминова был третьим после великого князя и митрополита. В преемники себе тысяцкий готовил старшего сына Ивана. Когда отец состарился, Иван с Некоматом уже заправляли Москвой от его имени.

Но Дмитрию Ивановичу и святителю Алексию замашки боярина давно стояли поперек горла. Не забыли про убийство Босоволкова, не остались тайной и последующие махинации. Выходку с поясом государь по-христиански простил, смолчал, но... сколько можно терпеть? Да ведь и избавиться от Вельяминова было не так-то просто. Ордынские вельможи и ростовщики, в свое время заставившие вернуть Вельяминова из ссылки, входили сейчас в окружение Мамаю. Как его зацепишь с эдакими заступниками! Но необходимость подстраиваться к Мамаю отходила в прошлое, а в конце 1374 г. Василий Вельяминов преставился.

И тут-то великий князь обнародовал решение, которое они заранее подготовили с митрополитом. Москву ошеломила новость – на должность покойного... не назначен никто. Государь вообще упразднил пост тысяцкого. Часть полномочий взял на себя, часть передал новым чиновникам, московским наместникам. Легко понять, кого эти перемены потрясли сильнее всех. Ивана Вельяминова. Он уже чувствовал себя тысяцким, продолжателем династии: прадеда, деда, отца. Ему принадлежало исключительное положение в государстве – и вдруг отняли! Низвели до уровня одного из бояр! Считай что в грязь окунули!

Но и чужеземные торгаши в Москве засуетились. Слуги великого князя начнут проверять, что им дали законно, что незаконно... Некомат передавал их опасения Ивану, о чем-то шептались без лишних ушей, за закрытыми дверями. Весной 1375 г. Иван Вельяминов и Некомат сбежали. В принципе, боярин был человеком вольным, имел право уйти на службу к любому князю. Но это осуществлялось официально, требовалось объявить об уходе, снять с себя присягу. Сын тысяцкого исчез тайно, никого не известив. Вскоре узнали, что удравшая парочка вынырнула в Твери.

А князя Михаила провалы его авантюры ничему и не научили. Он жил старыми обидами, болезненно пережевывал несбывшиеся грезы. Вельяминов и Некомат пришли к нему при дворе очень кстати. Изложили вызревший у них план. Достаточно простой, но до сих пор не приходивший Михаилу в голову: не надо метаться между Литвой и Ордой. Надо идти против Москвы одновременно с Литвой и с Ордой! Беглецы брали на себя договориться с Мамаем, а Михаил должен был еще разок побеспокоить Ольгерда.

Князь заинтересовался и убедился: дело реальное! Ни Литва, ни Орда в обиде не останутся, каждый урвет что-нибудь для себя. Увлечшиеся заговорщики самозабвенно делили шкуру московского медведя. Михаилу – великое княжение, Вельяминову – быть при нем вторым человеком, Некомату и его компаньонам – монополии на меха, воск, мед, торговые концессии. Времени не теряли. Заложили сани, рванули в разные стороны. Князь, меняя по дороге коней, примчался в Вильно. Ольгерд, крупно обжегшись, отнесся к его идеям осторожно. Но неожиданный вариант, объединить усилия с татарами, показался ему любопытным. Пообещал, если и в самом деле это исполнится, он даст войска.

А Вельяминов с Некоматом скакали сквозь степи в ханскую ставку. Сразу кинулись к ордынским и генуэзским воротилам. В деловых кругах обоих хорошо знали, а обещания предоставить монополии на русские богатства, отдать на откуп статьи доходов и промыслы, были очень весомыми аргументами. Путешественникам без малейшей задержки, даже без взяток и подарков, обеспечили аудиенцию у Мамаю. Впрочем, у Вельяминова имелись для

него «подарки». Он с покойным отцом обретался возле государя, знал самые сокровенные замыслы, слышал разговоры в самом узком кругу. Все выложил перед Мамаем – как Дмитрий Иванович исподволь, на словах не порывая с татарами, нацеливается на независимость.

Мамай был вне себя от ярости. Тут же, не отходя от кассы, объявил, что лишает Дмитрия великокняжеского достоинства, велел выписать ярлык Михаилу. Вельяминов на радостях присвоил себе чин тысяцкого стольного Владимира (такого чина на Руси отродясь не существовало) и остался при ордынском дворе представителем тверского князя. А Некомат с ханским послем Ачи-ходжей сломя голову ринулся в обратную дорогу. Михаил только-только успел вернуться из Литвы, как ему доложили: посланцы уже в Твери. Преподнесли драгоценный ярлык, а к нему особую грамоту. Сам Мамай ласково обращался к князю, заверил, что поможет своему «верному улуснику» против презренного «Митьки».

Вот уж взыграло сердце Михаила! Все исполнялось самым чудесным образом, в непостижимые сроки! Прошло лишь пару месяцев, как сговаривались с неожиданными помощниками, и свершилось! Князь настолько поверил свалившемуся на него счастью, что даже ждать не стал. Мамай за него, Ольгерд за него, чего ждать? 14 июля 1375 г. встретил послов и в этот же день отправил в Москву гонца, объявлял войну. Кликнул ратников седлать коней, грузиться в лодки. Один отряд отчалил по Волге на Углич, второй выступил на Торжок...

Ох, поспешил Михаил Александрович! Потому что и Дмитрий Иванович медлить не стал. Сразу разослал призывы собирать в Волоке-Ламском войска. А удельные князья отреагировали точно так же, как пять лет назад. Это раньше было – кинул хан ярлык, как кость голодным шавкам, и покатались грызться. Теперь ни один из князей не завилал хвостом перед новоявленным Владимирским государем, ни один не кинулся к нему выпрашивать милости. Клятвопреступник, пакостник, сколько раз наводил чужеземцев! В Москву один за другим скакали гонцы, князья дружно осуждали поступок Михаила. А следом за гонцами отовсюду шагали полки.

Нижегородцев привел Дмитрий-Фома, за ним двигались отряды брата, Бориса Городецкого. Стекались со своими князьями ярославцы, белозерцы, ростовцы, моложцы, стародубцы. Сочли нужным примкнуть мелкие властители, не входившие в великое княжество Владимирское, но понявшие, что надо держаться вместе с Москвой – Семен Оболенский, Роман Новосильский, Иван Тарусский. Прибыли с дружинами изгнанники, князья без княжеств – Роман Брянский, Иван Смоленский. Никогда еще с легендарных домонгольских времен не собиралось такого многочисленного воинства! И это уже было не разношерстное феодальное ополчение, где каждый сам по себе. Под началом Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича встала в строй единая армия. Цельная, связанная общим духом и дисциплиной.

Хотя князья вполне могли и не приходить. Даже уважительная причина имелась, ханский ярлык. Отвергли ярлык. Пошли против Мамаевой воли. Пошли не ярославцы, новосильцы и москвичи – сказала свое слово Русь. Впервые за несколько веков! А Тверь противопоставила себя Руси. Поплатилась она жестоко. Первым городом на тверской земле было родовое гнездо Михаила, Микулин. Рать раздавила его походя, между делом. Тем не менее, Михаил не сбежал. Ему нельзя было бежать, ронять авторитет – вот-вот на выручку должны были выступить две сильнейших державы.

Но события раскручивались так стремительно, что Мамай просто не смог вмешаться! В середине июля тверской князь заходил от восторга, целуя полученный ярлык, а 5 августа все силы Руси обложили его столицу. Эти силы росли, на призыв Дмитрия поднялись новгородцы, за четыре дня дошагали до Твери, спешили расплатиться за Торжок. Следом маршировали псковичи. Дмитрий Иванович велел строить два моста через Волгу, город взяли в плотное кольцо. Михаил не удосужился или пожалел сечь посадки, избы разобрали, бревна и хворост навалили приметами к стенам и воротам, подпалили. В нескольких местах укреп-

ления запылали, и воины рванули на приступ. Но тверской князь настроил своих ратников и горожан: побежденным будет худо, надо продержаться до подмоги. Отбивались острее-нело, ответили вылазкой и отбросили атакующих.

Михаил облегченно вздохнул, ободрял тверичей – день выиграть, неделю, а там вмешаются покровители. Он знал, на что рассчитывал. Ольгерд слово сдержал, направил к нему немалую рать. Но она дошла только до границы. Умудренные литовские воеводы не при-выкли соваться наобум. Выслали разведку, а она доносила: у Твери стоит небывалая, огром-ная армия. Воеводы благоразумно притормозили, проверили и сделали вывод: нет, помощь союзнику обойдется чересчур дорого. Разве что воинов погубишь. Развернулись и раство-рились в своих бескрайних лесах.

Дмитрий Иванович тоже решил не губить больше ратников. Оставил часть сил держать Михаила в блокаде, а несколько корпусов распустил по тверской земле. Города, оказавшие сопротивление, брали на щит. Если не желаете подчиняться всей Руси, первыми напали на нее, как с вами еще обращаться? «Какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Матф. 7, 2) Михаил падал духом. До него доходили известия, как его княжество с каждым днем разоряется. Сообщили и о том, что надежды на Литву пошли прахом. А если Тверь подер-жат в осаде подольше, отразит ли она следующий штурм? Над чем княжить придется, над горами головешек?

Он упорствовал три недели и сломался. К великому князю выехал епископ, умолял начать переговоры. Дмитрий Иванович был верен себе – ежели князь искренне кается, можно и мириться. Но нарушенных клятв было уже достаточно, Михаилу продиктовали куда более жесткие условия, чем раньше. Он признавал себя «младшим братом» Дмитрия. То есть, должен был отныне слушаться старшего. Обещал «блести» великое княжение – наследственную «вотчину» московских государей. В прочих делах Тверь сохраняла самосто-ятельность, в случае каких-то споров с Москвой стороны условились обращаться к третей-скому судье, Олегу Рязанскому. Но в войнах с внешними врагами Михаил обязан был высту-пать заодно с Дмитрием Ивановичем. Даже против своих закадычных союзников, литовцев. И не только против литовцев. В договор внесли пункт, который еще вчера показался бы самоубийственным. Против ордынцев! «А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам с тобою с одного против них. Или мы поидеи на них, и тебе с нами с одного пойти на них».

Но после измены Вельяминова имело ли смысл хранить это в секрете? Великий князь впервые открытым текстом заявлял: Русь уже не та, что была прежде. Орде придется ува-жать ее и оставить в покое. Хотя представлять дело так, будто русский народ наконец-то воспрянул, увидел очевидное – силу своего единства, было бы слишком опрометчиво. Нет, всего лишь начал осознавать... Михаил и его бояре подписывали договор вынужденно, их побили и заставили примкнуть к союзу русских княжеств. Их подданные сумрачно склоняли головы – одолели треклятые москвичи. А в эти же дни, когда новгородский полк вместе с Дмитрием Ивановичем осаждал Тверь, другие новгородцы оценили обстановку по-своему. Все русские ратники ушли с государем, города остались без защитников!

2 тыс. человек на 70 ушкуях проскользнули северными реками и ударили на... Кострому. Растерявшиеся жители попытались было сразиться с ними. Но костяк город-ского полка был далеко, а прочую толпу ушкуйники с ревом разметали, вломились в ворота, неделю бесчинствовали. Насажали в лодки пленных и отчалили дальше. С налету погро-мили посад Нижнего Ногорода, а потом, как ни в чем не бывало, отправились в Булгар, про-дали соплеменников басурманам. Когда обратили русских баб и детей в звонкую монету, в лодках место освободилось, захотелось еще попутешествовать. Захватывая купеческие суда, спустились по Волге аж до Астрахани. Здешний мурза встретил новгородцев как дорогих гостей, выкатил бочки вина. Они и рады были, оттянулись в полную волюшку. А когда упи-лись, всех перерезали, смешалась буйная кровушка с пьяной блевотиной.

Нет, не сразу Москва строилась, но далеко не сразу формировалось и Русское государство. Скольких трудов это требовало, какие препоны в человеческом сознании надо было преодолеть! Дмитрий Иванович показывал наглядно, насколько оно необходимо, общее государство. Дмитрий-Фома и Борис Городецкий не подвели великого князя, ходили с ним на Тверь. Но их удел терзали камские болгары с мордвой. Получив повеление Мамаю, совсем допекли набегами. Что ж, как только разобрались с Михаилом, великий князь отправил тестю полк под командованием Дмитрия Боброка Волынского. А вместе-то получилось неплохо: москвичи, суздальцы, нижегородцы, городчане, присоединились муромляне.

Двинулись прямо на столицу, город Булгар. Шли уже не ушкуйники, торговать братьями и сестрами. Шли те, кто вправе спросить за братьев и сестер. Татары и болгары сперва не очень обеспокоились. Их города были богатыми, содержали наемников из Средней Азии, а в Персии купили новинку, «тюфяки», то бишь, пушки. К приближению русских успели подготовиться. Орудия раскатисто бабахнули со стен, открылись ворота, выпуская конное войско. А впереди гарцевала гвардия на верблюдах. Кто хочешь испугается невиданных зверей и грохота! Но русские не испугались. Засыпали стрелами, поднажали, и неуклюжие верблюды помчались назад, сминая следующие ряды. Атака кончилась позором и разгромом болгар. А тюфяки были оружием еще ненадежным, заряжали их долго, наводить не умели, они плевали камнями в одни и те же места – если хочешь, обойди.

На стены княжеская рать не полезла, взяла город в осаду. Пожгла сотни купеческих судов, зимовавших на реке, опустошала селения. Болгарские феодалы и торгаши взвыли, насели на правителей, Асана и Мамата, пускай мирятся любыми способами. Асан и Мамат почесали в головах и приняли русские условия. Заплатили выкуп, 5 тыс. руб. Из них тысяча пошла в казну Дмитрия Ивановича, тысяча – Дмитрию-Фоме, остальное воеводам и бойцам. Однако итоги войны не ограничились деньгами. Город Булгар принимал к себе великокняжеского даругу-чиновника и таможенников. Признавал зависимость от Москвы! Русь переходила в наступление...

11. Как началась эпоха Возрождения

В католической церкви дела обстояли не блестящим образом. Переселившись в Авиньон, папы очутились на мели. Им прекратили присылать деньги из Германии, Англии, Испании, Италии. А французские короли отнюдь не спешили брать на содержание перво-священников. Папы по уши влезли в долги к банкирам, выискивали какие-то источники прибылей. Их подсказывали те же банкиры, например, торговлю индульгенциями. Изначально практика индульгенций не подразумевала серьезного отступления от церковных правил. Человек каялся в том или ином грехе, а вместо епитимьи жертвовал некоторую сумму на нужды церкви.

Теперь папская курия и отирающиеся при ней ростовщики поставили подобную практику на широкую ногу. Покаяние отходило на второй план, и стало подразумеваться, что папа вправе отпустить любой грех, но для этого надо заплатить. Чтобы не было разнотолков, сколько и за что платить, при папе Иоанне XXII была разработана «Такса апостольской канцелярии». Ее пункты весьма красноречиво свидетельствуют, что творилось у католиков. Допустим: «священник, лишивший девственности девушку, уплачивает 2 ливра 8 су». Плотский грех «с монахинями, племянницами или крестными дочерьми» стоил гораздо дороже, 67 ливров 12 су. «Противоестественное распутство» для священнослужителей обходилось еще дороже, 219 ливров 15 су. Если монахиня многократно грешила, но претендовала на место аббатиссы, настоятельницы монастыря, ей требовалось внести 131 ливр 15 су. Можно было получить отпущение не только за прошлые грехи, но и за будущие. Муж или жена, развлекаящиеся на стороне и желающие продолжать подобные вещи, платили 87 ливров 3 су.

Если родственники слишком круто разбирались между собой, на это тоже существовали твердые расценки. «За нанесенные жене увечья муж вносит в канцелярию 3 ливра 4 су. Если муж убил жену, он уплачивает 17 ливров 15 су. Если убийство совершено с целью вступить в брак вторично – 32 ливра 9 су». «За убийство брата, сестры, отца или матери – 17 ливров 4 су». В общем, побольше, чем за растление девственниц, но подешевле, чем за крестных дочерей или за педерастию. Исключение делалось для духовных лиц. Отпущение за убийство священника стоило почти столько же, сколько для развратниц-аббатисс, 131 ливр 14 су. Не каждому по карману. Зато грабеж, кража, поджог отпускаясь считай что по дешевке, 15 ливров 4 су. Расписали скрупулезно, с точностью до копеечек. Чтобы и папе на прожиток хватило, и его чиновникам, и продавцам индульгенций перепали комиссионные.

Новшества Иоанна XXII имели далеко идущие последствия. Возможность за денежки считать себя праведником понравилась даже в тех странах, где косо смотрели на «французского» папу. Индульгенции пошли нарасхват. Ну а для церкви напрашивался логический вывод: чем больше будут грешить, тем выгоднее. На безобразия привыкали смотреть сквозь пальцы. Однако были и верующие люди, которые возмущались поощрением грехов. Все это вызывало разброд в умах, появились ереси. Кто-то видел, что в церкви творится неладное, пытался переосмысливать религиозные вопросы по-своему. А тайные сектанты подсказывали, как их переосмыслить.

В Англии о проблемах веры принялся толковать философ и теолог из Оксфордского университета Джон Уиклиф.

Доказывал, что власть папы вовсе не от Бога, да и вообще, церковная иерархия не нужна. Заодно с индульгенциями отрицал паломничества, безбрачие священнослужителей – пускай лучше женятся, чем заглядываются на крестных дочерей, племянниц или мальчиков. А божественные поучения люди должны воспринимать прямо из Священного Писания. Чтобы оно было доступно не только священнослужителям, знающим латынь, Уиклиф взялся переводить Библию на английский язык. В Германии и Польше возникла другая ересь.

Сектанты переняли «тайную мудрость» у каббалистов, отвергали таинства, священников, иконы. На Руси эту ересь называли стригольниками – ее приверженцы по-иудейски совершали обрезание, «стригли» себе крайнюю плоть [95].

Но всю европейскую жизнь, и церковную, и светскую, грозно перетряхнула эпидемия «черной смерти». Исследователи называют разное количество погибших – 25 млн., 40 млн., 60 млн. В любом случае, очень много. Вымирали города, деревни. Ужас вызывал массовые истерии. Где-то люди упивались и предавались общему разврату, старались напоследок натешились. В других местах появлялись проповедники, предрекая общую смерть, звали каяться. Процессии флагеллянтов бичевали сами себя, превращая спины в кровавые ошметки. По разным городам громили еврейские кварталы, прошел слух, что поветрие вызвали иудеи, хотевшие уничтожить христианский род.

Чума исчезла, страшно проредив население – и как бы разделила две эпохи. До «черной смерти» и после нее. До нее осталось то, что ученые назовут Средневековьем, а после началась «эпоха Возрождения». Тон задали итальянцы. Уцелевшие не верили своему счастью. В сознании укоренилось, что если уж выжили, надо сполна насладиться жизнью, взять от нее все мыслимые и немыслимые удовольствия. Общие настроения выразил Боккаччо. Он был большим другом евреев и еретиком, утверждал, что все религии равны. Но был и блестящим литератором, выплеснул очумевшую радость в «Декамероне». Книга приобрела бешеную популярность, заменяла людям Библию. Чума разорвала семьи, оставила после себя вдов, вдовцов, сирот, выбирай на любой вкус! Да и женатые мужчины, замужние дамы пускались во все тяжкие, супружеская верность стала восприниматься смешным пережитком прошлого.

Немало князей, купцов, банкиров одним махом умножили богатства – получили наследства перемерших родственников. Раньше деньги копили за семью замками, тряслись над ними. Теперь это казалось глупым. Покойники-то копили, и что толку? Богачи спешили воспользоваться своими состояниями, начали возводить дворцы, устраивать балы, маскарады. Для пущего украшения жизни привлекали художников, скульпторов, поэтов, хорошо платили. Заказчики определяли и сюжеты. Мадонн и святых стали писать со знаменитых куртизанок, по возможности выставлять обнаженное тело, множились композиции «кающихся магдалин», полуголых мучениц и мучеников. Но христианская тематика все же не позволяла показывать все что хочется, и на выручку пришло язычество. Иконы во дворцах вытеснялись картинами, статуями аполонов, венер, нимф [51].

Ну а термин «эпоха Возрождения» пустили в ход подхалимы. В Средние века часто говорили об упадке по сравнению с Древним Римом. Сейчас подразумевалось, что его величие возрождается. Итальянских князьков их приближенные сравнивали с цезарями и авгурами. Хотя на самом-то деле возрождались только худшие черты Римской империи: разврат, цинизм, бездуховность. От «возрождения» не осталась в стороне и церковь. Опять же, чума поспособствовала. Опустели кафедры священников, кардиналов, епископов, аббатов. Эти должности были весьма доходными, их правдами и неправдами старались заполучить знать. Католическая церковь и прежде имела очень заметный уклон в «мирскую» жизнь, а теперь ее густо разбавили светские люди, не имеющие понятия о церковных службах, но не желающие отставать от «мирских» вельмож. Епископы заводили целые гаремы наложниц, монастыри содержали кабаки и прочие увеселительные заведения. Петрарка писал: «Достаточно увидеть Рим, чтобы потерять веру».

Стиралась грань между знатными дамами и проститутками. Пресытившись обычным распутством, тянулись к извращениям. Связи с лицами своего пола стали обыденным явлением. Королеве Жанне Неапольской муж мешал развлекаться так, как ей хочется, и престелная женщина приказала задушить супруга между двумя матрасами. А миланский герцог Джан Галеацци Висконти тешился охотами. Выбирал в тюрьме мужчин или женщин,

выпускал нагишом на улицы и гнался на коне с собаками, пуская стрелы. Если «добыча» оставалась жива, герцог «жарил» ее, бросая в большую печь [12].

Англии и Франции «возрождение» пока не коснулось. Чума так жестоко потрепала их, что прервала Столетнюю войну. Стороны заключили перемирие. Но англичане вошли во вкус сражаться на чужой территории, привозить богатые трофеи. Закопав на лондонском кладбище 50 тыс. трупов и обнаружив, что эпидемия прекратилась, они стали подкатываться к Эдуарду III – надо бы еще повоевать, рано кончили. Король и сам приходил к аналогичному мнению. В 1355 г. снова высадил армию на материке.

А французский властитель Иоанн Добрый и сам любил подраться. Современники отмечали, что он «бился как герой и как грубая скотина». К тому же, «медленно соображал и был слишком упрям». Никаких выводов из прошлых поражений он не сделал. Под Пуатье повторилось та же история, что и под Креси. Французские рыцари беспорядочно кидались в атаку, английские лучники их расстреливали. Иоанн с сыном Филиппом попали в плен. К ним отнеслись с величайшим почетом, поселили в роскошных апартаментах, разрешили вызвать из Парижа всю прислугу, включая шутов. Катились непрерывные праздники, англичане весело отмечали победы, прогуливали награбленное, Иоанна непременно приглашали, и англичанки наперебой старались утешить его.

Дофину (наследнику) Карлу, оставшемуся править Францией, приходилось куда тяжелее. Позор под Пуатье возмутил народ. С французоз дралли огромные подати на войну, и куда пошли их деньги? Теперь начали трясти новые подати, на выкуп короля. Крестьян сгоняли ремонтировать крепости. А чтобы остановить англичан, правительство применило тактику «выжженной земли» – французские войска принялись уничтожать свои же деревни. Терпение лопнуло. Под предводительством Этьена Марсея взбунтовался Париж. Крепостные брались за косы и вилы, их возглавил Гильом Каль. Громили замки, истребляли хозяев и их слуг. Французские дворяне презрительно прозвали крестьян «жаками-простаками», и восстание получило наименование Жакерии.

С «жаками» аристократы все-таки справились, это было полегче, чем с интервентами. Этьена Марсея убили, Гильома Каля поймали и надели на голову раскаленную железную корону. Толпу полубезоружных сермяжников рыцарская конница встретила у города Мо и расплющила сталью доспехов, сдавшихся перевешали. Однако в стране было худо. С властями почти не считались, повсюду бесчинствовали шайки солдат, собирались в банды крестьяне, да и рыцари тоже.

Английский Эдуард III прикинул, что завоевывать всю Францию и наводить в ней порядок будет слишком хлопотно, лучше не спешить. Правительство дофина Карла сумело сторговаться с ним. Эдуард отказывался от титула короля Франции, отпускал Иоанна, но за это ему уступали третью часть территории и платили немислимый выкуп, 3 млн. золотых экю. Чтобы собрать такую сумму, королю, по выражению историков, пришлось даже «продать свою плоть и кровь» – за 600 тыс. он отдал одиннадцатилетнюю дочь Изабеллу в жены миланскому герцогу Висконти. Тому самому, который охотился за людьми. Педофилия входила в круг его увлечений, принцессу он купил.

Когда в Лондон привезли вырученные за нее деньги, Иоанна освободили собирать остальное, но на родине он приуныл – ни о каких миллионах не могло быть и речи. Франция была совершенно разорена, казна пуста. Пока не будет выплачен весь выкуп, в заложниках у англичан оставался его сын Филипп. Он был не глупым юношей. Решил помочь отцу и родине, сбежал из плена. Но... король затосковал среди общего развала. Вспоминал празднества в Виндзорском дворце, объятия англичанок, особенно ему запомнилась графиня Солсбери. Иоанн воспылал к ней страстной любовью. Бегство Филиппа стало подходящим предлогом. Король высокопарно заявил, что не может поступиться своей честью и нарушить слово. Взял, да и добровольно вернулся в плен. Как он держал честь, сохранились воспо-

минания современников. «Проведя зиму в сплошных увеселениях и развлечениях», весной 1364 г. Иоанн Добрый скончался.

Франция настолько ослабела, что с ней вздумала воевать крошечная Наварра. Ее король Карл Злой даже захотел захватить в плен наследника Карла, когда тот поедет из Парижа в Реймс, где традиционно короновались французские короли. Но наваррцев французы все-таки разбили. А вот папа Урбан V прикинул, что жить в такой стране слишком неуютно. Взятся снова наводить мосты с итальянским духовенством и оставил Авиньон, торжественно возвратился в Рим.

На противоположном конце Европы, в Византии, тоже было неладно. Император Иоанн Кантакузин кое-как держался на престоле с помощью турецких сабель. Но население возненавидело его за альянс с османами. Вдобавок императору было буквально не на что жить. Греческие провинции были опустошены в непрерывных усобицах, торговлю задушили иноземцы. Константинополь собирал пошлины 30 тыс. золотых в год, но под боком стояла независимая генуэзская Галата и гребла на выгодном месте ежегодно по 200 тыс.

Царь вздумал приструнить итальянцев, заставить их хоть немножко уважать хозяев и делиться доходами. Начал небывалую войну против собственного пригорода. Взять Галату он не сумел, а генуэзцы постарались избавиться от такого императора. Поддержали его соперника Иоанна Палеолога, помогли организовать заговор в столице. Однажды ночью Палеолог прибыл в Константинополь на генуэзских кораблях, город восстал. У Кантакузина еще были войска, но он выдохся в бесконечной борьбе, отрекся от престола и ушел в монастырь.

Победитель щедро расплатился с сообщниками, подарил Генуе огромный остров Лемнос. Хотя и с турками ссориться ему было никак нельзя. Иоанн V взялся подстраиваться к ним так же, как Кантакузин, отдал малолетнюю дочку в гарем султанского сына Халила. Но промахнулся, не угадал! Престарелый султан Орхан в 1359 г. умер, и на его место сел не Халил, а Мурад I. Орхан еще считался с былой славой империи, уважал ее. Мурад подобных чувств к Византии не питал. По его повелению турки переправились из Малой Азии через Дарданеллы, начали занимать Фракию – после гражданских войн села здесь лежали разрушенными, османы селились полными хозяевами.

Император схватился за голову, но что он мог сделать? В его распоряжении имелись лишь горстки наемников и ни на что не годное ополчение. Воевать греки разучились, вооружали их чем попало, и они разбегались при одной атаке или просто услышав о приближении неприятеля. Некоторые города сдавались без боя, и от этого только выигрывали. Их брали под защиту, они получали возможность спокойно жить, торговать, трудиться. Мурад перенес свою столицу из Бруссы в Адрианополь (Эдирне), уселся совсем рядом с Константинополем.

Иоанн V, зажатый на оставшихся клочках империи, метался в панике – кто его спасет? Обращался к венгерскому, польскому королям, сербам, болгарам, немцам, итальянцам. Однако папа Урбан V тоже был себе на уме. Категорически запретил королям вступать в союз с Византией, пока она не подчинит Православную церковь «святому престолу». Греческое духовенство противилось, но император отбросил любые возражения. В 1369 г. он лично отправился в Рим. Его и к папе-то сперва не допустили. Иоанн через секретарей представил грамоту о согласии принять унию, лишь после этого Урбан принял его, позволил поцеловать туфлю и принести присягу на верность.

Заручившись папским благословением, царь поехал просить о помощи во Францию. Но французы еле-еле выползали из разрухи, Карл V отделался от гостя неопределенными обещаниями. А на обратном пути венецианцы арестовали императора за долги! Больше унижение для Византии трудно было представить. Ко всему прочему, царевич Андроник, оставленный в Константинополе вместо отца, порадовался подобному обороту дела и не стал тратиться на его освобождение. Выручил второй сын, Мануил, прислал часть денег. А

за прочий долг Иоанн договорился отдать Венеции остров Тенедос. Неблагодарного Андроника лишил наследства, посадил в башню, назначил своим соправителем Мануила...

Но поездка императора по Европе обернулась и другими неприятными последствиями. Мураду его переговоры с западными державами и папой совсем не понравились. Он так цыкнул на царя, что тот признал себя вассалом султана, переговоры об унии пришлось свернуть. А кредиторы не зря выпросили Тенедос, остров контролировал вход в Дарданеллы. Венеция задумала перекрыть дорогу в Черное море своим конкурентам, генуэзцам. Те возмутились, между двумя республиками разыгралась жесточайшая война. Топили корабли, пытались захватить друг у друга колонии. Но генуэзцы обозлились и на Иоанна V, преподнесшего им эдакий сюрприз. Устроили побег из тюрьмы его сыну Андронику, приютили у себя в Галате, начали организовывать новые заговоры в Константинополе.

В Азии порядка было не больше, чем в Европе. Монгольское ханство в Иране, созданное Хулагу и его детьми, приказало долго жить. Эмиры интриговали, своевольничали. Один из них, Чобан, захватил власть при малолетнем хане Абу-Саиде. Но когда хан повзрослел, он убил эмира и его сыновей. А хана, в свою очередь, отравила любимая жена, дочка Чобана. Власть надломилась, и среди персов вспыхнуло восстание сарбадаров – так их прозвали по отчаянному лозунгу «сар ба дар», «пусть голова на воротах висит».

Естественно, мятежники предпочитали развешивать на воротах не свои, а чужие головы, резали и изгоняли монголов. Заодно резали всех, кто был им не угоден. Последний хан Ирана Туга Тимур пригласил вождей сарбадаров на переговоры, а вожди обеспокоились, вдруг их хотят перебить? Чтобы избежать этого, явились со спрятанным оружием и сделали наоборот – на пиру дождались, когда хан и его вельможи напьются, и перебили их. Персия распалась. На юге появились независимые шахи и ханы. А по всему северу страны колобродили сарбадары. Но жизнь в «освобожденной» стране стала не слишком приятной. Мелкие властители воевали между собой, а мятежники – против всех.

Предводители сарбадаров были радикальными сектантами. Провозглашали, что надо перестроить мир, утвердить счастье для всех. На всех, конечно, не хватало, но ведь начинали с себя. Это было вполне справедливо – вознаградить главных героев, чтобы они могли обжираться, напиваться, обкуриваться, пользоваться лучшими девушками и мальчиками. Чем не «рай на земле»? А те, кто осмеливался возражать, выступали против справедливости и общего счастья. Как раз их головы и вешали на воротах. Впрочем, старались выбрать более мучительную смерть. Запарывали насмерть, сдирали кожу, сажали на кол. С такой же жестокостью революционные вожаки обращались друг с другом. Кто одолел, тот и прав, а кто проиграл – изменник «общему делу».

В Средней Азии раскинулось еще одно монгольское государство, «улус Джагатая». Но и здесь разразилась «замятия». За 70 лет сменилось 20 ханов. Сказалась и религиозная мешанина, среди здешних жителей наряду с мусульманами по-прежнему были язычники, христиане, зороастрийцы, еретики всех мастей. Разные группировки поддерживали своих претендентов. Драки шли настолько бурные, что страна докатилась до кошмарного состояния. Омари писал: «В Туркестане можно встретить только более или менее сохранившиеся развалины, издали кажется, что впереди благоустроенное селение, окруженное пышной растительностью, но находишь пустые дома...»

Южные торговые города захватили мятежные эмиры, из Ирана сюда перекинулось восстание сарбадаров. Монголы и примкнувшие к ним племена удержались в степях Восточного Казахстана и Киргизии, здесь возникло кочевое царство Могулистан. Но в 1366 г. умер хан Тоглук-Тэмур, а его сына убил эмир Камар-ад-Дин, узурпировал власть. Династия царей Джагатайского улуса прервалась. Однако в усобицах выдвинулся один из военачальников, Тимур. Его прозвали Тамерланом (Тимур-ленг – Железный хромец). Он был эмиром города

Кеша, храбрым и умелым полководцем, одного за другим побеждал противников. Под знамена удачливого командира стекались разношерстные воины.

Купцы и горожане Самарканда и Бухары поначалу приняли сарбадаров, увидели в них защиту от татарских неурядиц, но разгул революционеров оказался еще хуже. Осознавали, что нужна твердая власть. В Тимуре увидели человека, способного обеспечить ее. Города отворачивались от мятежников, передавались ему. В 1370 г. он стал хозяином Средней Азии. Тимур, как и Мамай, не принадлежал к роду Чингисхана, не мог быть ханом. Он сохранил скромный титул эмира, но взялся налаживать порушенную страну. В противовес прочим князькам, опиравшимся на отряды случайного сброда, начал формировать профессиональную армию. В нее брали гулямов (удальцов) независимо от национальности, хорошо платили, но и экзамены были строгими. Желающий поступить на службу должен был показать свое умение фехтовать, стрелять из лука, на полном скаку подцепить кончиком копья колючку, поднятое в руке проверяющего.

С обновленными войсками Тимур нанес несколько поражений Могулистану, хотя окончательно сладить с узурпатором Камар-ад-Дином так и не удалось. Зато был захвачен отпавший от Золотой Орды Хорезм, развернулось наступление на Иран, у сарбадаров отбирали крепость за крепостью. Оживали города Средней Азии, в них строились великолепные мечети, минареты. Расчищались и ремонтировались каналы, воскресали поля земледельцев. И торговые пути караванов из Китая, Индии, стали сдвигаться на юг. Везти товары прежними дорогами, через Сарай, было опасно, того гляди перебьют и ограбят не пойми какие банды. Иное дело, через владения Тамерлана. Там было спокойно, удобно. В любом городе путешественники могли найти надежное пристанище, отдых, еду.

На владения северных соседей, Белой и Синей орд, Тимур не претендовал, пустынные степи были ему не нужны. Но кочевники непрестанно нападали на Среднюю Азию. Хотя и в степях кипели внутренние разборки. Синяя орда подорвала силы в схватках за Сарай, и ее подмял хан Белой орды Урус. Он схлестнулся с правителем полуострова Мангышлак, разгромил и казнил его. Но сын убитого Тохтамыш бежал к Тамерлану, попросил о помощи. Для властителя Средней Азии вариант показался подходящим. Если в степях будет править его ставленник, он прекратит набеги, станет присылать конницу в армию Тимура. Заключили договор. Тохтамышу признал Тамерлана «отцом», обязался подчиняться ему. За это он получил деньги, ему помогли собрать воинство. Он ринулся воевать, но был разбит. Царевич во второй раз появился у Тимура. Ему снова подсобили, он возвратился на север, и Урус-хан во второй раз всыпал ему.

Спасаясь от погони, Тохтамыш переплыл Сырдарью, вдогон летели стрелы, ранили в плечо. Еле выбрался из воды и без сознания рухнул в речных зарослях. Воины Тамерлана наткнулись на него, перевязали, привезли к повелителю. Но Тимура устраивали даже неудачи. Пускай степняки месятся сами с собой, только бы не тревожили его границ. Владыка Средней Азии сделал комплимент: «Ты, видимо, мужественный человек, иди, возвращай себе ханство, и будешь моим другом и союзником». Тохтамышу в третий раз выделили воинов. Возможно, его и поколотили бы в третий раз. Но Урус-хан скончался, престол занял его брат Тимур-Малик, патологический лентяй, умевший только много жрать и долго спать. Военачальникам и воинам такой хан пришелся не по вкусу, биться за него не стали. В 1376 г. Тохтамыш прикончил Тимур-Малика, стал ханом Белой и Синей орд.

12. Пьяна и Вожа

В войне между Венецией и Генуей поучаствовал и Мамай. Прежнему союзу он не изменил, осадил и взял штурмом венецианскую Тану (Азов) и запустил туда генуэзских приятелей. А из Синей орды после победы Тохтамыша ушел проигравший царевич Арапша с отрядами сторонников, явился к Мамаю. В общем, для повелителя Причерноморья дела выглядели наилучшим образом. Его сундуки пополнились генуэзским золотишком, войска – свежими воинами. Имея золотишко и воинов, можно было себе позволить некоторые перестановки в Орде. Хан Мухаммед-Булак надоел Мамаю, проявлял непослушание. В 1377 г. временщик прикончил его, заменил новой марионеткой, Тулунбеком.

Надо было разобраться и с русскими. Совсем отбились от рук, не посчитались с ярлыком Михаилу Тверскому, осмелились напасть на камских болгар. Мамай поручил операцию Арапше. Пусть поживится добычей – из Синей орды его воинам пришлось удирать налегке, бросили на родине отары, кибитки, жен. В первую очередь требовалось покарать нижегородцев: и за перебитое посольство, и за осаду Булгара. Русские князья уже давно позаботились обзавестись в Орде надежными соглядатаями. Имелись глаза и уши среди христиан-невольников, среди самих татар. Вовремя полетело предупреждение, сведения передали самые исчерпывающие: куда нацелились ордынцы, какими силами, кто возглавляет поход.

Великий князь Дмитрий Иванович поднял рать даже раньше, чем неприятели, сам привел в Нижний Новгород. Соединились с тестем, выслали дозоры. Но никаких признаков приближения Арапши они не обнаружили, все было тихо. Полки стояли, князья совещались. Может, у Мамаю переменялись планы, повернул войска в другом направлении? Или Арапша прослышал, что его ждут, приказал отступить? Ну а коли так, имело ли смысл терять время? У государя хватало других дел. Решили все-таки отправить часть рати навстречу татарам, пускай проверит на всякий случай. Командовать назначили сына нижегородского Дмитрия-Фомы, Ивана. Великий князь оставил ему отряды владимирцев, юрьевцев, ярославцев и переславцев, а сам распрощался с тестем, вернулся в Москву.

Рать двинулась за Оку. О татарах не было ни слуху ни духу, местная мордва пожимала плечами, никого не видели. Значит, и не было никаких татар. Приказали идти – ну что ж, выполним, но зачем утруждать себя? Стоял летний зной, ратники снимали тяжелые доспехи, сгрузили на телеги. Наконечники копий и рогатин даже не стали насаживать на древки, пускай лежат в сумках. Снимали и кафтаны с рубахами, подставляя ветерку разопревшие тела. Дошагали до реки Пьяны, переправились, 2 августа 1377 г. расположились на уютных полянах. В соседних селениях нашлось вдосталь хмельного меда, от котлов вкусно тянуло варевом, зазвучали песни. Всегда бы так воевать!

А между тем, из чащи наблюдали сотни глаз... Арапша был хитрым воякой. Он сговорился с мордовскими князьками, не хочется ли им хорошенько пограбить? Ордынцев провели через леса звериными тропами. Когда русские покушали, легли подремать после обеда и медовухи, заросли и кусты неожиданно ожили. Разомлевших людей хлестануло ливнем стрел, со всех сторон с воплями выплеснулась конница. Рубила безоружных, ошалевших. Ратники устремились к реке, прыгали в воду, тонули. Со многими подчиненными захлебнулся и начальник, князь Иван Дмитриевич.

Татары с мордвой набрали пленных, и войско понеслось к Нижнему Новгороду. А там и воинов не осталось, городской полк бесславно полег на берегах Пьяны. Дмитрий-Фома объявил подданным, чтобы спасались как могут, ускакал в Суздаль. Народ набивался в лодки, отчаливал по Волге в Городец. Ордынцы ворвались в Нижний и грабили два дня. Что не сумели утащить, подожгли, и Арапша с бесчисленным полоном, обозами, повернул в степи. А Мамай в это же время выслал второе войско, на Рязанщину. Князю Олегу надоело убе-

гать и прятаться, он попытался отстоять свою столицу. Куда уж отстоять! Сам князь получил несколько ран, еле вырвался из осажденного города. Татары в который раз опустошили Рязань, не оставили ни одной целой избы, ни одного человека.

Русь была ошеломлена. Только-только вздохнула свободно, возомнила, что кончилось оно, «Вавилонское пленение». И на тебе – кровь, пожары, смерть... Первым пришел в себя Борис Городецкий. Вокруг Нижнего Новгорода разбрелись отряды мордвы, увлекшиеся грабежами. Князь собрал дружину сбежавшихся к нему людей, бросился в погоню. Отягощенные добычей, банды возвращались по домам. Князь настиг их в памятном месте, на Пьяне, еще смердевшей русскими трупами. Прижал к реке, истреблял без жалости, топил.

Московский государь сперва выслал полки на Оку – прикрыл границу от татар, разорвавших Рязанщину. Когда степняки удалились, связался с Дмитрием-Фомой и Борисом Городецким. Договорились, что мордву надо проучить покрепче. Так проучить, чтобы навсегда отбить охоту якшаться с Ордой, делить с ней кровавую добычу. Поход назначили зимой, его снова возглавил Борис. К нему пришли суздальцы, московский полк под началом боярина Федора Свибла. Вступили на мордовские земли, карали сурово, от попавшихся под руку селений оставались угли и пепел. Запоминайте – татары пришли и ушли, а русские рядом, выгодно ли ссориться с ними? Освободили немало своих пленных, повели в неволю колонны мордовцев. Особо разыскивали и изловили тех князьков и старейшин, которые обеспечили победу Арапше, водили соплеменников в набег. Притащили в Нижний Новгород, где еще чернели сгоревшие остовы домов, выволокли голыми на лед и затравили собаками. Жестоко? Да, это было жестоко. Но действительно. Именно после собачьей расправы прекратились мордовские нападения [50].

Хотя по большому счету, хвастаться было нечем. Кого одолели? Племена лесовиков. А Мамаевы воины сытно отрыгивали, обглаживая мослы рязанских и нижегородских коров, пересчитывали серебро от продажи баб и детей. Были довольны, не зря провели лето. Мамай не разочаровывал татар – пойдут на Русь еще. К этому подталкивали и купцы. Торговые пути сместились, китайский шелк и индийские пряности потекли через державу Тамерлана, по южному берегу Каспийского моря. Возместить убытки можно было за счет русских, урвать те самые концессии и монополии, что наобещал Вельяминов. Он по-прежнему обретался в Орде, щеголял званием владимирского тысяцкого. Был уверен: если скис Михаил Тверской, найдется какой-нибудь другой князь. А Вельяминов станет его правой рукой. Точнее, он будет представителем Мамаю на Руси, а князю придется петь с его голоса.

Татарский властитель наметил на 1378 г. как бы прежнюю схему, два удара. На Нижний и Рязань. Но на самом деле, поход на Нижний Новгород должен был отвлечь туда Дмитрия Ивановича. А вторая армия, мурзы Бегича, в Рязани не остановится, нагрянет в московские владения. Любопытные предложения добавил Вельяминов, подсказывал – корень зла в «Митьке». Кроме мечей и стрел, были иные способы устранить его, и Русь развалится. Мамай не возражал: если сумеешь, послужи, мы тебя не забудем...

На нижегородцев опять двинулся Арапша. На этот раз он не скрытничал. Шел как можно более шумно, по дороге истреблял русских купцов на Волге. Но и московская агентура не дремала. Дмитрий Иванович получил точные сведения и правильно оценивал: татары хитрят, основная опасность грозит не отсюда. Он известил Дмитрия-Фому, что помочь не сможет, войска понадобятся на другом направлении. А сами местные князья остановить врага не надеялись. Дмитрий-Фома засел в Суздале, послал гонцов к Арапше. Сулил большой выкуп, если тот пощадит только что отстроенный Нижний. Но царевич имел однозначные инструкции от Мамаю, условия отверг. Люди опять грузились на лодки, плоты, уплывали в Городец. 24 июля в Нижний вошли татары. Пограбили что нашли, убили и захватили, кто не успел удрать.

Однако после этого Арапша повел войско не в обратный путь, а повернул на соединение с Бегичем. Ордынцы с двух сторон вторглись на Рязанщину. Князь Олег не повторял прошлогодний опыт. Едва узнав о нашествии, оповестил население, чтобы разбежалось, и сам исчез. Но Дмитрий Иванович убежать не намеревался. Он обсудил с воеводами, как лучше действовать. Можно было развернуть полки на Оке, как раньше. Но ведь и татары рассчитывали: москвичи будут стоять на Оке. С Бегичем шел не загон грабителей, а целая армия. Мурза наверняка вызнал, где оборона послабее, навалится и проломит. А если идти навстречу врагу, на Рязанщину? Свои села будут целы, и ордынцы этого явно не ждут.

Великий князь собрал только конницу, без пехоты. Войско получилось небольшим, зато мобильным. Переправились через Оку у Коломны. Олег Рязанский вестей о себе не подавал, и о том, чтобы выступить вместе с Дмитрием, не задумывался. Но явился Дмитрий Пронский с дружиной, принес новые сведения. Бегич встретился с Арапшой, у них десятки тысяч всадников. Были и настораживающие наблюдения. Татары всегда ходили в набеги налегке, а сейчас за ними пылил огромный обоз. Не для набега собрались, задумали воевать основательно, осаждают города, вывозить несметную добычу.

В столкновениях с литовцами Дмитрий и его воеводы научились определять путь продвижения врагов. Не ошиблись и сейчас, татары наткнулись на русских на притоке Оки, Воже. Для Бегича встреча оказалась неприятной неожиданностью. Он был озадачен, остановился. Противников разделяла речка. Перекрикивались, перестреливались. В общем, встали примерно так же, как у оврага под Калугой. Но теперь нельзя было расходиться миром. Разойдешься, и те же ордынцы нагрянут завтра. Их требовалось как следует поколотить, только таким способом можно было уберечь страну от будущих нападений.

11 августа солнце уже склонялось к закату, когда дозорные донесли Бегичу – русские уходят, сняли лагерь! Не выдержали, испугались! Понятно, почему тянули до вечера, надеются скрыться под покровом темноты. Мурза загорелся – нет, он не позволит Дмитрию оторваться! В подобных случаях было важно сразу вцепиться в хвост отступающим, обрушиться всеми силами, и они побегут. По татарским станам понеслись команды, воины вскакивали в седла. Поток конницы взбурлил Вожу, растекался по опустевшему русскому берегу.

Но Дмитрий Иванович поймал врага на элементарную уловку. Он еще накануне разделил войско на три полка. Главный возглавил сам, полк левой руки поручил Данилу Пронскому, а правой руки – Тимофею Вельяминову. Он приходился дядей и государю, и предавшему боярину. Тем не менее, великий князь не лишил его доверия. И москвичи, и враги должны были знать: не все Вельяминовы одним миром мазаны, отщепенец и есть отщепенец. Русское войско удалилось от реки всего на пару верст, а потом вдруг развернулось и устремилось в атаку. Ордынцы за Вожей еще не успели разобраться по сотням и тысячам, принять боевой порядок, а бронированные дружины Дмитрия с разгона долбанули их страшным лобовым ударом. Два полка налетели с флангов, вломились в смешавшуюся массу, начали отрезать ее от воды.

Бегич и его помощники кричали, пытались руководить боем, но было поздно. Армия сбилась в кучу. Одни рвались вперед, другие поворачивали назад и сталкивались со своими. Падали, мешая товарищам и создавая полную неразбериху. А русские копья и мечи косили их, сталкивали к реке. Наконец, татары скопом повалили в воду. От тысяч людских и конских тел Вожа клокотала, вышла из берегов. Ордынцев крушили, они тонули... Уже темнело, напал туман, и Дмитрий Иванович приказал реку не переходить. Опасался ночью растерять свои отряды, а враги на другом берегу опомнятся, перестроятся. Ратники переводили дыхание после трудной мужской работы. Ждали – настанет утро, и сеча возобновится.

Но... утро не наступало. Витязи напряженно стояли в строю, нервничали, а окрестные луга застилало непроглядное марево тумана. Лишь к полудню оно стало редеть. И воздух разорвали торжествующие крики. Татар не было! Русские еще не знали, что в бою пал сам

Бегич, а его подчиненные так и не остановились. Как побежали вечером, так и удирали всю ночь без оглядки. Весь берег был забит брошенными шатрами, телегами, юртами. Победа! Это была блестящая, громкая победа!

В татарских обозах нашли немало ценных вещей, нижегородское и рязанское награбленное имущество. Освободителей дождались тысячи пленных, не верящих такому счастью, дождались рабы, спрятавшиеся среди возов от ускокавших хозяев. Среди них попался и человек в облачении священника. Вроде бы, говорил по-нашему, но что-то в нем было чужое, не русское. Он показался подозрительным, его обыскали и нашли в мешке сушеные корни, травы, отнюдь не безвредного свойства. Незнакомца взяли в оборот. Он раскололся – послан Иваном Вельяминовым, должен был проникнуть к великому князю, известить его отравой и порчей.

Шпион многое рассказал: чем занимается в Орде изменник, какие проекты строит. В частности, Вельяминов считал возможным сделать ставку на Владимира Андреевича Серпуховского. Рассуждал: неужели ему не обидно, что у Дмитрия есть наследники, малолетние сыновья, а он, двоюродный брат, всего лишь удельный князь? Надо пообещать ему престол, а за это он поспособствует убийству государя, подчинит Русь Мамаю, исполнит условия Вельяминова и ордынских купцов...

Когда Владимир узнал о подобных предположениях, его перекопало от гнева и отвращения. Но потом поостыл, задумался. А что, если?... Посоветовался с Дмитрием Ивановичем, и братья разыграли то, что сейчас назвали бы спецоперацией. В Орду к Вельяминову отправился гонец от Владимира Андреевича. Князь сообщал, что «поп» со смертоносными снадобрями добрался до него, и предложения в целом подходящие. Пускай «владимирский тысяцкий» приедет к нему в Серпухов, лично подтвердит, поддержит ли его Мамай, поможет организовать переворот, найти среди бояр сообщников.

Предателя выманили. Он мерил других по собственной мерке, и попался. Явился готовить заговор, и тут-то его повязали. Государь Дмитрий Иванович многое прощал. Прощал оплошавших слуг, воевод. Прощал князей, выступавших против него. С кем не бывает, бес попутал. Ты простишь – и тебе Господь простит. Но прощать иудин грех было нельзя. Если люди повадятся за тридцать сребреников торговать Отечеством, что от него останется? При стечении всего московского люда бывшему первому боярину снесли голову. Снесли на Кучковом поле. Уж наверное, место выбрали не случайно. Вспомнили про изменника боярина Кучку, казненного Юрием Долгоруким. Вспомнили нехристей Кучковичей, погубивших св. Андрея Боголюбского. Иуду отослали в достойную компанию.

13. Как расцветала русская церковь

На Руси уважали и почитали Византию – уважали за славное прошлое, за великую миссию возглавлять мировое Православие. Туда ездили паломники, привозили рассказы о святых монастырях Афона. Привозили великолепные иконы, книги. Оттуда пришло учение исихастов Григория Паламы, его высоко оценили русские подвижники. Они и раньше знали практику «умной молитвы», а Палама упорядочил и обосновал идеи «молитвенного делания». Монахи внимательно изучали его труды, чтобы вступить на нелегкую духовную дорогу к нерукотворному Фаворскому Свету.

Но ведь и слепыми русские не были. Можно ли было всерьез почитать императоров, таскающихся с протянутой рукой по чужеземным дворам? Об этом тоже рассказывали купцы, священники и паломники, бывавшие в Константинополе. Возникло двойственное отношение. С одной стороны, некий идеал «Второго Рима», легендарный и величественный. Но ему совершенно не соответствовала земная реальность. Идеал тускнел, сохранялся только по привычке.

Патриархия была недостижимой церковной инстанцией. На Руси никогда не видели такой высокой фигуры как патриарх. Даже на коротенькое время с визитами не навевались. Эта высота казалась утвержденной от Самого Господа, от апостолов. Но знали и о том, как жалкие императоры меняли патриархов, знали о нравах патриархии, сами туда взятки возили. От далекого греческого начальства не видели ни окормления, ни поддержки, зато хлопот оно доставляло немало.

Взять хотя бы назначение литовского митрополита Романа. К нему из Константинополя направили уполномоченного, болгарина Киприана. Он был хорошим богословом и проповедником. Считалось, что Киприан поможет Роману обращать литовцев в христианство. Как уж обращал, трудно сказать. Что-то не слишком они тянулись к Православию. Да и кто потянется, если государь язычник, а возле него отираются католики? Но Киприан выполнял и другие обязанности, он был из ближайшего окружения патриарха, информировал его об обстановке в Литве. Умер Роман, Московская митрополия предприняла немалые усилия и отправила грекам немалые суммы, чтобы ему не назначали преемника.

Но в 1374 г. Киприан приехал на Русь в качестве патриаршего посла. Он пожаловал почему-то не в Москву, а в Тверь, остановился у Михаила. Однако св. Алексий гордыней не страдал, сам направился к нему в Тверь. Поговорили, обсудили, что делается в митрополии. Святитель повез гостя в Троице-Сергиев монастырь, познакомил со св. Сергием Радонежским. Завернули в Переславль, там встретились с великим князем. Киприан был настроен вроде бы доброжелательно. Хвалил начинания митрополита и государя, строительство храмов и монастырей, соглашался, что Русская церковь должна быть единой. Разумеется, получил неплохие подарки и убыл обратно в Литву.

Но вскоре обнаружилось, что посол был себе на уме. Болгарин из Греции, загостившийся у литовцев – что ему было до Руси, до замыслов Дмитрия и св. Алексия? Он жил иначе: родина там, где можно устроиться получше. А проекты Ольгерда открывали для этого самую широкую дорогу. Он предложил литовскому государю свои услуги, и тот оценил полезную фигуру. Сошлись душа в душу. Киприан отлично представлял ходы и выходы в патриархии, обладал прекрасным слогом, умел взвесить, какие аргументы будут самыми действенными. Он составил обращение к патриарху от имени Ольгерда «с просьбой поставить в митрополиты» не кого иного, как самого Киприана. Добавил и угрозу от имени Ольгерда «если он не будет поставлен, то они возьмут другого от латинской церкви». А на св. Алексия написал жалобу, «наполненную множеством обвинительных пунктов».

В последующих официальных документах патриаршей канцелярии письмо квалифицировали как «ябеду». Отметим и то, что Киприан «сам был не только составителем, но и подателем ябеды и ходатайства о собственной персоне» [50]. Но он сохранил в Константинополе влиятельные знакомства, а Ольгерд постарался подкрепить прошение убедительными суммами. В 1376 г. Киприан появился в Киеве в качестве митрополита. В Москве возмутились, Дмитрий Иванович не признал его, отписал: «Есть у нас митрополит Алексей, а ты почто ставишься на живого митрополита?»

Патриарх постарался сгладить ситуацию. Прислал делегацию, разъяснял, что речь вовсе не идет о разделении Русской Церкви. Просто Алексей уже стар, много лет не ездил в западные епархии (где его три года держали в тюрьме), и Киприана назначили временно. После смерти Алексея он станет «одним митрополитом всея Руси». Но двоедушие новоявленного святителя не вызвало у московских властей ни малейших симпатий. История с ябедой не осталась тайной для них, как и теплые отношения болгарина с Ольгердом. Ну и куда поведет Церковь литовский подручный? А Киприан явно показывал, куда. Он обратился к новгородцам, сманивал перейти из подчинения Московской митрополии в свою, Литовскую. Правда, поспешил. Новгород в это время не стремился нарушать дружбу с великим князем, поползновения отверг.

Дмитрия Ивановича, русских бояр и духовенство оскорбляла и сама попытка греков поставить митрополита, не спросив у них. С каким трудом добивались, чтобы во главе Церкви был соотечественник, а Византия снова навязывала чужеземца. Но св. Алексей и в самом деле состарился, со дня на день собирался в последний путь. У него имелся собственный кандидат в митрополиты – самый лучший, безупречный. Св. Сергей Радонежский. Когда св. Алексей почувствовал себя плохо, он пригласил троицкого игумена, поделился с ним сокровенной задумкой. Однако св. Сергей наотрез отказался. Дело было не только в его скромности. У него был свой путь к Господу. Руководить сложными церковными структурами, участвовать в управлении государством – это было совсем другое. Оно противоречило, отвлекало с той избранной дороги, которую он успел пройти. Св. Алексей огорчился, но понял его, не настаивал.

А у Дмитрия Ивановича после его отказа возникла другая идея. Его духовником был коломенский священник Митяй. Великому князю доводилось советоваться с ним не только по личным, но и по политическим вопросам. Митяй, в отличие от св. Сергия, набрал изрядный опыт как раз в государственных делах, и Дмитрий назначил его печатником (канцлером). Как было бы хорошо – государь и митрополит действуют заедино! Св. Алексей имел некоторые сомнения в кандидатуре Митяя. Опасался, как бы не получился перекосяк в обратную сторону, и митрополит вместо пастыря не превратился в царедворца в рясе. Но такого преемника, чтобы был идеальным во всех отношениях, не существовало, и св. Алексей благословил Митяя. Его постригли в монахи с именем Михаила, возвели в сан архимандрита.

В начале 1378 г. митрополит отошел в мир иной, лег под сводами Успенского собора рядом со св. Петром и Феогностом. На его кончину немедленно отозвался Киприан. С его точки зрения, все складывалось отлично, сейчас и Владимирская Русь попадала под его владычество. А разве лишними были митрополичья казна, деревни, земли? Он засобирались в Москву. Но Дмитрию Ивановичу проныра не требовался, у него уже был нареченный митрополит, благословленный покойным святителем. Великий князь выстававил заставы на дорогах с приказом не пускать чужака. Однако Киприану очень уж хотелось заполучить наследство Алексея, он даже сделал вид, будто не понял столь откровенного «намёка». Проехал в обход застав «иным путем». Небось, великий князь побоится скандала, примет.

Дмитрий не побоялся. Если гость залез через границу непрошеным, какой мог быть разговор? С треском выдворил Киприана обратно. Тот вспылел, дошел до того, что объявил государя и все великое княжение Владимирское отлученными от церкви. Но на Москве не

особо впечатлились и отлучение пропустили мимо ушей. Чья бы корова мычала! С Киприаном еще предстояло судиться, насколько честно он поставлен. Другой вопрос, что надо было законно утвердить Митяя. Св. Алексей даже не успел рукоположить его в епископы. В общем-то не сомневались, все вопросы уладятся. Правительство располагало доказательствами махинаций Киприана, готово было не поскупиться на мзду патриарху. Поломаются ради престижа, но не откажут.

Однако из Византии доходили очень тревожные известия. Генуэзцы отомстили Иоанну V за его уступки венецианцам. Выделили солдат его опальному сыну Андронику, укрывшемуся у них в Галате. Среди ночи он ворвался на улицы Константинополя, во дворце его ждали купленные сторонники. Царевич схватил отца и брата Мануила, упрятал в ту самую башню, где недавно сидел, объявил себя императором. Силясь завоевать популярность среди подданных, обвинил Иоанна – утратил «ромейскую» честь, склонился перед турками. Но если не склоняться, где оставалось искать поддержку? Только на Западе. Андроник разогнал церковных деятелей, окружавших отца, снова соглашался принять унию.

Как тут было обращаться к грекам? В истории уже существовали прецеденты, когда наша церковь обходилась без патриархии. Два раза, при Ярославе Мудром и Изяславе II, митрополитов избирали и ставили собором епископов. Были и другие периоды, когда порывались связи с Византией – в начале 1200-х, когда ее захватили крестоносцы, в 1270-1280-х годах, когда она заключила с папой Лионскую унию. После некоторых колебаний Дмитрий Иванович созвал собор. Предложил возвести Митяя-Михаила в епископы и подумать о его избрании в митрополиты.

Теоретически это было законно, допускалось Номоканоном и называлось Апостольским правилом. Ведь в ранней Церкви, где еще не было патриарших структур, иерархи избирались и ставились соборным решением. Епископы подняли правила Вселенских Соборов, церковные законы, и почти никто не возражал. Лишь один, Дионисий Суздальский выступил резко против. Ему не нравился Митяй, не нравилось нарушение традиции. Он указывал, что идти против патриархии нельзя, сломается устоявшийся порядок. Неканоническое поставление сможет оспорить и Киприан, и кто угодно.

Великий князь и сам не был уверен, верно ли он поступил. Такого советника, как св. Алексей, при нем больше не имелось. Выслушав доводы Дионисия, он согласился, что торопиться не надо. Лучше выждать, пока прояснится обстановка в Византии. Митяй-Михаил остался нареченным митрополитом, жил в митрополичих палатах, отправлял церковные дела. Но на Суздальского епископа он обиделся. Вызвал его для благословения – хотел, чтобы он косвенным образом признал над собой новое начальство. А Дионисий тоже встал в позу: как его, епископа, может благословлять простой «поп»? Митяй настаивал, требовал, и они окончательно поссорились. Дионисий вознамерился ехать жаловаться в Константинополь. Митяй в ответ осаждал жалобами государя.

Конфликт приобретал совсем уж неприглядный оборот. Не хватало Киприана, так еще свой же епископ выплеснет обвинения на Москву перед всем миром. Дмитрий Иванович скандала не допустил. Прислал в Суздаль стражу и запретил Дионисию путешествие. Вмешался св. Сергей Радонежский, успокоил разбушевавшиеся страсти. Он поручился за епископа. Дионисий, в свою очередь, пообещал не горячиться и никуда не ездить. Подождать, как развяжется путаница – будет ли избирать Митяя собор или откроется возможность сделать все по-старому, через патриархию. Но очередные указания из митрополии вновь завели Дионисия, и он не выдержал, все-таки укатил к грекам.

Хотя советы подождать оказались самыми верными. Царствование Андроника было недолгим. Султану не доставили удовольствия его потуги быть независимым от турок. Мурад умел строить интриги не хуже генуэзцев. Иоанну V и Мануилу помогли бежать из темницы, скрыться под защиту османов. Турки подступили к Константинополю, и визан-

тийцы не осмелились сражаться. Андроник безоговорочно убрался назад в Галату, Иоанн с младшим сыном вернулись на трон.

Вместе с Андроником пришлось исчезнуть его священникам, сторонникам унии. В патриархию возвратились прежние сановники. Они несколько лет просидели без высоких должностей, по монастырям, по другим городам. Были озабочены, как бы пополнить убытки, отремонтировать и обставить вновь обретенные столичные палаты. Поэтому к Москве отнеслись с повышенным вниманием. Патриарх Макарий сам прислал приглашение Митяю навестить Константинополь и «ставиться» в митрополиты. Снарядилась большая делегация: посол государя, шесть бояр, три архимандрита, несколько игуменов, слуги. В Цареград ездили надолго – на год, на два, уж как выпадет...

Впрочем, все эти передраги были только досадными помехами в жизни Русской Церкви. Она и без греков развивалась энергично, бурно. Великий князь укреплял державу, но ведь и высшим смыслом его державы было сбережение и возвышение веры. Границы прикрывались не только крепостями. Возле строящегося Серпухова св. Алексий заложил Владычный монастырь. А князю Владимиру Андреевичу показалось этого недостаточно. Пригласил в Серпухов св. Сергия Радонежского, попросил устроить еще одну обитель, Высоцкую. С аналогичной просьбой к св. Сергию обратился Дмитрий Иванович – чтобы преподобный выделил кого-нибудь из учеников, учредил монастырь поблизости от Коломны. В Голутвине была основана Богоявленская обитель, ее настоятелем стал св. Григорий Голутвинский. Выросли новые монастыри и под Нижним Новгородом – Благовещенский, Печерский. Все крепости дополнялись маковками храмов и обителей! Это было одно целое, неразрывное, как богатырское кольчужное ожерелье и крест на шее. Ратник защищал святыни, а святыни поддерживали его. Что он значил без Божьей милости?

В 1379 г. Дмитрий Иванович решил ставить монастырь на важной Суздальской дороге. Обошлись без отсутствующего митрополита, великий князь опять поклонился св. Сергию, игумен сходил в село Стромьнь, выбрал место, освятил срубленный монахами и крестьянами деревянный храм Успения Божьей Матери. Настоятелем назначил своего ученика св. Савву Стромьнского. Потом и Савва основал новый монастырь, женский, возле Аристова погоста на Клязьме (ныне г. Лосино-Петровск). Св. Роман возносил моления в Благовещенском Киржачском монастыре, под Ростовом появился Борисо-Глебский... Св. Сергия не напрасно называли «первоигуменом» или «игуменом земли Русской». Такого чина не значилось ни в одном церковном уставе, он родился в народе, от Бога. Сколько дорог он измерил собственными ногами, скольких святых воспитал для Церкви! Его ученики устроили и возглавили более 40 монастырей! Русь покрывалась ими, как зримым знаком благодати Небесной. Опять же, как самой надежной защитой от бедствий и напастей.

Урочище Маковец, где преподобный начинал свой подвиг, больше не было пустынным. Вслед за монахами к Троице-Сергиевой обители переселялись миряне. Людей тянуло жить поближе к святому месту. Там, где шелестели густые леса, вставали деревни. Даже дорога из Москвы на Переславль как бы сама собой отклонилась, прошла через Троицу. Да и вообще в окрестностях столицы «пустынь» оставалось все меньше. Но бескрайние дикие леса лежали на севере, и последователи св. Сергия, вдохновившиеся повторить его путь, отправлялись туда. Св. Кирилл взялся рубить келью и молиться на берегу Белого озера, св. Ферапонт на Сухоне, св. Дмитрий Прилуцкий под Вологдой. Со временем их монастыри станут знаменитыми, тоже обростут деревнями, слободами. Так началось совершенно необычное, уникальное освоение Русского Севера – не армиями, не купеческими колониями, а монастырями!

А св. Стефан Пермский выбрал для себя особое служение. Он родился в Устюге, получил блестящее образование в Ростовском монастыре св. Григория Богослова. Стефан неоднократно путешествовал по северным землям, добирался до Уральских гор и задумал просветить пермяков-зырян. Изучил их язык, составил пермскую грамоту из 24 букв, перевел

основные книги Священного Писания. Испросил благословения в Москве у коломенского епископа Герасима, который остался митрополичьим наместником в отсутствие Митяя. Разумеется, о начинании известили и великого князя, такое не каждый день случалось! Св. Стефан поехал к пермякам один. Полагался лишь на помощь Господа.

Ученый монах поселился среди язычников, построил церковь, принялся служить в ней. К нему приходили любопытные, и он обучал удивленных пермяков грамоте. Показывал, как можно записать и сохранить слова на их родном языке. Люди проникались уважением к священнику, испрашивали его советов по важным делам, а постепенно приобщались и к христианству. Один-единственный подвижник без воинских дружин, без оружия, только Словом Божиим и собственным примером отвратил целый народ от идолов, одолел шаманов, пожег капища. Завел училища, начал готовить кандидатов в священники из самих пермяков. В Москве по достоинству оценили его труды. Позже по ходатайству Стефана была учреждена новая епархия, он стал первым епископом. А при этом обширная Пермская земля прирастала к Руси! Прирастала не войной, не насилием, а верой!

Второй митрополии, Литовской, было далеко до подобных успехов. Ее выпестовал Ольгерд, видел в ней важное политическое орудие, но в 1377 г. он расхворался. Претендентов на власть нашлось немало: брат и соправитель Кейстут, православные сыновья от первой жены Андрей, Дмитрий, Константин, Владимир, Федор, сыновья-язычники от второй жены Корибут, Скиргайло, Ягайло, Свидригайло, Минигайло, Лугвений. Наследственного права в Литве не существовало. Вокруг умирающего государя развернулась активная возня. Успеха в ней добились католики, уговорили Ольгерда окреститься по их обряду. А наследником он назвал не Кейстута или старших детей, передал власть любимчику Ягайле.

У других родственников это не вызвало радости, они засели в своих уделах, косо посматривали на нового государя. Опасались не зря. Советниками Ягайлы стали те же католики. Он объединился с братьями-язычниками и накинулся на братьев-православных. Литовское войско ворвалось в Киев, где правил Владимир Ольгердович. Его заковали в кандалы, а его владения Ягайло уступил союзнику Скиргайле. На очереди был Андрей, княживший в Полоцке. Но он бежал в Псков, попросил убежища.

Русские хорошо знали Андрея, не раз схватывались с ним на поле брани. Впрочем, знали и с хорошей стороны, как честного человека, великолепного военачальника. Псковичи считали, что он может быть очень полезным. Но за время правления Дмитрия Ивановича они поняли: не стоит отрываться от Москвы и играть в самостоятельность. Объяснили Андрею – мы тебя примем, если государь позволит. Литовец съездил к великому князю, но и здесь удостоился самой ласковой встречи. Дмитрий не возражал, чтобы он княжил в Пскове, а Андрей Ольгердович целовал крест верно служить ему.

Наступление на православных в Литве государь не оставил без последствий. За единоверцев надо было заступиться – этого требовали и духовные убеждения, и политика. Зимой 1378/79 г. был организован поход к соседям. Возглавил рать Владимир Андреевич, а в помощь ему великий князь назначил Дмитрия Боброка-Волынского и Андрея Ольгердовича. Оба из Литвы, оба православные, оба предпочли служить Москве. Пусть это видит население, пусть видят другие князья.

Войско вступило на землю Стародубского княжества. Сопrotивлявшихся литовцев побили, взяли Стародуб. А в Трубчевском княжестве очутился брат Андрея Дмитрий, отступивший от Ягайлы из собственного удела, Брянска. Он вообще не стал сражаться. Открыл ворота города, вышел с женой, детьми, боярами и объявил, что готов служить Дмитрию Ивановичу. И сразу же зашаталась вся восточная часть Литвы. Брянск, Новгород-Северский, Чернигов, Елец, «верховские» княжества на Оке – Новосильское, Оболенское, Одолевское выходили из повиновения Ягайле, выражали желание перейти под покровительство Москвы. Такова была земная, наглядная сила веры.

14. Куликовское покаяние

Разгром Бегича потряс Орду. Мамай видел – он упустил время привести Русь к покорности. А великий князь в полной мере использовал предоставленную ему передышку, и запросто с ним уже не сладить. Властитель Орды постарался подбодрить своих воинов. Сколотил несколько отрядов из поредевшей вернувшейся рати и бросил их туда же, на многострадальную Рязанщину. Но там даже нечего было толком пограбить, все давно разорили. А что касается Москвы, Мамаю становилось ясно, карательных походов уже недостаточно. Русь требовалось завоевать заново, как это сделал Батый. Раздавить и парализовать ужасом еще на сотню лет. Он готовился почти два года. У Батыя под рукой были несметные силы – полчища монголов, их среднеазиатских, сибирских, китайских подданных. Мамай такими ресурсами не располагал. Ему самому приходилось озираться на ханов Сарая, как бы не ударили в спину. Благо, у них началась война с Тохтамышем.

В другое время можно было неплохо сыграть, попытаться захватить Сарай. Но сейчас это отошло на второй план. Важнее представлялось разделаться с русскими, а потом и соперники никуда не денутся. Пока сарайские и сибирские татары бились друг с другом, Мамай формировал огромную армию. Генуэзские и ордынские толстосумы без ограничений ссужали деньги, уж они-то внакладе не останутся – получают невольников, места откупщиков, баскаков в порабощенной стране, сказочные концессии. Властитель ставил в строй всех подчиненных, вербовал черкесов, осетин, армян, греков.

Русские приноровились отбиваться от конницы сомкнутой и ошетилившейся копьями пехотой, но и Мамай позаботился обзавестись пехотой, лучшей в Европе! Корабли высаживали в черноморских портах контингенты генуэзских копейщиков, вымуштрованных, обученных действовать в плотном строю. Ордынский временщик учел и советы покойного Ивана Вельяминова: не спорить с Литвой за Русь, а громить ее вместе. Завязались пересылки с Вильно, и Ягайло чрезвычайно порадовался. Дмитрий принял сторону его православных братьев, отнял приграничные территории. А с татарами победа была обеспечена. Литовцы заважают молодого государя, увидят в нем достойного преемника Ольгерда. Сговорились, согласовывали планы.

Грандиозные масштабы подготовки не могли остаться тайной, но Мамай и не старался скрывать их. Он собирал такое количество войск, чтобы раздавить русских наверняка. Если пронюхают, ничего страшного. Будут содрогаться и трепетать. И из Орды, и из Литвы стекались известия: на Русь надвигается нечто невиданное, чрезвычайное. Заметался Олег Рязанский. Он-то вообще попал меж трех огней – Мамай, Ягайло, но и москвичей князь никогда не считал «своими». Олег злился: Дмитрий похвалялся победой над Бегичем, а кому довелось расплачиваться? Рязани. Вот и доигрался сосед, раздражил врагов. Но их рати снова пойдут через Рязанщину, что от нее останется?

Князь не знал: как уберечь свой клочок земли? Лихорадочно пытался лавировать между противниками, посылал бояр в Орду и в Литву, выражал готовность быть их союзником. Но потихоньку, без огласки, присылал гонцов и к Дмитрию Ивановичу, сам же извещал его о замыслах Мамаю и Ягайлы, клялся, что не выступит на их стороне. Но в Москву явились и послы самолично от Мамаю. Предъявили ультиматум: русские должны изъять покорность и платить «выход». Что ж, победы не возгордились государя, он отдавал себе отчет: кровь дороже серебра. Он отвечал перед Богом за всех подданных – не безликих, а конкретных, живых. За тех, кто окружал его во дворце, приветствовал на улицах, населял деревеньки, мимо которых проносили его лошади.

Скажи слово «нет», и сколько судеб оборвется? Сколько сел и городов может слизнуть пожар войны? Скрепя сердце, Дмитрий сказал «да». Он согласен платить. Как условились

в свое время с Мамаем, так и отсчитает ему дань. Нет, куда там! Ордынского повелителя не устраивал подобный вариант. Он требовал «старинный выход», как при Узбеке. Сокрушающую, разорительную дань, да еще и внести долги за прошлые годы. По сути, он предъявил заведомо невыполнимые условия. Принять их, значило отдать все до нитки, и тем не менее, остаться в долгах. А за долги на Русь пришлют откупщиков, поведут людей на продажу. За долги надо будет уступить гегуэзцам монополии, к которым они давно тянутся.

В правительстве сидели неглупые люди, разобраться в подоплеке ордынского ультиматума было не столь уж сложно. Дмитрий покачал головой: этому не бывать. Ответил татарским послам, что он не отказывается от дани, но умеренной, в таких размерах, о каких договорились раньше. Несмотря ни на что, великий князь использовал любые шансы уберечь страну от нашествия. Отправил к Мамаю своего посла Захария Тютчева с богатыми подарками, подтверждал, что признает над собой ханскую власть, готов давать «выход».

Государь лелеял надежду если не предотвратить, то хотя бы отсрочить столкновение. А дальше могло что-нибудь перемениться, у татар возникли бы какие-то очередные осложнения. Хотя Дмитрий Иванович и его бояре уже почти наверняка знали, что ни предотвратить, ни отсрочить не получится. Колоссальные средства тратят на наемников вовсе не для того, и невиданную рать собирают не для того, чтобы распустить ее без войны. Ее нельзя распустить без войны. Что скажет Мамай, дожидаться не стали. По опыту прошлых войн у великого князя имелись «сторожи», небольшие разведывательные отряды из лучших бойцов. Несколько таких отрядов он выслал в верховья Дона, к речке Тихой Сосне, поставил задачу отслеживать противника. А по Руси объявил мобилизацию, велел удельным князьям и ратникам сходить к концу июля.

Расчеты на неурядицы в Орде имели под собой основания. Как раз в это время, летом 1380 г., хан Тохтамыш предпринял наступление и овладел Сараем. Но и Мамай оценивал обстановку по-своему. Сарайский соперник погиб, а войско Тохтамыша было ослаблено в боях, занялось грабежами, разделами захваченных кочевий. Надо было покончить с русскими, пока восточные противники не готовы к следующим схваткам, а потом повернуть на них.

Разведчики на Дону долгое время не давали о себе знать. Великий князь беспокоился и выслал вторую сторожу. Но по дороге витязи встретили одного из командиров первого отряда, Василия Тупика, он вез татарского «языка». Возвратился из Орды и Захарий Тютчев. Его миссия успехом не увенчалась. Мамай бахвалился перед боярином количеством воинов и грозил, что скоро придет в Москву. Зато Тютчев сумел многое разузнать. Он и пленный показали в один голос, Мамай стоит на р. Воронеж, но не торопится, «ждет осени, да совокупится с Литвой». Когда выяснилось, что некоторое время еще есть, сбор ратников перенесли на август. А чтобы не позволить противникам соединиться, было решено идти навстречу, вклиниться между ними и попытаться разбить по очереди.

В Москву начали стекаться отряды. Прибывали князья с дружинами, пылила по жаре пехота. Город заполнялся ратниками, воинские станы раскинулись по окрестным лугам, на улицах и площадях перемешались ярославский, вологодский, костромской говор. В государевых палатах мелькали старые соратники, князья Белозерские, Ростовские, Моложский. Оставалось дать команду, и вся эта масса, гомонящая, возбужденная, сыплющая озорными прибаутками, выступит... может быть, на смерть, на муки, на вечные раны. Легко ли было дать ее, такую команду? Легко ли оборвать привычное и шагнуть в неизвестность? Ох как не хватало Дмитрию Ивановичу митрополита Алексия, его совета. А новый митрополит как укатил к патриарху, так о нем ничего не слышали.

Но был один человек, способный рассеять сомнения, снять тяжесть с души. Государь велел седлать коней. Полетел туда, где внимательно и радушно встречали любого странника, хоть князя, хоть нищего. В Троицкую обитель к св. Сергию. Дмитрий волновался, пережи-

вал, и встреча скомкалась. Вроде, даже непонятно было, зачем приезжал. Но преподобный все понимал без слов. Остановил Дмитрия, заспешившего в обратный путь, пригласил к простенькой трапезе с братией. А за столом вдруг сказал, отвечая на незаданный вопрос: «При сей победе тебе еще не носить венца мученического, но многим без числа готовятся венцы с вечной памятью». Скромный, сугубо мирный монах говорил о победе, как о чем-то само собой разумеющемся. Впрочем, переспросил, действительно ли не осталось надежд разойтись без кровопролития? Предложил почтить Мамай «дарами и честью» – может быть, Господь, видя смирение государя, укротит ярость ордынского властителя?

Дмитрий пояснил, что уже делал это, «но он еще с большей гордостью возносится». Игумен кивнул: «Если так, то ждет его конечное погубление». Среди иноков великий князь приметил знакомые лица. Вспомнил их – два брянских боярина, Пересвет и Ослябя. Великолепные бойцы, поступившие на московскую службу, а позднее надумавшие удалиться от мира. Дмитрий был окрылен благословением преподобного, и как-то неожиданно для самого себя, по наитию, попросил дать ему бывших бояр «от твоего чернеческого полка». Св. Сергей будто ждал необычной просьбы. Призвал Пересвета и Ослябю, велел принести две схимы. Налагая их на иноков-богатырей, произнес: «Время вашей купли настало». Произнес тихо и просто, а смысл заставлял содрогнуться. Речь-то шла об искуплении души. А путь к искуплению показал Сам Христос. Через смерть «за други своя»...

20 августа войска выступили из Москвы. Их собралось столько, что одной дороги было мало, выплескивались из Кремля по трем. Владимир Андреевич повел часть полков на Серпухов, Дмитрий Иванович и белозерские князья возглавили две колонны на Коломну. На Оке присоединились тарусские, оболенские князья, ратники из Муромы, Мещеры. С горсткой дружинников появился и князь, которого никак не чаяли тут встретить, Федор Елецкий. Он-то вообще считался подданным Литвы, а жил в Диком Поле, считай что в пасти у Орды. Но не испугался гнева ни хана, ни Ягайлы. Страхнул с себя страх, решился встать за родное, исконное. За русское! Общий порыв был настолько высоким, что на битву решили идти даже некоторые женщины. В мужском наряде ехала с отцовской дружиной дочь стародубского князя Дарья Андреевна. В колоннах бойцов затерялась и княжна Феодора Пужбольская [73].

К сожалению, не все думали, как они. Михаил Тверской предпочел забыть клятву совместно бороться с татарами. Опять азартно высчитывал – против Орды и Литвы москвичам не сдюжить. Вот и придет его черед, исполнятся мечты... Тесть Дмитрий-Фома прислал только суздальский полк, нижегородцев придержал, не было и его брата, Бориса Городецкого. Ордынцы уже дважды разоряли их владения, а государь не помог – воевал с Бегичем. Князья рассудили, что теперь Дмитрию Ивановичу не грех повоевать без них, лучше они прикроют собственные уделы.

На Оке великий князь получил свежие донесения – Мамай предполагал выйти к этой реке «на Семен день», 1 сентября, назначил встречу Ягайле и Олегу Рязанскому. Стали известны дороги, которыми движутся неприятели. Дмитрий Иванович получил возможность уточнить планы. Из Серпухова и Коломны он распорядился стягивать рати в один кулак, у Лопасни. Здесь наладили переправы, перевозили воинов за Оку. «Сторожи» доложили и о том, что у Мамай на удивление много пехоты. Великий князь пришел к выводу, что и ему не помешает побольше пеших ратников. Отправил в Москву дядю, Тимофея Вельяминова, приказал дополнительно набрать ополченцев, поторопить отставшие отряды.

Дальнейший путь лежал через земли Олега Рязанского. Дмитрия в общем-то устраивал его нейтралитет. Что с него взять, под постоянной опасностью обретается. Только бы лукавый его не попутал, не потянуло выслужиться перед Мамаем. Чтобы не разбудить старую вражду, государь направил рать по самой окраине Рязанского княжества, строго-настрого запретил задевать жителей, тронуть у них хоть единый колосок. Но и маршрут выбрал такой,

чтобы подстраховаться от неприятностей. Армия растянулась по дорогам, отсекая друг от друга ордынцев, литовцев и рязанцев.

Навстречу врагу шагали уже не москвичи, муромляне и белозерцы. Шли те самые русские, которые первыми вспомнили, что они русские. Шли, чтобы исполнить тяжелый, но необходимый обряд воинского покаяния. Много нагрешили предки – ради корысти убивали и предавали братьев, разодрали Отечество, отдали иноплеменникам. Потомки шли каяться за них, искупать их и собственные грехи. А искупать, опять же, как научил русских Христос. Смертию смерть поправ.

И чем дальше шли, тем больше становилось богатырей, настроившихся на самоотверженный подвиг. Вдали поднялись клубы пыли, полки Дмитрия начали было изготавливаться к бою. Однако между войсками поскакали вестники, радостно кричали – свои. Выяснилось, что пришли два новых присяжника государя, Андрей и Дмитрий Ольгердович. С одним его полоцкая дружина, отряды псковичей и новгородцев, с другим брянцы. Растроганно обнимались: и впрямь, свои. Православные литовцы оказались более смелыми и более русскими, чем многие из русских. Возле самого Дона армию догнал еще один корпус, Тимофей Вельяминов успел вовремя, привел пополнения пехоты.

Да и на Дону обитало православное население, говорило по-русски и называло себя казаками. Давным-давно такое племя существовало на далекой Кубани, касаки или касоги. Его истребил Батый, карая за мятеж. Погромил и непокорных бродников, живших по Дону. Остатки касаков и бродников смешались, селились на Дону и его притоках, ловили рыбу, обслуживали речные перевозки [21, 99]. Драться они умели отменно, нанимались на службу и к татарским ханам, и к генуэзцам. Но вера-то была православной. Через Сарско-Подонскую епархию казаки сохраняли связь с Русью, и в тяжелую годину эта связь оказалась прочнее, чем соображения личной выгоды, чем перезвон ханских или генуэзских монет.

Казаков было мало, их крошечные городки прятались в зарослях у реки. Но они собирались в отрядики, приветствовали великого князя как долгожданного гостя. Оказалось, что казаки не забыли лучшие времена, сберегли у себя несколько старинных святынь. Преподнесли Дмитрию Ивановичу, икону Божьей Матери – позже ее назовут Донской [27]. Как раз приближался праздник Рождества Пресвятой Богородицы, и государь счел подарок добрым знаком. Велел закрепить икону на древке, как знамя, чтобы Она воодушевляла всех воинов. Но и св. Сергей постарался еще раз укрепить дух Дмитрия. С догнавшими пехотинцами прислал монаха, он принес освященную просфору и записку: «Без всякого сомнения, государь, иди против них и, не предаваясь страху, твердо надейся, что поможет тебе Господь и Пресвятая Богородица».

А укрепить дух было не лишним. Время, оставшееся до столкновения, сокращалось, напряжение нарастало. Две сторожи, находившиеся в степи, отступали перед татарами, поредели в стычках. Дмитрий Иванович направил третий отряд под началом Семена Мелика. Приказание дал трудное, добыть «языка» как можно выше рангом. Удалые бойцы справились, выкрали вельможу прямо из ставки Мамай. К своим уходили с боем, под стрелами, следом за ними выкатились сотни татар. Увидели рать и повернули назад. Отныне и неприятель знал, что русские уже на Дону. «Язык» рассказал – Мамай совсем близко, у Кузьминой гати, сил у него «многое множество бесчисленное». Литовцы тоже недалеко, идут от Одоева.

В казачьем городке Чернова Дмитрий Иванович созвал совет, поставил вопрос – переходить Дон или встать за рекой? Не перейдешь – подаришь неприятелям свободу маневра. Соединятся или зажмут с двух сторон. Перейдешь – прикроешься Доном от Ягайлы, но и отступить будет невозможно. Братья Ольгердовичи подали голос: переходить. Тогда сама мысль о бегстве отпадет, ратники будут стоять насмерть. Хотя сами же князья и воеводы разве могли допустить мысль о бегстве? Отступление было *уже* невозможно. Слишком далеко оторвались от родных пределов. Конники еще могут ускакать, а куда деваться пехоте?

Бросить ее в степи на растерзание? Дмитрий Иванович подвел итог: не для того сюда пришли, чтобы думать, как спасать свои шкуры. «Честная смерть лучше злого живота».

Через Дон навели мосты, рать потекла через реку. Каждого известили: когда пройдет последний человек, последняя телега, мосты будут разобраны... Впрочем, эта мера имела чисто психологическое значение. Назад ходу все равно не было: если враг спихнет с обрывистых берегов, мосты не выручат. Наоборот, на них будет давка и погибель. Переpravлялись, выходили на широкое поле за рекой. Местные казаки называли его Куликовым. Почему? Так повелось, от дедов слышали и сами звали. Поле понравилась великому князю и его военачальникам. С той стороны, откуда ждали врага, лежало большое открытое пространство. Оно сужалось, вписываясь в излучину Дона, отсекалось оврагами и речками: Непрядвой, Смолкой, Нижним Дубняком, на взгорках шелестели густые дубравы. Здесь можно было развернуться, прикрыть фланги естественными препятствиями, замаскировать резервы.

Еще на Оке Дмитрий Иванович урядил полки, назначил в них воевод. Сейчас государь уточнял разделение по полкам, приравнивал к местности их расположение. Воинов разводили на те рубежи, откуда им предстояло завтра выходить в битву... В это не верилось, но это становилось очевидным. Сражение произойдет именно завтра, в праздник Рождества Божьей Матери. Мамай был в 8–9 верстах, горизонт отсвечивал от костров бескрайнего стана. Дмитрий Иванович и Боброк Волынец проверили войска, постояли на вечерне в шатрах походных храмов. Но и в христианстве в сознании людей сохранились некоторые древние, языческие обычаи, поверья. Об их происхождении давно забыли, они стали просто народными. Великий князь с воеводой выехали в поле, еще разок провести рекогносцировку, и Боброк предложил показать ему «некие приметы». Высматривал всполохи на небе, слушал землю, крики птиц и зверей. Приметы подтверждали то же самое, о чем говорил св. Сергей – русские одержат победу, но нелегкую и очень не дешевую...

Утром 8 сентября воины не увидели даже друг друга. Пал туман. Необычайно густой туман. Словно Сама Пресвятая Богородица закрыла людей своим Покровом, оберегала их, давала еще несколько часов пожить, подышать, помолиться, исповедоваться... В тумане чуть ли не на ощупь выстраивались полки. Выдвигался на позиции Передовой, в его рядах слышались бодрые команды князей Семена Оболенского и Ивана Тарусского, московских бояр Акинфичей и бывшего татарского мурзы, а ныне русского боярина Черкиза. За Передовым равнял шеренги Большой, великокняжеский. Выходили на фланги полк Правой руки Андрея Ольгердовича илевой, ярославских князей. Слышались передвижения и сзади, там размещался Засадный полк Дмитрия Ольгердовича. И мало кто обратил внимание, как удалялся в рощи Засадный полк с князем Владимиром Серпуховским и Боброком Волынским.

Ветерок начал рассеивать мглу только через несколько часов. Проглянувшее солнце ярко засверкало на стали кольчуг, на червлёных щитах и плащах витязей, на красных стягах с ликами Спасителя и святых. Праздник! Наступал воинский праздник. Тот самый праздник, когда Господь дарит защитникам Веры и Отечества особенный путь к спасению... А на отдаленные склоны холмов стала вдруг напозать черная масса. Набухала, увеличивалась. Это были враги. Зоркие глаза наблюдателей могли различить суету на самом высоком холме, появившиеся там пестрые пятнышки. Догадывались, это раскидываются шатры, там усядется Мамай – наблюдать и повелевать. Но черная туча не иссякала, вливалась и вливалась из-за горизонта, заполняла поле, буквально втискивалась в него...

Сколько их было? Мамай хвастался, будто 700 тыс. Конечно, врал, запугивал. Неизвестна и численность русского воинства, исследователи оценивают ее с самым широким разбросом, от 40 до 200 тыс. Очевидно, ближе к истине средняя оценка, 80–100 тыс. Летописцы сходятся в едином мнении: такой большой рати Русь еще не выставляла. Может, и выставляла в легендарную киевскую эпоху, но когда это было? А Мамай и впрямь постарался, привел раза в два больше, чем русских, тысяч 200. Вышагивала стройными шерен-

гами генуэзская пехота. Придерживая лошадей, красуясь блеском шлемов и панцирей, накатывались волны ордынской конницы.

Пока сближались, великий князь успел обскакать полки. Силился, чтобы его услышал каждый – в последний раз вдохновить, подкрепить теплым и твердым словом. А потом Дмитрий Иванович повел себя так, как доселе не поступал ни один государь. Соскочив с коня, начал переодеваться. Велел надеть свое облачение боярину Михаилу Бренку, похожему телосложением и обличем, а себе принести оружие и кольчугу простого ратника. Он решил встать в общий строй, в первых рядах. Кто как не он призвал людей на смертный подвиг? Дмитрий считал, что обязан в полной мере разделить его. Это был и подвиг величайшего смирения. Государь растворялся среди безмянных, отказывался от личной славы. Пусть воины служат не ему. Он сам служил Господу, людям, Отечеству.

Но начать битву было суждено не Дмитрию. Когда пространство между ратями сузилось, когда уже видны были лица, обе стороны невольно остановились. И в повисшей тишине неожиданно вынесся вперед могучий татарин, горячил коня, выкрикивал оскорбления, звал помериться силами один на один. Русские князья, бояре, дружинники слышали о нем, некоторые были и лично знакомы. Это был мурза Челубей, слывший непобедимым бойцом, не проигравший ни одного поединка. Кто посмел бы выйти против него? Сам голову потеряешь – еще полбеды. Но проигравший осрамит свою армию, падут духом товарищи... Нет, доброволец все-таки нашелся. Колыхнулся, расступаясь, строй, и тихо выехал монах. Пересвет. Вместо панциря – куколь схимы, вместо злых ругательств спокойствие и молчание. Может быть, только губы шевелились, нашептывая молитву. Противники опустили тяжелые копья, дали разгон лошадям. Пересвет нацелил острие метко, убийственно. А чтобы Челубей не увернулся, не защитился, поманил его. Сам открылся для удара. Оба пронзили друг друга.

Это стало общим сигналом. Сшиблись две стены, с воем, грохотом. Первые рубились лицом к лицу, следующие уже на трупах, скользили в кровавых лужах. Мяли врагов, подпирали своих. Сошлись настолько огромные полчища, что многие умирали просто задавленными, задыхались в тесноте. Рубились плечом к плечу, а погибали порознь. Кто уследит в месиве, когда не стало твоего друга, брата, соседа? Сразила ли его сабля, копье или упал и затоптали кони? Об умирающих знал лишь один человек, но он находился очень далеко. Преподобный Сергей в это время молился с братией и начал называть имена людей, чьи души отлетали к Престолу Всевышнего.

Битва клокотала по всему фронту. Передовой полк принял на себя самый страшный удар. Смягчил его, прикрыл главные силы, но и от полка мало что осталось. Уцелевшие ратники были отброшены к Большому полку, слились с ним и снова бились. Изнемогали, уже казалось, что не смогут поднять меч, удержать в руках щит, вообще стоять на ногах. Но какими-то усилиями стояли, удерживали, поднимали.

Полк правой руки одолевал, несколько раз отбрасывал противника. Андрей Ольгердович тормозил подчиненных, приказывал не зарываться, не нарушить связь с Большим полком. А ордынские начальники злились, подгоняли воинство. Им навязали лобовое сражение, чего татары всегда старались избегать. Русские расположились таким образом, что лишили их возможности использовать численное превосходство, применить излюбленные обходы – мешали речки и овраги. Оставалось проломить боевые порядки великокняжеской рати, прорывать стыки полков. Но Андрею Ольгердовичу приходилось полегче как раз из-за того, что Мамай наметил сокрушить противоположный, левый фланг русских. Сюда передвинули лучшие контингенты, подкрепления.

Худо было и в центре. Генуэзская пехота полегла, но ордынскому властителю это было даже на руку, меньше платить. Зато татары сумели врубиться в боевые порядки Большого полка, проредили шеренги витязей, пропихнулись мощным кулаком к ставке великого князя.

Полегли, захлебнулись кровью стоявшие здесь столичные дружинники, поник сраженный Миша Бренок в государевом наряде. Отмахиваясь от насевших врагов, захрипел знаменосец, и кто-то из ордынцев подрубил древко стяга Дмитрия Ивановича. Но у русских упавшее знамя откликнулось не паникой, оно позвало воинов к себе на выручку. Взорвались яростью, кинулись с разных сторон, искрошили и вышвырнули татар. Знамя со Спасителем снова поднялось над полем, его окружили новые знаменосцы...

Но на левом фланге ордынцы брали верх. Стена ратников выглядела все более выщербленной, крошилась осколочками мертвых тел. Истаяв, прогибалась, пошла трещинами... Татарские командиры отреагировали грамотно, кинули к слабому месту свежие силы. Но великий князь и его военачальники верно рассчитали, что татары выберут именно это направление. Не случайно сзади был поставлен Запасной полк. А в соседней дубраве изнемогал Засадный полк. Каково было ему смотреть на гибель товарищей? Мимо рощи тянулись в тыл раненные, оглушенные... Владимир Андреевич нетерпеливо хватался за рукоять меча. Когда? Чего ждем, когда всех наших перебьют? Но Боброк-Волынец старался держаться хладнокровно, смирял его порывы. Не сейчас. Еще выждать. Еще...

Уж он-то знал цену внезапности, цену риска. Самый выгодный момент для удара – последний. Надо дать неприятелям расслабиться, почувствовать себя победителями. Эмоции очень легко перекидываются в обратную сторону, из радости в уныние, из восторгов в ужас. Боброк тянул время. Пытаясь убедить напряженных воинов, опять ссылался на приметы, ведомые только ему, на ветер, шелестящий листвой... Мимо укрывшихся дружин стали откатываться остатки полкалевой руки. А следом в образовавшуюся брешь хлынули татары, ликующие, оружие. Их взяла! Дорога в русские тылы открылась, дальнейшее было легко, окружать Большой полк, прижимать к берегу и сбросить вниз. Лавина безоглядно устремилась за отступающими, гнать и добивать их.

Устремилась, подставляя засаде собственный тыл. Боброк кивнул: «Теперь пора, княже!» Запели трубы, затрепетали стяги. Полк отборной конницы, вылетев из леса, вонзился в ордынскую массу, рассекая ее. Татары переполошились. Происходящее казалось кошмарным сном. Победа была уже в руках, ее ощущали, положили ради нее столько сил и жизней! Она манила, звала – а обернулась смертным оскалом! Русские воеводы услышали трубы Владимира Серпуховского, уловили надлом. На левом крыле выдвигался Запасной полк, вобрал в себя ратников полкалевой руки и бросился в контратаку. Сплотившись из последних сил, навалился на неприятеля Большой полк. Андрей Ольгердович больше не одергивал правый фланг, кричал – бей, громи! А конница Владимира Андреевича все глубже входила в гущи татарского воинства, подрубала, как топором. Понеслись вопли – русские сзади! Новая армия! Обманули!

К Мамаю скакали гонцы с разных концов поля. Но сообщали одно и то же, его подчиненные пятаются, бегут. Повелитель послал в сечу резервы, распорядился строить оборону из обозных воев. Однако он сам растерялся, сердце сжалось. Происходило что-то необъяснимое, сверхъестественное. Его армия была безупречной, должна была захлестнуть русских, как море. Но море разбилось о несокрушимые утесы... Русские приближались, а рисковать собственной жизнью Мамай не желал. Слуги начали сворачивать шатры, грузить самое ценное, подвели к повелителю коня. А татарские батыры заметили – ставка уносит ноги. Весть об этом стала передаваться по войску, подхлестнула. Всякий порядок рухнул, пошло повальное бегство.

Засадный и Запасной полки, сохранившие свежих коней, преследовали и секли неприятелей 40 км, до р. Красной Мечи. Только Владимир Андреевич, передав командование помощникам, счел нужным вернуться. Ему не давало покоя – что с братом? Ведь государь уходил в Передовой полк, где были самые большие потери. А приближалась ночь. Если истекает кровью, как найдешь его в темноте? Князь Владимир велел трубить в трубы, скликал

людей, опрашивал, сулил награду за любые сведения. Некоторые видели, как великий князь крепко рубился в самом начале сражения. Рассказывали, что пересаживался на другого коня, потом отбивался сразу от четверых татар. Видели, как брел пешим, шатаясь от ран. Искали, осматривали груды тел.

Дмитрия Ивановича обнаружили на опушке рощицы под срубленной березкой. Кто-то помог дойти и подсек деревце, укрыл его ветками. Он был без сознания, доспехи в прорехах и вмятинах, лицо в ссадинах. Когда прискакал Владимир Андреевич, Дмитрий не узнавал его, а брат, захлебываясь слезами, известил: «Наша победа!» Государь приходил в себя. Опасных ран у него не нашли, но все тело было избито. Князья радовались, обнимали уцелевших друзей. Они не могли знать, что уже вошли в великую народную память, и их отныне будут называть иначе, Дмитрия – Донским, Владимира – Храбрым.

Нет, о славе не думали. Не до того было. Даже отдохнуть не успели, на следующее утро принялись считать ратников, заново устраивать войско. Приближался второй враг, Ягайло, вел 30 тыс. литовцев. Припозднился он совсем немного, на один переход, был в 30–40 верстах. Значит, завтра предстояло опять сражаться? Опять кричать, умирать, держаться во что бы то ни стало? Но до Ягайлы донеслись ошеломляющие новости, о полном разгроме Мамая. Литовец предпочел не искушать судьбу. Сразу же снялся с места и рванул обратно – побыстрее и подальше от столь могучей московской рати.

К счастью, Ягайло не смог представить, насколько поубавилась эта рать. Поле устилали холмы мертвецов. Победа выпала небывалая, но и потери были неслыханными. После воинских трудов пришел черед скорбных. Копали могилы-скудельницы, свозили и отпевали павших. Возвели над кладбищем деревянную церковь Рождества Пресвятой Богородицы, рубили колоды – забрать с собой хоть некоторых. Белозерских князей Федора и Ивана, тарусских Федора и Мстислава, дорогобужского Дмитрия, воевод Микулу Вельяминова, Тимофея Волюя Окатьевича, Льва Морозова, Андрея Черкиза, Семена Мелика, богатырей-инок Пересвета и Ослябю...

Сколько жизней прервалось, известных и неизвестных? Точной цифры мы не знаем, а оценки историков опять расходятся. Судя по всему, погибло около трети войска. Немало было и таких, кто выжил, но лежал в полковых станах, страдая от ран. Чтобы схоронить товарищей и собраться в обратный путь, понадобилось целых восемь дней. Распрощались с донскими казаками. Их число тоже поубавилось, но они еще крепче сдружились с Московской Русью. Отныне спаялись и общей судьбой, кровью. Напоследок подарили великому князю еще одну чудотворную икону Божьей Матери, Гребневскую.

Предстоял путь домой. Сколько верст надо было отшагать и проехать измученным воинам! Зато в конце обнять матерей, жен с детишками, поднять чарку за возвращение, помолиться вместе с родными, помянуть друзей. Рассказывать по вечерам о великом и страшном Куликовом поле, слагать былины и сказания... Нет, не всем выпало такое счастье, отпраздновать собственную победу. Кто-то умирал от ран в тряских телегах. А потом на обозы, растянувшиеся по дорогам, напали... рязанцы. Убивали раненных, возниц, утаскивали в плен, поворачивали в свои селения возы с оружием, доспехами, трофеями. Доспехи и оружие стоили дорого, за пленных можно было взять выкуп. Ради обычной корысти резали и грабили людей, которые прикрыли грудью их самих. Вот и спрашивается: легко ли это было, собирать Русь воедино?

15. Как русских зауважали

Радость и скорбь перемешивались. Могла ли бурлить неумная радость, когда недосчитались стольких товарищей, а другие остались калеками? Сам государь испытывал последствия серьезной контузии. Доехав до Коломны, слег на несколько дней. В Москве снова разболелся. Но и можно ли было предаваться унынию, если удалось спасти страну? Если герои пали за веру, отдали душу за други своя? А значит, получили высшую награду, Царствие Небесное? Памятников в те времена не строили, не выбрасывали средства на пустые сооружения. Строили храмы. А в них-то как раз и соединялись память, радость, скорбь. Залюбуешься на купол с крестом и задумаешься, в честь чего возводили эту красоту. Зайдешь – и принесешь под церковные своды свою печаль, а взамен получишь утешение, тихую и светлую радость Божьей благодати.

Тех погибших, кого привезли в Москву, схоронили на Кулишках, заложили над могилами храм Всех Святых. Обетные церкви и монастыри начали строить Дмитрий Донской, его супруга, воеводы. Конечно, великий князь съездил к Троице поблагодарить Господа и св. Сергия, поделиться с преподобным впечатлениями. А игумен научил его, как правильнее отметить победу – учредить общерусское поминовение воинов, Дмитровскую родительскую субботу. В этом празднике тоже соединились и скорбь, и радость, и память.

О Куликовской битве будут передавать рассказы из поколения в поколение, описывать ее, создавать исторические труды. В 1380 г., сразу после сражения, люди еще не могли в полной мере осмыслить, что же произошло. Но уже ощущали – событие было совсем не рядовое. Русь перешагнула через некий рубеж, и сама вышла из сурового испытания обновленной. Она одним махом взметнулась на какой-то иной уровень, на высоту, которую еще вчера невозможно было представить.

На 1 ноября Дмитрий Иванович назначил съезд всех князей. Предложил закрепить братство, сложившееся на Куликовом поле. Чувства были свежими, общими. Сейчас никому не требовалось доказывать – пока русские вместе, они способны противостоять кому угодно. Князья дружно поддержали, «велик) любовь учиниша меж собою». Одним из первых с этим пришлось считаться Олегу Рязанскому. Его призвали к ответу за безобразия подданных. Качать права перед лицом сплоченной Владимирской Руси князь не посмел. Целовал крест не нарушать мира, освободить пленных, захваченных его людьми. За то зло, что случилось в его княжестве, Олегу пришлось поступиться и своей гордостью. Он впервые признал себя не равным московскому государю, а «молодшим братом».

Искренне или не искренне признал – другой вопрос. Хотя братский союз совсем не помешал бы и рязанцам. Угроза со стороны степи сохранялась. Мамай не намеревался прекращать войну. Да ему и нельзя было. В Орде участь проигравшего была незавидной, а властитель, к тому же, слишком много назанимал у евреев и генуэзцев. Стараясь спасти репутацию, Мамай принялся собирать татар, сумевших умчаться с поля брани, скликал новых желающих. Разгромить Дмитрия он не надеялся, но рассчитывал налететь изгоном на окраины. Воины пограбят, утешатся мстостью.

Но за Мамаем следил из Сарая хан Тохтамыш. Для него обстановка складывалась – лучше не придумаешь. Соперник вдребезги разбит чужими руками, а он сохранил силы. Татары возмущались постыдным бегством Мамаю, винили его в гибели родных и близких. Повелитель черноморской Орды даже не успел приблизиться к границам Руси. Едва выступил в поход, ему донесли – идет какое-то войско. Развернулись к сражению, но оно завершилось без единого выстрела. Тохтамыш велел объявить: он законный хан, Чингизид, а Мамай трус и узурпатор. Мурзы и воины полностью разделяли его мнение. Надо служить победоносному, а не осрамившемуся вождю. Начали переезжать к Тохтамышу.

Мамай увидел, что рискует остаться в одиночестве, прихватил казну и рванул подальше. Но теперь-то куда ему было деваться? Не осталось ни земель, ни подданных. Вчерашний всемогущий властитель направился в Кафу. Уж наверное, друзья генуэзцы приютят, не выдадут. Он ошибался. Воротилам черноморской «Хазарии» не требовался неудачник. Обязательства он не выполнил, брал деньги для похода на Москву и не расплатился. А для торговых операций и поставок невольников теперь надо было налаживать связи с Тохтамышем. Мамай умертвили, а его богатства прибрали к рукам.

Однако грозная сила, проявленная русскими, произвела должное впечатление и на Тохтамыша. В Москву явились его послы. Хан обращался к Дмитрию Ивановичу чрезвычайно уважительно, не как к рабу, а к союзнику. Извещал, что «супротивника своего и твоего врага Мамайя победи» и отныне садится на «царстве Волжском». Что ж, в Москве оценили учтивый тон. В Сарай поехало ответное посольство, повезло поздравления по поводу восшествия на престол, подарки. Великий князь не отказывался почитать царя, но о дани больше речи не было. Русь стала уже не та, чтобы унижаться и платить. Видимо, Тохтамыш это понимает. Значит, можно установить такие отношения, которые будут выгодными и для него, и для русских.

Известия о грандиозной победе Дмитрия расходились и по другим странам, достигли Генуи, Венеции, Кракова, Рима, Константинополя. Но в то же самое время, когда богатыри великого князя стяжали бессмертную славу, в Византии вокруг русских разыгрывался скандал. Нареченный митрополит Митяй-Михаил до цели так и не добрался. В морском путешествии ему стало худо, напоследок он смог взглянуть на панораму греческой столицы, да и преставился. Но бояре и священники, составлявшие посольство, проявили неумную инициативу. Сколько трудов положили в дороге, зачем же возвращаться без митрополита? Не лучше ли самим подобрать замену?

Послам на всякий случай были выданы несколько чистых грамот с великокняжеской печатью – например, пока будут ехать, в патриархии переменится руководство (как оно и произошло, патриархом стал уже не Макарий, а Нил). Митяя по-тихому схоронили на берегу, а на его место выдвинулись две кандидатуры, архимандриты Иоанн Петровский и Пимен Переяславский. Выборная кампания на борту корабля была бурной. Победил Пимен. Иоанн протестовал, угрожал обличить противников перед патриархом и великим князем. А бояре посовещались и заковали его в кандалы, чтобы не мешался. В чистую грамоту вписали Пимена, дескать, московский государь просит посвятить его в митрополиты.

О посольстве уже прослышал Киприан, прикатил из Киева судиться с москвичами. В Константинополе находился и епископ Дионисий Суздальский, изложил жалобы на Митяя. Оба были немало удивлены. Ждали-то Митяя, а появился почему-то Пимен. Но послы были отлично подготовлены к спору с Киприаном. Всплыла его клевета на св. Алексия, раскрылась нелюбезная интрига, как он сам сочинял литовские ходатайства о собственном поставлении. Его прежнего покровителя Ольгерда не было в живых, так что и денег Киприан привез мало. Дело приняло столь неприятный для него оборот, что он даже не дождался окончания суда. Скрылся без дозволения патриарха и засел у себя в Киеве.

Но и просьба о поставлении Пимена выглядела сомнительной. При дворе императора и в патриархии сидели не дурачки, легко раскусили подлог. Но кандидат в митрополиты засыпал всех взятками. Немалой казны посольства не хватило, он влез в долги к генуэзцам, занимал от имени великого князя где только мог. А тут подоспели и новости о Куликовской битве. Патриарх Нил пришел к заключению, что за дружбу с Москвой надо держаться крепче. Он сделал вид, будто не подозревает об обмане и развел руками: «Не знаю, верить ли послам русским, но совесть наша чиста». Возвел Пимена в митрополичье достоинство. Мало того, послам удалось выхлопотать от патриархии грамоту, что отныне «на все времена архиереи всея Руси будут поставляемы не иначе как только по просьбе из Великой Руси».

Но пока в Константинополе раскручивался этот клубок, оттуда ехали купцы, странники. До Дмитрия Ивановича дошли сведения о вопиющем самоуправстве его делегации, добавился еще и слух, что Митяй-Михаил умер не своей смертью, что его уморили, дабы перехватить митрополичий клубок. Государь разгневался. Послы запятнали ложью и Русскую Церковь, и всю державу! А как оставалось поступить? Искать третьего митрополита, снаряжать новую делегацию в Византию и окончательно опозориться? Государь советовался с духовником, с епископами, и снова вспомнил про Киприана.

В Москве еще не знали, что патриархия признала неправильным его поставление. Но ушли, что положение самого Киприана очень переменилось. Раньше-то он спелся с Ольгердом, помогал ему тянуть Русь под себя. А сейчас Ягайло притесняет православных, в Киеве сидит язычник Скиргайло, и митрополиту приходится не сладко. Возникла идея, а если перезвать к себе? Хоть и чужак, но ведь настоящий, рукоположенный митрополит. На этот раз он будет призван не против воли, а по воле великого князя. Киприан деятель хваткий. Вот и пускай послужит Дмитрию так же, как служил Ольгерду, подтягивает к Москве литовских православных...

В 1381 г. в Киев отправился духовник государя Федор. Киприан не верил своему счастью. Боялся, как бы ему усидеть на собственном месте – то ли Ягайло прогонит, то ли патриарх лишит сана. А его приглашали занять кафедру митрополита Владимирского и Всея Руси, жить в богатых кремлевских палатах! Он торжественно прибыл к Дмитрию Ивановичу, о былых ссорах не вспоминали. Возвратились и посланцы из Византии, но их ждал несколько иной прием. Задержали в Коломне, запретили въезжать в столицу. Провели расследование. Убийство Митяя не подтвердилось, однако все остальное, что они натворили, заслуживало наказания. Бояр-послов определили в тюрьму, с Пимена сняли митрополичий клубок и сослали в Чухлому.

Между тем, эхо Куликова поля громко аукнулось и в Литве. Раньше Ягайлой были недовольны только православные. Сейчас они открыто вступали в переговоры с Дмитрием Донским, как бы перейти в его подданство. А бесславный поход Ягайлы к Мамаю и поспешный марш в обратную сторону – считай, бегство, подорвали его авторитет даже среди язычников. Брезгливо качали головами: слабак и тряпка. Воспользовался дядя, Куйстут. Он сверг племянника, и воины провозгласили его великим князем Литвы. Кейстут круто изменил политику государства. Предложил Дмитрию Донскому заключить союз, вместе стоять и против татар, и против немцев. Русские охотно согласились. Князья-эмигранты получили обратно свои уделы, Андрей Ольгердович вернулся к себе в Полоцк, Дмитрий Ольгердович в Брянск. Прощались тепло и верили, что ненадолго. Теперь русские и литовцы друзья, встретятся и на празднествах, и в походах на общих врагов.

Но у Ягайлы тоже нашлись друзья, католики, поляки. Подсобили деньгами, людьми. Он заявил, что хочет помириться с дядей, готов быть послушным вассалом. Устроил большой пир. А за столами подал знак, его слуги кинулись на приглашенных. Подгулявшего Кейстута и его бояр перерезали. На пир не явился сын дяди, Витовт, но что-либо предпринять ему не позволили. К нему внезапно нагрянул отряд воинов, и он очутился в темнице. Предсказать участь Витовта было не трудно. Однако он во многом отличался от доблестного и беспечного Кейстута. В хитрости ничуть не уступал Ягайле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.